ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

Литературное приложение к ежемесячному научно-популярному и научно-художественному журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»

№ 2 (11)
Издается с 2006 года

№2/2010

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители
П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала «Знание-сила»

Генеральный директор АНО «Редакция журнала «Знание-сила»
И. Харичев

Журнал издается при участии Холдинговой компании «ВестКонсалтинг» (Генеральный директор Е. Степанов)

Редакция
И. Харичев (шефредактор)
Е. Степанов (заместитель шефредактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет
Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка
А. Горелова

Компьютерная верстка
М. Кива

© «Знание-сила»: Фантастика, 2010 г.

Подписано к печати 07.09 2010
Формат 60x90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт. 31.95.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (495)235-89-35
Факс: (495)235-02-52
E-mail: zn-sila@ropnet.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Цена свободная

Отпечатано в ООО «ВестКонсалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул., д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.westKconsulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 15

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕЗАВТРА

3 *К. Фрадкин*
Преимущество нерациональности. *Повесть*

27 *М. Хорсун*
Кратный

43 *И. Харичев*
Будущее. Россия

КОНТАКТ

48 *М. Рабинович*
Точка отсчета

64 *П. Михненко*
Эксклюзивный контакт

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

77 *С. Криворотов*
Нажимая кнопки

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

81 *В. Шишикин*
Домой, домой

92 *С. Филипский*
Без проблем

ЮМОРКОН

100 *Ю. Аметова*
Наследство Кокорюкиных

104 *В. Молотилов*
Хроника пикирующего бомбардировщика

108 *В. Дёминский*
Оружие победы

Константин Фрадкин

Преимущество нерациональности

Повесть

Настоящий коллекционер не должен показывать своих чувств. Он долИ жен соблюдать это правило, что бы он ни собирал: марки, антикварное оружие, монеты с доисторическими профилями, пивные этикетки, деньги или власть. Коллекционеры с большой буквы, особенно собирающие власть и деньги, не изменяют этому правилу никогда.

Опытный коллекционер власти знает, что говорить в любой внештатно обыденной ситуации. Продажа эскимосам желтого снега — рутина. Чуть сложнее уговорить третьей молодости банкира, вошедшего в разгар лабоИ раторной работы, дать кредит для развития нового производства. ПоИвшему, ерунда? Может быть. А если лабораторная работа посвящена размножению млекопитающих? И делать ее вам помогала жена этого финансиста, облаченная в праздничный костюм Евы?

Главное — человекам не мешать, они и сами будут рады попасть впросак.

Но рассказывать о влиянии на работу корпорации существ, похожих на коала с перышками на голове!? Самый матерый коллекционерище может растеряться. Особенно если эти псевдосумчатые прилетели с дружеским визитом на звездолете, способном раскатать планету площе, чем асфальИ тоукладчик хомячка.

Подобные мысли, и тенью не отражаясь на лице, бродили в голове Президента «All stars corporation» Бориса Константиновича Громова. Походкой человека, привыкшего к признаваемому всеми ощущению собИ ственной значимости, он направлялся к своему аэробентли. Именно сегодИ ня планировалась встреча с теми самыми, спутавшими всем планы, иноИ планетянами.

— Ну, как мы, шеф? – обратился к нему водитель, когда прикрывшаяся с дорогим шелестом дверца отгородила Бориса Константиновича от улицы и сияющий хромом аэромобиль оторвался от посадочной площадки трехИ сотого этажа здания «All stars corporation».

— Еще не знаю, Миша, — ответил тот задумчиво. Как и любой хороший руководитель, Громов знал сотрудников по именам и не любил врать им. – Я помню, что и ты, и многие другие вложили все, что есть, в наши акции.

Да и как бонусы вы их получали. Сейчас еще не ясно, разрешат ли нам иметь межзвездные корабли и колонизировать планеты. Посмотрим, что скажут эти пришельцы, но в любом случае я постараюсь выкрутиться.

— Мы в вас верим, шеф, — благодарно улыбнулся Миша.

«Мне бы твою уверенность,» — печально подумал Громов, откидываясь на сразу подстроившееся под его движение сидение.

Водитель, увидев, что пассажир задумался, и, решив не мешать, плавно повел аэромобиль, почти сразу попав в тень зависшего над городом огромИ ного ромбовидного инопланетного корабля.

Сообщив людям дату, когда представители всех государств получат возИ можность задать свои вопросы, и передав информацию для размышления, пришельцы больше не вступали в контакт.

Борис Константинович, расслабившись, попытался проанализировать ситуацию и рассчитать, кто же или что же может ему помочь. Внезапно в его мозгу промелькнула мысль: в конце концов, в прошлом этот человек помог ему — почему бы этому не повториться? Очень дорого и неприятно просить о помощи того, кому и так обязан, но другого выхода нет.

— Когда мы доберемся?

— Выехали с запасом, — ответил водитель, взглянув на хронометр, — через десять минут доберемся до Охотного ряда.

— А заседание начнется только через тридцать минут, — улыбнулся Громов. — Так что минут двадцать есть.

Еще пару секунд он, прикрыв тяжелыми веками глаза, крутил пальцами рук, сцепленных на плотно обтянутом рубашкой животе, последний раз обкатывая идею.

— Отлично, соедини меня с секретарем, — наконец, решился он

— Света, — обратился он к молодой женщине, голографическое изобраИ жение которой сразу же появилось перед ним, — сегодня на встречу вместе со мной поедет еще один человек, организуй ему пропуск. — Дождавшись утвердительного кивка, он продолжил, — а теперь соедини вот с этим абоИ нентом, — и он показал ей визитку. — Пропуск нужен на его имя.

Люди, как правило, стараются соревноваться друг с другом не в доблеИ стях, а в излишествах. Именно с этим связаны непроизводительно огромИ ные автомобили, часы, способные работать и в невесомости, и в агрессивИ ной атмосфере Юпитера, и конечно визитки – предмет гордости любого, мнящего себя большей шишкой. И разноцветные, и голографические, и с особыми пряными запахами, и с отламывающимися шоколадными краяИ ми, и с миниИпроцессорами, готовыми по первому слову представить подИ робную информацию о владельце, и самые модные в последние месяцы — с мини – проектором, создающим эффект присутствия. Но визитная карточИ ка, которую Громов показал Светлане, оказалась неправдоподобно проста – картонный квадратик белого цвета, черным написано – Хейфец Израиль Исаакович, юрист, — и короткий телефон.

На этот раз изображение появилось далеко не сразу, скорее всего, абоИ нент был занят.

Водитель, больше десяти лет работающий на этом месте, видел необычИ ное — пассажир нервничал. Дыхание Громова участилось, потом он стряхИ

нул несуществующую пылинку с пиджака. ЗачемИтопоправил узел галстуИ ка. Сменил несколько положений рук, в конце концов, сложил их на колеИ нях, стал сжимать и разжимать пальцы.

Наконец, связь была установлена.

На Бориса Константиновича выжидательно смотрел уже очень пожиИ лой, но все еще подтянутый и следящий за собой человек. Паутинки морИ щин, сбегающие от глаз к вискам. Ироничные голубые глаза, как тесты Роршаха — увидишь ровно столько, сколько сможешь. За его спиной поблескивали корешки книг. Рабочий кабинет располагался в необычном месте – под навесом на крыше какогоИтовысокого здания. Столь же неоИ бычен был и предмет, который человек держал в руках – напоминающий плавными изгибами работы Гауди мощный блочный лук с агрессивными эксцентриками.

Борис Константинович знал о привычке своего визави работать на крыше и периодически делать перерывы для стрельбы по расположенным тут же мишеням. Очень полезная привычка, вошедшая в моду при предпоИ следнем президенте – мастере спорта по стрельбе из блочного лука. Увы, она чуть ушла в тень при последнем – гольфисте. Весьма благоприятный для деловых людей спорт. Сперва несколько человек методично отстрелиИ вают по мишеням полдюжины выстрелов. Потом, пока они идут по полю забирать стрелы из мишени, можно спокойно обсудить дела. Удобнее для бизнеса, чем гольф. Но что поделаешь, привычки президентов не выбираИ ют

Неловкое молчание тянулось секунд пятнадцать. Собеседники изучали друг друга.

— Добрый день, — произнес, наконец, Борис Константинович.

— Добрый день. – Собеседник явно не собирался облегчать Громову задачу.

Еще одна неприятная пауза.

— Пропустим разговоры о погоде. Израиль Исаакович, мне очень нужна ваша помощь, — с трудом вытянул из себя слова Громов. Он давно уже никого ни о чем не просил. Отвык.

Хейфец выжидающе склонил голову к плечу. Казалось, он догадывался о причинах звонка. Может быть, и ожидал его, а теперь развлекался, наблюдая непривычно суетливые движения собеседника.

— Признаюсь, что если вы не поможете, я пропал. Только вы можете чтоИнибудь придумать, — решил подпустить еще немного лести Борис.

— Приходит новый русский к старому еврею и говорит: – «Папа, дай денег», — усмехнулся старый юрист, взлохматив седые волосы. Было видно, что лесть подействовала.

— Это что?

— Так.... анекдот времен моей молодости. В чем сложности? — приняв решение, Хейфец сразу перешел к делу. – Учтите, никаких скидок не будет, а мои ставки вам известны. Вот, ознакомьтесь и подпишитесь, — на секунИ ду Израиль Исаакович отвернулся, пальцы станцевали по клавишам налаИ донника «iAll».

— Да, понимаю, — махнул рукой Громов, в воздухе перед которым сразу

возник отправленный ему текст. – Как всегда, полная доверенность на приИ нятие любых решений, абонентская плата, никаких гарантий и четверть прибылей от проекта?

Дождавшись утвердительного кивка от собеседника, он быстро подпиИ сал документы.

— Я заказал вам пропуск в Государственную Думу. Машина уже у двери. Я буду через десять минут, там и поговорим, — соскользнул на привычный телеграфноИкомандный тон разговора Борис. Тревожно взглянул на собеИ седника, но, кажется, того это только слегка позабавило и, утвердительно кивнув головой, он прервал разговор.

Спустя пять минут аэромобиль высадил пассажира напротив здания на Охотном ряду. Громов предъявил документы бдительно вежливым часовым.

Сканер одобрительно пискнул. Одетый в серое с черным охранник строИ го кивнул, и Президент, он же главный акционер «All stars corporation», прошел внутрь, оглядывая холл в поисках своего недавнего собеседника. Спустя еще пару минут они оба вежливо раскланиваясь со знакомыми, пробирались к зарезервированным местам в огромном отделанном под дерево зале заседаний. Внимательный наблюдатель мог заметить, что оба рады встрече, но скрывают эмоции.

— Гляди: Громов и Хейфец вместе, — сказал один из встречных идущей с ним под руку миловидной женщине.

— И впрямь странно, — отозвалась та. — Уже пять лет как неизвестно изИзачего поругались, а тут прямо шерочка с машерочкой. — И она, не забыв мило улыбнуться, сразу оставила своего спутника, чтобы обсудить новость, которая почти не уступала сведениям о прилете инопланетян. В конце концов, те прилетели уже пятнадцать дней назад и новизна успела поблекнуть.

Игнорируя заинтересованные взгляды, две фигуры, ставшие предметом пристального изучения, нырнули в длинный низкий коридор, добрались до правой ложи и уединились там.

Зал почти не менялся с конца двадцатого века. Длинные ряды красных депутатских столов, в тон им ковровые дорожки. Высокая коричневая триИ буна. Технических новшеств почти нет. Исключение — пуговки голографиИ ческих проекторов на каждом из столов.

С показным безразличием оглядевшись, Громов начал разговор, не забыв экранировать пространство ложи.

— Сейчас начнется прессИконференция инопланетян, — сказал он, по привычке прикрывая рот рукой и отворачиваясь в сторону, чтобы никто не мог, читая по губам, подслушать их разговор. — Они обещали, что все приИ сутствующие смогут задать им вопросы и беседа будет идти со всеми одноИ временно.

— Удобно, — кивнул Хейфец. — Но лучше сейчас рассказать мне, в чем видится проблема.

Борис Константинович тяжело вздохнул, он уже отвык кому-Итоподчи-И няться.

— Ты прав, — незаметно для себя Громов перешел с официального «вы» на когда-Итопривычное им доверительное «ты». — Проблема в том, что все

средства «All stars corporation» вложены в финансирование разработки техИ нологии межзвездных перелетов для эксплуатации других планет. Мы расИ считывали покрыть все расходы за счет разработки их ископаемых. Наши первые корабли построены, двигатели оказались чрезвычайно просты. Увы, полеты привлекли внимание инопланетян, объединенных в так назыИ ваемый Галактический Альянс. Если быть более точным, то пока мы видели только некоторых из них. Себя они называют пруксяне; Прукс – мир, пруксянин – живой.

Израиль Исаакович понимающе кивнул, а Громов продолжил:

— Так вот, эти пруксяне явились, чтобы ознакомить нас с правилами галактического поведения, — Борис хмыкнул. — Оказывается, есть и такие. Нам существенно облегчили работу, предоставив кадастр всех планет нашей галактики. Теперь можно лететь не наобум, а в строго определенный мир. Это сделано не в помощь, а для того, чтобы установить границы собИ ственности. Насколько я понял, все имеющие потенциальную ценность и не населенные разумными существами планеты давно заняты, а колонизаИ ция планет, населенных разумными существами запрещена. Так же, как и все формы агрессии против рас, не вышедших в космос. Торговля с ними должна осуществляться на принципах разумной добросовестности.

— То есть менять ножи на золотые слитки не получится? – усмехнулся юрист.

— Именно, — степенно кивнул массивной головой Громов. — В связи с этим понятно, почему к нам почти не прилетали ранее. Праздношатающиеся туристы на летающих тарелках не в счет. Мы были просто неинтересны, ни выгодной торговли, ни войны с нами вести нельзя. Но как только мы вышли за пределы солнечной системы, наш статус сразу же изменился. Земляне стали формально взрослыми, и им сразу решили указать подобаюИ щее место, — вздохнув, он продолжил. – В общем, все наши исследования и корабли можно сдавать в утиль. Необитаемые планеты Галактики давно поделены, и нам там нет места, а захват и эксплуатация населенных планет запрещены. Раз в несколько лет к нам будут прилетать, чтобы обменять бусы на золото. Будут продавать какие-то тысячу лет назад устаревшие техИ нические новинки, а мы грузить копру на борт больших пирог белых браИ тьев, — поджав полные губы, он замолчал.

— Ну а чем это грозит тебе? — решил поддержать доверительный тон разговора Израиль Исаакович.

— Ну-ну, — протянул Борис, — через пять месяцев годовое собрание акционеров. До этого времени никто не будет представлять, сколько мы потеряли. Но когда акционеры затребуют отчета... Даже если мы сейчас все продадим... В общем и я, и «All stars corporation» будут объявлены банкроИ тами, и мести мне мостовые до скончания жизни. Теперь дворник-человек, а не робот в моде.

— Если такое случится, обязательно приду кидать бумажки на выметенИ ный тобой тротуар. — Израиль Исаакович не смог сдержать улыбку, предИ ставив вальяжного Громова с репликой антикварной метлы в руках. — А скажи, запрещены любые формы сотрудничества с неразвитыми расами?

— Вот сейчас у них и спросишь. Шоу начинается.

Свет в зале начал меркнуть. Над столами замерцали серебристые облачИ ка, которые через несколько секунд стабилизировались в шары для переИ дачи голограмм.

Шум в зале мгновенно смолк.

Голограммы замерцали и, наконецИто, все увидели инопланетян. Появившаяся на экранах особь и впрямь напоминала большего пушистого коричневого коала, которого игравший с ним ребенок запихнул в мешкоИ ватый серый костюмчик, не забыв лихо заткнуть ему за уши парочку коротИ ких цветастых перьев.

Пришелец открыл рот. Зубы у него оказались что надо: не очень больИ шие, но белые и явно острые.

— Приветствую вас, уважаемые жители Земли, от имени Галактического Альянса, — торжественно начал он. — Разумные народы Галактики рады пригласить Вас в нашу дружную семью. При этом они как разумные и рациональные существа считают необходимым ознакомить вас всех с общими правилами поведения. Своды галактического права уже переданы главам Ваших государств, однако, мы считаем необходимым ознакомить с ними как можно больше жителей планеты Земля.

Зал затаил дыхание, а инопланетянин продолжил.

— Информирую Вас о том, что все планеты галактики, за исключением планет, населенных разумными аборигенами, являются объектами собИ ственности, уже длительное время используемыми разумными существами. Оккупация планет, населенных разумными существами, а также силовое воздействие на них, воздействие на их волю, в том числе и путем угрозы применения силы, запрещены, за исключением случаев нарушения ими норм межгалактического права, в частности, права собственности других разумных существ.

Голос пришельца оказался ровен и даже не лишен приятности. Этакий вдумчивый интеллигентный баритон. Чувствовалась работа очень хорошеИ го лингвистического компьютера. Воспроизведенный динамиками голос отражал самое искреннее и дружеское расположение

— Как рациональные разумные существа, в целях предотвращения эксИ плуатации и закабаления наших общих братьев по разуму, торговые операИ ции с расами, не вышедшими в космос, допустимы только при условии эквивалентности обмена. Нарушители будут уничтожены. Чтобы избежать этого, на всех планетах, населенных разумными существами, установлены специальные следящие устройства, которые незамедлительно сигнализируИ ют о правонарушении. Как разумное рациональное существо хочу еще раз предупредить вас об ответственности за нарушение закона. В частности, о праве собственника в порядке самозащиты уничтожить правонарушителя.

И тут пришелец сделал паузу и исказил рот попыткой улыбки. Должно быть, искренне желая произвести хорошее впечатление знанием человечеИ ской мимики, он долго тренировал эту гримасу, готовясь к встрече. На этот раз его острые белые зубы никому не показались маленькими.

В зал попали не самые сдержанные представители человечества. Многие из них повскакивали со своих мест. Даже не читая по губам, а только глядя на покрытые потом, искаженные в гримасах красные лица, можно было

понять суть обвинений, которые они кидали пришельцу. Самым безобидИ ным из них было упоминание о противоестественных сексуальных связях его родственников по материнской линии с различными животными и авторами обвинений. — «Мой старый осел твою маму любил! Да!».

Минуту понаблюдав за этим бедламом, коала почти человеческим жестом взлохматил перышки на голове.

— Мне не вполне понятен ряд высказываний, догадываюсь, что они носят явно неприязненный характер. Некоторые предположения о моих пристрастиях остроумны, и я их запомню.

Он повторил вслух несколько особо понравившихся ему выражений.

— Как разумное рациональное существо я выполнил свой долг и сообИ щил вам все необходимое. Теперь я готов ответить на ваши вопросы. Бесплатно будет предоставлена только информация, касающаяся законоИ дательства, регламентирующего правила поведения в нашей дружной семье разумных рациональных народов галактики. Информация, представляюИ щая коммерческий интерес, может быть приобретена по окончании конфеИ ренции.

Шум стих. Каждый понял, что сейчас можно попытаться получить ценИ ные сведения. Предусмотрительные пользовались заранее приготовленныИ ми шпаргалками. Только несколько наиболее активных политических говорунов продолжали обличительные речи. Однако, увидев, что аудитория не обращает на них внимания и занята другим, они сникли и мало— помаИ лу затихли.

Скрестив сухие только начавшие покрываться пигментными пятнами руки на груди и свободно откинувшись на спинку обитого красной материИ ей стула, Хейфец наблюдал. Громов в числе прочих азартно пытался вытяИ нуть из пришельца нечто ценное. КакимИтообразом тот отвечал всем одноИ временно.

Не торопясь, старый юрист составил в уме список вопросов. Любовно обкатал формулировки. Еще раз их проверил. С какой стороны ни гляди, зародившаяся схема неплоха. Мысленно взяв с полки пирожок, чтобы похвалить себя, он чуть зажмурился, скрывая неожиданно молодой блеск недобрых голубых глаз. Наконец, повернувшись к голографическому проИ ектору, посмотрел на схожего с мягкой игрушкой собеседника.

— Приветствую вас. Первый вопрос. Допустима ли благотворительИ ность — безвозмездная передача представителями развитой расы имущеИ ства, а также знаний и умений в пользу рас малоразвитых и не вышедших в космос? – спросил он.

— И я вас приветствую. Да, дарение имущества, в том числе информаИ ции, не запрещено. Но нельзя передавать заведомо ложные сведения, а также имущество и технологии, которые могут иметь вредные последствия для метаболизма или репродуктивной функции аборигенов, а также разруИ шить окружающую их природную среду.

— То есть, прилетая к нам, нельзя было продавать наркотики, алкоголь, вещества схожие с ними, а также бромсодержащие лекарства и чтоИлибо подобное? – уточнил Хейфец, решив отойти от заранее составленного перечня вопросов.

— Вы меня верно поняли, — кивнул пришлец, копируя земную жестИ куляцию.

— Это ведь диктуют принципы разумности и рациональности? Ведь, наверняка, все остальные расы галактики столь же рациональны, как ваша?

Склонив голову, коала попытался найти в глазах собеседника издевку, но тот выглядел совершенно серьезным.

— В большей или меньшей степени, — наконец отозвался пруксянин. — Все известные расы различны и имеют сильные и слабые стороны, но они одинаково разумны и рациональны.

— Я правильно понял, что запрета на колонизацию ненаселенных плаИ нет, не принадлежащих какойИлибо из развитых рас, нет. Нет и запрета принимать подарки от неразвитых аборигенов? — продолжил человек.

— Абсолютно верно, — уже слишком явно старясь копировать человечеИ ские движения, плюшевый медвежонок опять кивнул. — Но таких планет и даже астероидов нет. Все известные планеты или закреплены за кемИтоили же населены автохтонными разумными существами, не вышедшими в косИ мос. Их эксплуатация запрещена. Принять подарок от аборигена можно, но его дар должен исключать принуждение или прикрывать собой торговИ лю.

Хейфец еще раз прокрутил в голове все вопросы. Ситуация становилась все более определенной.

— Ну что же, спасибо. До свиданья, — удовлетворенно промолвил он, поднимаясь с кресла.

— У вас еще осталось время. Вы не хотите спросить меня о том, как зараИ ботать миллиард, или как мне удается беседовать сразу со всеми, или о принципах работы двигателей нашего корабля? — спросил явно заинтереИ сованный пришелец, уперев в бока мохнатые лапки.

— Стараюсь быть разумным и рациональным существом, — усмехнулся человек. — Вы же все равно бесплатно не ответите.

Чувство, которое выразил взгляд фиолетовых глаз мохнатого медвежонИ ка, любой охарактеризовал бы только как уважение.

— Это так, — наконец, промолвил он и еще некоторое время провожал полузанавешенными длинной, как у болонки, шерстью глазами сухопарую фигуру беседовавшего с ним человека.

Выйдя из ложи, Израиль Исаакович быстро миновал коридор и около трех минут, одобрительно качая головой, рассматривал висящие в холле картины. Для создания соответствующего настроения воздух вокруг них, как нравилось Хейфецу, немного пах хвоей и грозой.

— А Заярцев и впрямь талантлив, — сказал он подошедшему спустя некоторое время Громову, кивнув в сторону нескольких пейзажей, изобраИ жающих весенний лес. — Ну как, поговорили?

— Я спросил его о том, как ему удается беседовать со всеми сразу, и о том, как функционирует его корабль. А он не ответил!

Израиль Исаакович скомкал улыбку.

— Я думаю, он не ответил на большинство заданных ему сегодня вопроИ сов. Теперь уже поздно, пойдем, обсудим наши дальнейшие действия.

По пути Хейфец, низко склонив голову, поцеловал руку какойИтоуже

много лет тридцатипятилетней дамы и подмигнул парочке шушукающихся, глядя в их сторону, девушек. Вместе с Громовым приветливо поздоровался с несколькими мужчинами.

Быстро выйдя на улицу, они, не обращая внимания на вспышки голоИ граммоаппаратов папарацци, пронюхавших о сенсационной встрече, нырИ нули в уютное, пахнущее кожей чрево ожидавшего их аэромобиля. Израиль Исаакович, отодвинув сразу втянувшуюся в потолок перегородку, отделявИ шую их от водителя, протянул сидящему за рулем Михаилу руку для рукоИ пожатия. Расспросил про племянницу, которая в прошлом году поступила на юридический. Только внимательно выслушав рассказ о ее успехах, он откинулся на сидение.

— Какие впечатления? – спросил его Громов. Он опять принял бодрый вид, словно ему только что сообщили, как заработать десять миллиардов, жениться на блондинке и жить долго и счастливо. — Совершенно ясно, что нужно пытаться быстро продать все связанное с космосом имущество. Возможно, некоторые заводы удастся настроить на выпуск другой продукИ ции. Может, выкрутимся. Уже понятно, что в космосе землянам места нет, этих мишек нам не переплюнуть. – Говоря это, Президент «All stars corporation» выжидательно посмотрел на собеседника, явно надеясь на опровержение.

— Интересная идея, — вздохнул Израиль Исаакович. — Но поступать нужно ровно наоборот – закладывать каждую пуговицу и скупать все, что может быть связано со строительством межзвездных кораблей и колонизаИ цией планет. Сейчас акции таких предприятий упадут ниже некуда, и мы купим их за копейки.

Казалось, что Громов, пусть и ожидавший чегоИтоподобного, проглотил ежа и тот распушил иголки прямо у него в пищеводе. Наконец, он перевел дыхание, но прежде, чем он сумел чтоИтосказать, Израиль Исаакович успоИ каивающе положил ему на колено длиннопалую руку.

— Подождем до кабинета, там и поговорим, — предложил он.

— Хорошо, — секунду подумав, согласился Громов. Восстановив самоИ обладание, он уставился в окно.

Приземлившись, они вальяжно двинулись мимо пожиравших их глазаИ ми служащих. Хейфец периодически здоровался со знакомыми. Громов помрачнел. Было видно, что его самого уважают, но Хейфеца, не появлявИ шегося здесь уже несколько лет, явно любили все. От уборщицы, колдуюИ щей над терминалом роботаИполомойки и забывшей сказать традиционные во все века «ходют тут, следют, а мне убирать», до члена Совета Директоров, расплывшегося в мальчишеской улыбке, когда Израиль Исаакович дружеИ ски ткнул его в пузо кулаком. С ним они договорились в ближайшие время встретиться и повспоминать славные студенческие времена, когда деревья были зеленее и женщины согласны на все без денег.

— Судя по взглядам моих секретарш, тебе и сейчас платить не приходитИ ся, — заметил Громов, когда они все же вошли в кабинет.

— «Даже не знаю, в чем дело, сынки, — сказал дед, задумчиво почесывая языком левую бровь», — весело отозвался Израиль Исаакович.

— Это что?

— Очередной анекдот времен моей юности. После расскажу.

Старый юрист внимательно оглядел недавно отремонтированный кабиИ нет, чуть потемнел лицом, увидев портрет пожилой русоволосой женщины в траурной рамке. Медленно пройдя вокруг большего стола, уселся, но не в кресло хозяина, а на стоящий рядом стул. Повисло молчание.

— В общих чертах продумал план... — произнес Израиль Исаакович.

— И? – перебил его Громов. — Ну, кроме того, что уже говорилось? – закончил он, смутившись укоризненного взгляда.

Хейфец улыбнулся, но, решив не обращать внимания на заусеницу в беседе, продолжил. – Это первая часть. Закладываешь все, берешь любые кредиты и скупаешь то, что необходимо для активной колонизации планет: технологии, верфи, заводы по переработке сырья. А я займусь второй частью плана.

— И в чем она будет заключаться?

— Думаю заняться благотворительностью.

Лицо Громова могло послужить образцом для скульптуры, изображаюИ щей возмущенноИ недоумевающий вопрос.

— Десять минут послушай, не перебивая, и я все поясню, – сказал юрист, когда шумно выдохнувший наниматель занял место рядом с ним.

Уже через минуту тревожные морщины на лице Громова разгладились. К исходу второй минуты он радостно улыбался. Непривычное к столь эксИ прессивной мимике лицо забавно трепетало и могло показаться смешным, если бы не глаза, которые светились радостью сорокапятилетнего мальИ чишки. И все же он не мог удержаться от сомнения.

— А ты уверен, что сработает?

— Полную гарантию дает только Госстрах, — ответил довольный произИ веденным эффектом Хейфец и, весело прищурив глаза, добавил — Но ты все равно не потеряешь столь красочно описанного тобой места дворника.

— Твоя правда, — довольно улыбнулся Громов, — а что это за Госстрах? Опять анекдот?

— Долго объяснять, – отмахнулся Израиль Исаакович.

Три последующие недели Президент «All stars corporation» мотался по всему миру. Выучил клички собак, кошек, лошадей и прочей мелкой и крупной живности, принадлежащей наиболее значимым банкирам, а также имена в определенном смысле также принадлежащих им жен, любовников и любовниц.

Каждая скрепка в «All stars corporation» заложена. Каждая копейка, с мясом вырванная из цепких лап «цюрихских гномов», вложена в покупку упавших ниже всех приличий акций компаний, производящих оборудоваИ ние, необходимое для межзвездных перелетов и колонизации планет. Непонятная активность Громова спровоцировала много слухов, Совет Директоров «All stars corporation» попытался узнать, что происходит.

Громов назначил заседание Совета Директоров на Таити. Приказал забронировать билеты и гостиницы за четыре дня до даты заседания. Успел переговорить с каждым из директоров отдельно. Трусливых запугивал, алчИ ных подкупал, тщеславным льстил. Те поняли: дело зашло так далеко, что,

отстранив его от управления, они уже не смогут исправить ситуацию и окаИ жутся виновны в банкротстве компании.

— Если мне падать, то я всех с собой прихвачу, — говорил Громов в день заседания, стоя во главе пурпурного стола на длинной увитой цветами веранде.

Вокруг собрались члены Совета Директоров, представляющие интересы акционеров. Солидные седовласые и молодые остролицые, но одинаково алчные мужи.

— Прекратите мои полномочия, и вам не спасти фирму. Но я могу это сделать. У меня есть план и средства для его осуществления. Со стороны мои действия кажутся абсурдными. Но верьте мне: то, что я делаю, единИ ственно верно и правильно. Если есть выбор: действовать правильно и разориться или выглядеть дураком и приумножить капитал — то я предпоИ читаю второе.

И он убедил их, потому что был страстен, а страсть движет миром.

А может, и не так. Может, их убедил один из членов Совета Директоров — грузный дядька с невыразительным лицом человека, на собственной шкуре проверившего действие законов Мерфи. Во время пламенного панегирика Громова он, склонив к плечу покрытую седым ежиком волос голову, рисоИ вал смешные закорючки на листке плотной белой бумаги. Когда пришло время вопросов, он, оторвавшись от своего занятия, тихим, дающим оттяжИ ку в хрип голосом спросил: «Борис, план ты нам, конечно, не расскажешь, но ответь — его придумал только ты или Израиль Исаакович участвовал?»

Громов поймал его взгляд, не успевший вернуться к покрытому завиИ тушками листу, секунду выждал и медленно утверждающе прикрыл тяжеИ лые веки. – «Израиль Исаакович полностью одобряет мои действия».

— Тогда предлагаю подтвердить полномочия нынешнего Президента «All stars corporation» — пробурчал себе под нос человек, взыскующий лавр Эшера, тщательно выписывая очередной змееобразный узор.

Получив картИбланш, Борис Константинович прилетел рассказать об успехе Хейфецу, который расположился в его кабинете, поИпрежнему избеИ гая занимать кресло отсутствующего хозяина. Громова резанула по глазам приемная, в которой ждали аудиенции люди, которых он раньше не мог и вообразить в стенах «All stars corporation».

Сумрачные шафрановорясые ламы и чернолапсердачные раввины одиИ наково бесстрастно разглядывали почти не скрывающие разнообразных талантов блузки сотрудниц, вертящихся в карусели обычного трудового дня. С точно таким же пренебрежением почтенные аббаты, расплывшись в широких креслах для посетителей, кидали случайные взгляды сантиметров на двадцать ниже поясных ремней работников офиса. Женщин они не замечали, но соскочившие с гравироликов юные курьеры постоянно приИ влекали их отческое внимание. Тут же откровенно страдал обширнобороИ дый православный батюшка. Ему было плохо. Не надо было и делать вид, что не замечает женщин, мужчин, растений, животных и коллег по ловле человеков. Все его внимание поглощал стоявший тут же винный шкаф.

— Поправиться бы, доченька, — хриплым голосом попросил он секреИ таршу, замедлившую броуновский бег рядом с его креслом. Улыбаясь,

Громов наблюдал, как краска возвращается на лицо батюшки, опрокинувИ шего рюмку, сердобольно поднесенную расторопной девушкой.

Так, улыбаясь, он и вошел в кабинет. За отдельным столом Израиль Исаакович заинтересованно слушал ксендза, разглагольствовавшего о филиокве и необходимости целибата.

Несколько минут послушав беседу, Громов заскучал, но вежливо дождалИ ся, пока важный гость степенно откланяется. Дав по коммутатору указание никого к ним не впускать, он повернулся к ожидающему его юристу. Рассказ о Совете Директоров, кредитах, которые удалось получить, а также приобретенных предприятиях не занял много времени.

— В общем, все примерно так, как мы и ожидали, — подытожил Борис. — Вся индустрия, связанная с космосом, в наших руках. Многие с радостью избавились от подобных активов. А как у тебя? Были сложности? – заинтеИ ресовался он.

— Хммм..., — протянул Хейфец. — Не все сразу соглашались, что у иноИ планетян тоже есть душа и, следовательно, они заслуживают спасения. Немного проще получилось с буддистами и индуистами. Они приняли, что переселение душ за пределами Земли возможно и колесо сансары вращаетИ ся не только в пределах нашей планеты. Но они нам не особо интересны и нужны только для отвлечения внимания. А вот с более перспективными христианами пришлось повозиться. Они пытались убедить меня в том, что все кроме людей, – животные, которыми люди призваны владеть. Даже ссылались на первоисточник, Хейфец поднял к потолку глаза, припомиИ ная: «и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяИ ким животным, пресмыкающимся по земле... Иудеи и мусульмане пошли легче. Впрочем, — хитро улыбнулся он, — когда все они узнавали о суммах, которые могут быть переданы церквям, признавшим наличие у инопланеИ тян души, возражения быстро исчезали.

— Удалось выбрать тех, кто нам подходит? — спросил Борис. — По–моему, любой из жуликов, занимающих мою приемную, отлично справится с задачей. Понятно, что христиане лучше.

— Справится, — усмешливо подтвердил юрист. — Безусловно, справитИ ся, но вот что будет потом? Хороший юрист – профессиональный трус и должен предвидеть все опасности. Понимаешь ли – никто из них не верит в то, что говорит, по крайней мере, не верит так глубоко и искренне, как нам нужно. Посмотри досье, в корневом каталоге папка «Экстра», — кивИ нул он в сторону лежащего на столе «i All».

Борис погрузился в мелькавшие перед ним строчки. Итак, в миру — Пименов Олег Сергеевич, в монашестве — отец Александр, отказ от служИ бы в армии, работа в больнице медбратом, затем духовная семинария, бесИ порочное служение, по всем отзывам — искренне и глубоко верующий человек.

Наверное, средневековые богомазы именно с таких людей писали иконы. Присутствовало все: лучащиеся мудростью и добротой глаза, высоИ кий чистый лоб, благородная, но полная смирения осанка. И еще несколь И

ко таких же людей, православные, католики, буддисты. Если бы можно было канонизировать прижизненно и симулировать совершение ими двух чудес, то святым можно было называть каждого из представленного Хейфецем списка. Самый лучший адвокат дьявола не смог бы оспорить их заслуг и искренней веры.

— Я всегда именно таким представлял Франциска Ассизского, — задумИ чиво промолвил Борис, сворачивая в трубочку «iAll».

— Да, почти святые люди, — кивнул Хейфец. Что интересно, ни одного скольИнибудь значимого чина в этом перечне нет. Ты же видел тех, кто сейИ час ждет приема.

— Неестественный отбор. – Громов помассировал уставшие глаза. — И впрямь ни малейшего сходства.

— Тем не менее, договариваться о миссионерстве святых Францисков нам придется с людьми, святыми в несколько ином плане.

— Вроде святого Игнатия Лойолы.

Собеседники переглянулись с приязненными улыбками понимающих друг друга людей.

Громов неоднократно участвовал в самых разных переговорах и знал, что они всегда одинаковы. Если стороны знают, что хотят получить, то переговоры пройдут успешно. Если нет, то начинается самое сложное — рассказать собеседнику о том, что на самом деле ему нужно. Конечно, бывают фантастические и глупые цели, к примеру, когда люди хотят спраИ ведливости. Здесь было не так. Откинув шелуху, все сводилось к желанию Хейфеца нанять несколько служащих и боязни его визави продешевить.

Стороны знали, что они хотят получить и договаривались очень быстро.

В итоге, условия соглашения оказались примерно одинаковы. Соответствующая конфессия получала неприлично значительные благоИ творительные пожертвования, а несколько адептов из списка Хейфеца — пастырское благословение нести в мир слово божье. День за днем старый юрист собирал людей в ассоциацию «Слово Божье к звездам».

Иерархи были уверены, что именно они решили ее создать, потеснив коммерсантов.

Громов часто с ухмылкой вспоминал, как степенные мужи в багряных, черных или расшитых золотом одеждах чинно рассаживались за огромИ ным круглым столом. Перед этим они оптом и в розницу рассказывали журналистам о безмерном уважении, которое они питают друг к другу, взаимовлиянии религий и диалоге культур. Не забыта была и избранИ ность, осененного благодатью человечества, призванного нести слово божье инопланетянам. Оказавшись унизительно слабее, приходится лечить комплекс неполноценности рассказами о своем мнимом превосИ ходстве.

— А есть ли у инопланетян душа? – пронырливо домогались журналиИ сты еще на подходе к залу заседаний.

— А не гордыней ли будет считать, что только наша планета осенена светом божьим? – ответствовал им один из молодых католических священИ ников. Сутану он носил с немалым изяществом, но горбатый нос и общая

живость физиономии свидетельствовали о том, что многие из его предков наотрез отказывались есть некошерное.

— И обрезание им делать можно? — не сдавался папарацци, заметивший семитские корни собеседника.

— Суесловие – есть грех, сын мой, — густобасо вывел изИподудара колИ легу по цеху православный митрополит и, дружески взяв его под локоть, повел в сторону.

В итоге основной удар пришелся на Бориса Константиновича.

— Есть ли у инопланетян душа? — Повторил журналист полюбившийся ему вопрос.

— Хм. А у вас?

— Зачем «All stars» занялась благотворительностью и тратит такие средИ ства, чтобы рассказать существам на иных планетах о земных религиях? — Высокопарно вопрошал другой.

— Считайте это элементом паблик релейшен.

— Не дороговато?

— Для распространения культуры денег не жалко. Мы умрем, а дела наши останутся, – тупил глаза Громов. — Мы должны утвердить свое кульИ турное превосходство перед лицом превосходящих нас силой рас галактиИ ки. Мы понесем туда не только нашу религию, но и нашу науку и культуру. Будем помогать и лечить.

— Не повлечет ли эта деятельность санкций со стороны этих самых разИ витых рас? – не терял надежду получить сенсацию ктоИтоиз газетчиков.

— Технически развитых, но не духовно. Они же сами разъяснили, что благотворительность разрешена, – очень естественно удивился Громов. — Мы предлагаем лучшее, что у нас есть, за что же нас карать? – продолжил он.

— А если у них уже есть религии?

— Ну что же, тогда наше послание будет отвергнуто, но мы тем самым наладим культурный диалог. — «Опять скатился на высокопарности, пора закругляться»,— подумал Президент «All stars corporation».

Уловив его настроение, одетые в черные костюмы сотрудники охраны начали плавно смыкаться вокруг, давая Громову возможность беспрепятИ ственно добраться до зала заседаний, где часть иерархов уже успела занять заранее приготовленные для них места, а некоторые подчеркнуто коррекИ тно общались друг с другом и журналистами.

Едва прессу вывели за высокую резную дверь, как начался скандал.

Каждый из первосвященников требовал, чтобы только его конфессия несла свет за пределы земли, получая обещанные «All stars» деньги.

— Не можно иметь дело с еретиками, — вздымал перст одетый в алую рясу пожилой кардинал, гневно взирая на сидящего перед ним невзрачного архиепископа Кентерберийского.

— Католицизм запятнал себя преступлениями и утратил моральное право ... — начал в ответ протестант, но его голос потерялся в дружном православном басе:

— Есть лишь одна истинная вера, и эта вера наша!

— Не позволим замутнить слово божье еретическими измышлениями и совратить невинных инопланетных чад, — возражали им.

Католиков избаловала органная музыка. Их голоса не набирали нужных децибел. Закаленные в хоровом пении православные явно перекрикивали.

Израиль Исаакович выслушивал подобное каждый день и, конечно, подготовился. Поймав вопрошающий взгляд одного из православных, Хейфец на полмига утвердительно прикрыл глаза.

Чтобы все прошло по плану, Громову пришлось попрощаться с винным шкафом. Интеллигентная беседа, распитие «на пробу» бутылки коллекциИ онного почти пурпурного, как амарант, коньяка... И вот запомнившейся ему православный иерарх согласился внести нужное предложение. Голос мамонтаИзапевлы взревел, звучно раскатив под высоким потолком:

— БраИаИтия!!!

Когда оглушенные акустическим ударом лица повернулись к нему, он, величественно отодвинул стул и, протянув к собранию руки (Хейфец, вспомнив преподанное еще в ВУЗе искусство судебной речи, два муторных часа тренировал с ним эту позу), продолжил:

— Неужто в тяжелую годину бедствий позволим мы зернам раздора и семени диавольскому прорасти меж нас? — укорил он. — Неужто не отриИ нем от себя гордыни грех? Братия!!! –опять возопил он, увидев, что коеИкто стал открывать рот для ответа, — Объединим наши силы, пусть служители наши, в единую дружину сплотясь, несут свет в мирах заокраинных.

В итоге еще немного взаимных упреков, и все конфессии отказались от права самостоятельно проповедовать за пределами Земли. Это право переИ давалось тут же созданной ассоциации, учредителем которой стала «All stars corporation». Ее Президент, под дружным напором религиозной братии, согласился финансировать деятельность ассоциации «Слово Божье к звезИ дам».

Предложение, которое никогда бы не приняли с подачи Громова или Хейфеца, прошло на ура. Винный шкаф за такое, конечно же, мелочь.

Через несколько часов лидеры большинства мировых религий заявили журналистам о своей личной заслуге в деле примирения и создания «Слова Божьего к звездам» — ассоциации, вступить в которую могли пастыри любых религий. Члены ассоциации должны были проповедовать за предеИ лами Земли. Излишне и говорить, что все огромные расходы, как и приИ зрачные доходы, взяла на себя «All stars corporation», имеющая монополию на межзвездные перелеты

Еще несколько недель ушло на подготовку кораблей к полету.

Наконец, система кондиционирования справилась с остатками ладана, обильно расточавшегося при освящении звездолетов, и Хейфец, решивИ ший вместе с Громовым сопровождать первую экспедицию, подмигнул людям, ожидавшим его сигнала в центре управления полетов: «Поехали».

— Всю жизнь мечтал, — подмигнул он пристегнутому к соседнему кресИ лу Громову.

Корабль стартовал. КтоИтонажал кнопку, реле замкнулись, и в неразИ личимый миг рисунок на обзорном экране заменило звездное небо.

Скрестивший пальцы в ожидании этого Громов внутренне расслабился и перевел взгляд на спокойные лица пассажиров, отправившихся в полет вместе с ним.

Всего их оказалось шестнадцать. Борис никогда не был религиозным человеком. Как и все, отдавал должное официальной религии, клал крест в нужную сторону и светился на праздничных службах. Но рядом с этим людьми он ощущал нечто непередаваемое словами. То, что можно назвать только святостью. Спокойные лица; полные не физической, но духовной силы движения. Небольшое помещение рубки космического корабля, где они находилось, уже через несколько минут лучилось светом.

На еще нескольких кораблях, проскочивших к планетам, кружащимся вокруг напоминающего Солнце красного карлика, находились такие же люди. Их могли назвать миссионерами, подвижниками, фанатиками, но все они искренне желали добра и были полны самой искренней горячей Веры. Веры с большой буквы.

Тихо, чтобы не потревожить молитву подвижников, капитан корабля Семен Михайлович Осколцев докладывал Громову и Хейфецу: «Данные переданных нам галактических атласов и автоматических зондов подтвержИ дены. Планета, названная нами Грааль, идентична земле насколько это возможно. Аборигены человекоподобные, двуполые, используют бронзоИ вые, реже железные орудия», — он вывел на экран сведения, полученные автоматическими зондами разведчиками.

На экранах появились изображения. Действительно, люди как люди. ИзИзаменьшей гравитации более высокие и сухощавые, чем привычно. Руки шестипалые, кожа с сероватым оттенком. И мужчины, и женщины одеты в нечто напоминающее пончо. Капитан быстрым постукиванием пальцев по экрану прокрутил изображения глиняных и деревянных построИ ек, зеленящихся посевов, непонятных, но очень красочных праздников. Увидев одобрительный кивок Громова, убрал экран и, скатав его в шарик, прилепил к магнитному держателю в одной из настенных секций.

— Когда они закончат, — обращаясь к капитану Хейфец кивнул в сторо И ну погруженных в молитву пассажиров, — познакомь их с тем, что только что показал нам. Сегодня еще раз все проверим, подготовимся и завтра начнем.

Еще один день подготовки — и капитан Осколцев отдал команду сниИ жаться близ заранее выбранного городка. Далее от него ничего не зависело. Всю работу взяла на себя автоматика. Однако положено, чтобы на судне был капитан, и поэтому Семен Михайлович с показной внимательностью смотрел на приборы, давая пассажирам понять, что они в надежных руках, все идет, как запланировано и для беспокойства нет ни малейшего основаИ ния.

Сегодня у Сима выдался хороший день. Мамка дала кусок вчерашнего желтого хлеба. Всех овцебыков он выгнал за пределы деревни раньше вреИ мени, поэтому никто из старших не ворчал, что он и эти ленивые твари мешают по улице пройти. Погода была хороша, и охряноИрыжие овцебыки мирно щипали зеленую травку, а в это время можно и просто полежать под кустом, и набрать сладких черных ягод, а то и поймать большого коричнеИ вого кузнечика и сжевать его, начиная с головы. Очень вкусно. Говорят, кто их много ест, тот быстро растет.

Хотя зачем ему расти? После перенесенной еще в детстве болезни, от которой многие умерли, он остался жив, но не выздоровел полностью. Левая рука не слушалась и болталась кожаным мешочком, набитым костяИ ми и ссохшимся мясом. Пока тебе только четырнадцать, так жить можно. Пастух и одной рукой может обойтись, а дальше... Кто его знает, что будет дальше? Может, через год еще какая болезнь придет, и нет тебя. Подобные мысли одолевали Сима нечасто. Иногда накатывала волна жалости к себе, но в двенадцать лет и однорукому жить хорошо, и обида на мир уходила бесследно, оставляя лишь легкий налет грусти, быстро тающий под ярким солнцем.

Сим глубоко вдохнул воздух, полный тягучих летних ароматов, и увиИ дел... Спускалось! Ни языков пламени, ни грома, но чтоИтоогромное, чужИ дое. Металлическое? В мире просто не могло быть столько металла! Оно, непрерывно увеличиваясь в размерах, спускалось именно на выбранный им сегодня луг. И тишина... Он не хотел бежать, просто ноги сами отнесли его в ближайшие кусты и хотели унести дальше, но обычное мальчишеское любопытство вмешалось и сказало им: «Нет, посмотрим отсюда». Шорох приминаемой огромными ногами опор травы, на которую встало это... Один, два, три, четыре, пять, шесть, больше Громадин приземлилось на вдруг ставший маленьким луг. По крайней мере, одна из Громадин оказаИ лась беременной. Немного подождав, она открыла в своей блестящей шкуре узкую щель, и оттуда вылез ее маленький. Без последа, но держащий в руках чтоИтовроде торбы. Ростом с Сима, но какойИтоприземистый и приятно розовый, как пупсик из тряпок и дерева, которым играла его младИ шая сестра. Сим маленьких любил и не раз помогал появляться на свет овцебыкам, ведь сразу после родов они такие беспомощные, им нужно помочь — и он поспешил на помощь. Может, поэтому Громадины и спустиИ лись сюда, что им была нужна помощь?

Когда Сим, все еще немного опасаясь, подошел ближе, он увидел, что новорожденный сам отошел от Громадины. Он и впрямь держал в руках какуюИтоторбу. Нигде не было следов околоплодной жидкости или послеИ да. «Должно быть, Громадина их сразу съела», — подумал Сим. Пупсик, замерший на месте (понятно, ему еще тяжело ходить, детеныши овцебыков и то не сразу после родов встают), сказал: «Мир тебе, я пришел помочь».

Голос был странный, и слова он выговаривал непривычно. У отца Александра были отличные способности к языкам, но даже он не смог в совершенстве выучить язык аборигенов за несколько недель, которые были отведены для этого.

Вежливо прикрыв рот тыльной стороной руки и вспомнив, что мама всегда повторяла, что хорошие манеры очень важны, пастушок преодолел удивление (надо же — новорожденный умеет говорить) и взглянул на маленького внимательнее. Никогда он не видел такого доброго и светлого лица. Мама тоже была доброй, но от этого непривычно розового круглого личика с коротенькими ресницами, даже до половины не закрывающими карие, как шкура овцебыков, глаза, шел почти ощутимый свет.

Некоторое время они разглядывали друг друга. Сим — с любопытной опаской, готовый в любой момент убежать; пришелец — с ласковой и споИ

койной доброжелательностью. Внимание Сима привлекла блестючая железка на груди у новорожденного, она была похожа на маленькое переИ сечение двух дорог.

— Ты зачем здесь? Это наше, — Сим выпрямился, вспомнив о пастушеИ ских обязанностях, и жестом обвел окрест.

— Помочь тебе. Подарить то, что тебе очень нужно.

— Просто так? И вот такое тоже можешь дать? – здоровая рука Сима с трепетом указала на чудесный, мечущий солнечные зайчики перекресток на груди собеседника.

— Конечно. Но давай вначале займемся твоей рукой.

— Она мне не мешает. Пусть себе болтается. – Сим непонятно почему испугался, что у него захотят отрезать руку, и сделал шаг назад.

Лицо пришельца озарила улыбка.

— Но, может, ты разрешишь мне попробовать ее вылечить?

Еще совсем ребенок, несмотря на почти двухметровый рост, пастушок поверил, хотя вообщеИтонезнакомцам, тем более таким странным, не довеИ рял. Тому, кто говорил с ним, нельзя было не верить. Слов у Сима не было. Он только сглотнул какойИтокомочек, внезапно застрявший в горле, и судорожно кивнул, боясь, что это ему снится. Новый знакомец открыл свою торбу и прикрепил несколько вытащенных оттуда смешных веревочек с разноцветными катышками к безжизненной руке, плечу и затылку. В торбе оказывается ктоИтосидел, не вылезая оттуда, он тихо и тепло заборИ мотал. Сначала по руке побежали мурашки, закололо иголками около мизинца, а потом... пальцы пошевелились!

— Ну вот, видишь, — маленький аккуратно сматывал отсоединенные от Сима веревочные щупальца в торбу. — Теперь дело пойдет на поправку. Сразу, конечно, рука не вылечится, и тебе нужно будет заново учиться ей пользоваться. Но это не все. Я тебе куда лучший подарок принес. — Он потрепал сидящего Сима по макушке и добавил строго: «В Бога веруешь?»

— А?

— Ну, кто все вокруг создал? – он жестом показал что имеет в виду весь мир

— Всегда было, сколько себя помню.

— А до тебя что было? И после тебя что будет?

— А чего об этом думать? — Еще не пришедший в себя Сим дернул плеИ чом.

— Я тебе расскажу, — из мешка появились коричневый брусок, на облоИ жке которого был изображен такой же перекресток, как и висящий на груди благодетеля Сима. Раз — и этот брусок развалился на множество листков, сшитых между собой. Отец Александр не любил читать Библию с экрана компьютера, предпочитая традиционное исполнение священных книг. «Вначале было Слово..», — начал он, усаживаясь рядом с пастушком.

Через несколько дней все окрестные деревни и городишки знали о приИ ходе маленьких (данное Симом название прижилось). Они прибывали сначала по одному, по двое, а потом и большим числом. Привезшие их корабли остались на том же лугу, где их посадку заметил Сим. Сами розовоИ щекие пришельцы продолжали учить язык (принялись они за это еще до

начала полета), лечили, работали на полях вместе с местными, показывали новые способы обработки семян и лечения болезней, и рассказывали, расИ сказывали о Боге. Прошло немного времени — и построили на окраине деревни небольшую церковь, и сказали, что в это исполненное мира и покоя место могут приходить все желающее. И приходили. Принимали крещение, застенчиво, но все с большей истовостью повторяли незнакоИ мые им слова, слушали рассказы священников о чудесах господних. Всего через несколько дней здание церкви пришлось существенно расширить, чтобы на службу могли придти все желающие.

Многие земляне были восхищены жизнью граальцев, они все свободное время ходили по чистым, пахнущим пряными травами улицам маленьких деревушек, любовались строгой и изящной резьбой и росписью по многоИ цветному дереву, украшавшей даже самые бедные здания, восхищались изделиями местных ткачей и гончаров. Жизнь была нелегка, но граальцы старались в каждое изделие вдохнуть красоту. Их предки были травоядны, и община не знала агрессивного соперничества и войн, столь привычных для планеты Земля. Даже домашних животных не использовали на мясо. Пили молоко овцебыков, стригли их шерсть, но не убивали самих животИ ных, разве что из милосердия добивали старых и больных. Все это не могло не восхищать пришельцев со звезд.

То же самое происходило во всех остальных деревеньках континента, на котором проживали коренные жители планеты. Другие, куда большие конИ тиненты располагались на другой стороне планеты и были не заселены. Так продолжалось около месяца, пока все аборигены не были воцерковлены.

Еще через некоторое время один из дядьев Сима, нареченный при недавнем крещении Иаковом, подошел к отцу Александру, отдыхавшему после службы, любуясь особо интересной настенной резьбой, которой был украшен дом одного из прихожан

— Позвольте Вас побеспокоить, отче, – вежливо обратился к нему высоИ ченный абориген

— Конечно, — улыбнулся священник и, усевшись на стоящую неподаИ леку шероховатую деревянную скамейку, похлопал по ней рукой, — приИ саживайся, сын мой, в ногах правды нет.

Даже сидя, Иаков возвышался над Александром почти на две головы. Пытаясь не глядеть на собеседника сверху вниз, он сильно сутулился.

— Сомнения гложут меня, — промолвил Иаков после недолго молчаИ ния. — Вы совершили благое дело, что пришли к нам и научили нас, не дали погибнуть во тьме, вдали от светоча истинной веры.

Священник поощрительно улыбнулся, а граалец продолжил:

— Боюсь, не окажутся ли ваши труды напрасны. Сумеем ли мы спастись? Достаточно ли сильна в нас вера?— Он тяжело вздохнул — слишком много плотского привязывает нас к миру. Господь сказал: «Кто хочет быть соверИ шен, отринь имение свое и следуй за мной», — а как нам это сделать? Я очень хочу последовать за Христом, расскажи мне, как поступают в твоем мире.

— Обычно люди, желающие того же, что и ты сейчас, идут в монастырь, жертвуя ему свое имущество, но этот путь труден, — степенно ответствовал священник.

— Я справлюсь. Этот путь для меня, — стукнул себя в грудь Иаков, — прошу, поведай мне о том, что такое монастырь.

Отец Александр немного подумал и ответил.

— По сути это община монахов, посвятивших себя Богу через принятие обетов и живущих согласно единым правилам. Они принимают обет целоИ мудрия, нестяжательства и послушания. А некоторые, именуемые схимонаИ хами, и обет отречения от мира и всего мирского.

Глаза Иакова фанатично загорелись.

— Пойдем, я покажу тебе книги, в которых будет лучше рассказано о монастырях и монастырской жизни. – Уже встав, отец Александр ласково положил граальцу руку на плечо.

— Конечно, — Иаков вскочил и сразу ссутулился, не желая смотреть на священника сверху вниз. Затем они зашагали в сторону построек, где жили земляне. Было видно, что граалец торопится, но умеряет шаг, чтобы не заставлять землянина бежать и не опережать его.

Через несколько дней около деревни стало расти здание, напоминаюИ щее очертаниями русский скит. Потом еще одно. Жители копали землю, валили деревья, складывали стены и, прерывваясь только для трапезы, сна и молитвы, опять принимались за работу.

Помощь, которую предложили земляне, не отвергли, и строительство пошло еще быстрее. Через неделю Иаков стал настоятелем первого мужИ ского монастыря.

А еще через месяц Хейфец и Громов уже в офисе «All stars corporation» на Земле, довольно жмурясь, проглядывали столбцы рыночных котировок. Акции «All stars» не росли, а просто неслись вверх, как галопирующая по стене блоха.

Несколько раз торги приостанавливали, но рост котировок было не удержать.

Заголовки газет кричали об успехе: «Огромный прорыв», «Звезды будут наши», «Пришельцы подавились», «Шахты на Граале дали первую руду». Желтые заголовки кочевали по страницам самых консервативных и влияИ тельных изданий.

Секретарши уверенно держали оборону и не беспокоили по пустякам.

В этот раз раздавшийся из динамика голос офисИменеджера выражал некоторое сомнение:

— Борис Константинович, с Вами хочет повидаться некий отец Александр, он утверждает, что вы его знаете.

Хейфец и Громов переглянулись:

— Ну что же, Светлана, пропусти его, — Хейфец взял решение на себя.

Еще через две минуты в кабинет не вошел, не влетел — впрыгнул отец Александр. Он был не похож сам на себя. Аккуратная ряса измята, волосы всклокочены, лицо отражало, что угодно, кроме обычных мира и покоя.

Блуждающие глаза остановились на Хейфеце, поднявшемся, чтобы налить соку в стакан.

— Это все ты, жидовская морда! – заорал священник, тыча пальцем в направлении юриста, — ты это все придумал, ты знал, что так будет!

— Что будет? – не обращая внимание на оскорбление, Израиль Исаакович недрогнувшей рукой отставил стеклянный стакан с соком и, налив в другой воды, предложил его посетителю. — Вам надо успокоиться и придти в себя. Что именно, по вашему мнению, я знал?

Отец Александр осушил стакан несколькими крупными глотками и опять ткнул палец в сторону Хейфеца:

— Ты знал, что в монастыри уйдут все граальцы.

— Не знал, но догадывался.

— И что они откажутся от всего своего имущества, от своей земли, пожертвовав ее созданной Вами богомерзкой ассоциации.

— Очень надеялся, – кивнул Хейфец. Священник даже задохнулся от возмущения, а юрист продолжил. — Но ведь это вы принудили их к этому.

— Я??!!

— Вы ведь говорили им правду, не солгали ни полусловом?

— Да как вы смеете... – начал было Пименов, но Хейфец прервал его:

— И почему же вы обвиняете меня в том, что несколько миллионов живых существ спасли свои души, уйдя в монастырь?

— Но ведь они ушли все!!! Целая цивилизация прекратила свое сущеИ ствование, а все, что у них было, досталось вам!

— Да, это так, — произнес Хейфец и, пресекая ожидаемый гневный вопль, быстро продолжил, — но зато наша цивилизация не умрет на Земле, а двинется дальше к звездам, а жители Грааля спасут души. – Он взял отца Александра за широкий рукав, тот попытался вырваться, но, поняв, что, борясь со стариком, выглядит глупо, остался на месте. Пользуясь этим, Хейфец, проникновенно заглядывая ему в глаза, продолжал:

— Передо мной стояла задача — захватить Грааль без насилия, способом, не запрещенным нам галактическим правом. И мы с тобой вместе, Саша, это сделали. — Хейфиц хлопнул по спине собеседника, подавившегося водой при такой фамильярности. — Да, мы убили цивилизацию, чтобы спасти свою, но вот сейчас подумай, почему это получилось?

Громову было видно, как высокому священнику хочется вцепиться в горло Хейфеца. Рука бизнесмена поползла к кнопке экстренного вызова охраны, но под взглядом юриста посетитель понемногу расслабился и, накоИ нец, закрыв голову руками, рухнул в кресло, где и замер, раскачиваясь и проИ тяжно подвывая: «Почему, почему, почему это на них так подействовало?». Он не ждал ответа и резко вздернул голову, когда услышал голос Хейфеца:

— Потому, что они были рациональны. Подумай, — опять доверительно обратился к отцу Александру Хейфец, — есть альтернатива: ты можешь спасти себя и обрести вечное блаженство в раю, а можешь от этого откаИ заться и обрести столь же вечное страдание в аду. Пожертвовать маленькиИ ми сиюминутными радостями для вечного счастья — это весьма разумно. Любое здравомыслящее рациональное существо предпочтет это. Хейфец немного помолчал. – ПоэтомуИтоя и выбрал христианство. Иудеи считают, что посланы в мир, чтобы улучшить его и подготовить к приходу Машиаха. Ислам не отвергает обыденную жизнь. Буддисты ценят каждое мгновенье. И лишь некоторые течения христианства считают мир греховным и преИ небрегают им ради духа и служения.

— Но вы ведь сами не верите... ни капельки не верите. А пруксяне скаИ зали, что ложь запрещена, вы поплатитесь! – с неподобающей его сану ненавистью процедил священник.

— Вот поэтому я и не проповедовал, а делал это ты и подобные тебе — искренне верующие, добрые и благочестивые люди. Ты ведь только что вернулся и не видел трансляцию моей беседы с Галактическим альянсом? Нет? Ну, смотри, – старик кивнул Громову, и тот, оторвавшись от наблюдеИ ния за происходящим, ткнул пальцем в кнопки появившейся перед ним голографической панели. Повинуясь его движениям, в углу сразу соткался экран. В это время Хейфец продолжил:

— Ты же заметил, что я оставил вас на несколько дней раньше, чем плаИ нировалось. Или нет? Впрочем, это неважно. Главное, что Галактический альянс вмешался, — как раз в это время на экране промелькнуло изображеИ ние уже знакомого ромбовидного корабля. В этот раз, паря среди звезд и снятый с большого расстояния, он не выглядел столь подавляющей громаИ дой.

Громов промотал еще немного вперед и остановил на эпизоде беседы Хейфеца с инопланетянином — коалой, похожим на того, который посеИ щал Землю, а может, и с тем же самым. Рядом с ним в цветастых гамаках расположились другие медвежата. Общение было личным. Хейфец в облеИ гающем тело легком серебристом скафандре явно находился на борту иноИ планетного корабля.

Должно быть, воспроизведение записи началось уже после окончания взаимных приветствий, когда землянин расположился в предоставленном ему кресле (на корабле поддерживалась сила тяжести больше земной) и получил разрешение вести запись беседы.

— .. да пусть записывает, — раздались слова коалы, небрежно махнувшеИ го коричневой лапой в сторону камеры.

— Благодарю, – прозрачный шлем скафандра не скрывал вежливо вниИ мательное выражение лица Хейфеца

— Как разумное существо, — начал свою речь инопланетянин, — я долИ жен представить вам возможность оправдаться и объяснить возмутительИ ное нарушение основ галактического права, с которыми я лично познакоИ мил ваш народ. Совершать нарушение сразу после предупреждения о последствиях — это верх нерациональности, — инопланетянин осуждающе покачал головой (все же тот самый! он явно преуспел в копировании челоИ веческой пластики движений и мимики).

— И в чем же нарушение?— голос юриста был безмятежен.

— Вы путем обмана захватили имущество разумных аборигенов, не вышедших в космос.

— Это почти так, имущество, ранее принадлежавшее им, теперь наше, — подтвердил Хейфец. — Но они его отдали нам добровольно.

— Сами? – Коала, явно получающий удовольствие от того, как он овлаИ дел чуждой для него мимикой, склонил голову к плечу. — Но лишь изИа того, что вы сообщили им заведомо ложные идеи! Внушили, что существует некая душа и бог, и спасти душу можно только путем служения богу. Это служение требует отказа от всего материального.

Хейфец утвердительно прикрыл глаза

— Все верно, но... Эти идеи не ложны.

— Как, вы еще намерены убеждать меня в этой чуши? — инопланетянин взволнованно выпрямился. — Населяющие галактику народы многие тысячелетия исследуют ее и не обнаружили следов какой-либо души или бога.

— Но ведь вы не исследовали всего. Есть что-то, о чем ваши знания недостаточны?

Пруксянин помедлил. Ответил аккуратно.

— Конечно, всегда есть нечто, чего еще не знаешь. Чем больше познаешь, тем больше тайн открывается

— Тогда почему вы уверены, что завтра не получите знаний о боге?

Старый человек, с трудом преодолев повышенную силу тяжести, поднялся с кресла, его голос загремел, когда он обвиняюще простер руку в сторону пруксянина:

— Почитайте ваши законы. В них запрет говорить заведомую ложь! Запрещено говорить то, чего не знаешь, или то, о чем знаешь, что это не так! Но взгляните на планету Грааль! Находящиеся там земляне не сказали и слова лжи. Они все верят в то, что говорят аборигенам. Бог и душа для них столь же реальны, как для нас с вами этот корабль и этот стул, – Хейфец театральным жестом обвел пространство вокруг себя, плавно завершив жест указанием на кресло, с которого только что поднялся. — Более того, точно так же уже многие тысячелетия полагает существенная часть жителей нашей планеты.

— И вы считаете истинными эти ...глупости? — заинтересованно перебил юриста собеседник. Прочие пруксяне заворчали.

— Я – нет. Я считаю, что сегодня невозможно узнать истину о существовании Бога. Но я даже не сходил на поверхность Грааля. А все, кто говорил с жителями Грааля — да. Они верят, что Бог есть, знают, что это так. Я верю, что доказать существование бога невозможно, но, — Хейфец сделал длинную паузу и влепившись взглядом в темные глаза собеседника, продолжил, выделяя каждую букву,— доказать несуществование бога также невозможно. – Улыбнувшись, он продолжил. — Однако мои сомнения никак не влияют на истинность того, что говорили земляне, прилетевшие на Грааль. Может быть, они правы, может — нет, но они знали, что говорят правду. Доказать ложность их утверждений невозможно, так как они основаны не на знании, а на вере.

Все инопланетяне заинтересованно смотрели на него, а он сказал уже более обыденным голосом:

— Вам никогда не доказать, что то, что они говорили, ложь, следовательно, как разумные и рациональные существа (в голосе послышалась издевка или нет?) вы не сможете нас покарать в отсутствие доказательств вины.

Громов остановил воспроизведение записи. Объемная картинка в углу комнаты застыла, а потом, повинуясь его жесту, замерцала и погасла.

— Мерзавец, мерзавец, о-о-о-какой мерзавец, — вцепившись руками в длинные пегие волосы, отец Александр раскачивался взад вперед.

— Не только. Еще юрист и агностик,— улыбка Хейфеца была мальчишеИ ской, злой и очень неприятной. – Многие из иерархов сказали мне то же самое, мне не привыкать.

— Ты уничтожил целую цивилизацию, чтобы польстить своему тщеслаИ вию,— с ненавистью процедил отец Александр.

— Да, и еще заработать денег и спасти Землю. В итоге Галактический альянс признал, что наши действия не нарушали закон — земляне получат планетуИколонию.

Отец Александр почти рыдал: «У них было так красиво, они так хорошо жили до нашего прихода».

— Ну будет, будет, — дружески утешал его Хейфец. — Ты ни в чем не виноват: делал то, что тебе приказали и что велела совесть.

Громову надоело представление, и он связался с приемной.

— Уф. Ну и громкий товарищ, — сказал Борис, когда они передали все еще не прекратившего истерику отца Александра на руки двух милых секретарш, за спинами которых маячили профессионально мрачные охранИ ники.

— Он слишком хороший человек, принимает все слишком близко к сердцу. Ну ничего, сейчас его запихнут в какойИнибудь дальний монастырь.

— Слушай, — спросил Борис, когда они опять уселись за стол. — А почеИ му же на нас так попы не действуют? Уже сколько тысяч лет проповедуют, и пока мы скопом в монастырь не уходим.

— Ну, у меня несколько версий. Первое — люди на самом деле неразуИ мны. Сам подумай, кто может отказаться от вечного блаженства ради удоИ вольствий короткой земной жизни? Только очень неразумное и нерациоИ нальное существо, и нам очень повезло, что мы именно такие. Возможно и другое: эти газетные кликуши правы, мы и впрямь богоизбранный народ, и Вселенная — земля обетованная, предназначенная нам во владение.

— Уууу... — протянул Громов, – мне первая версия все же ближе.

— Мне тоже, но жизни не хватит, чтобы доказать ложность второй, впрочем, как и многих других глупостей. И это тоже можно и нужно использовать. Я думаю, что наши следующие миссионеры отправятся проИ поведовать христианские ценности пруксянам, а затем настанет черед и остальных, — тут Хейфец издевательски хмыкнул, — развитых рас нашей распрекрасной галактики.

— Я подумал о том же самом. Интересно, пойдут ли этим коала монашеИ ские клобуки?

Об авторе

Родился в 1977 году в Ленинграде. Закончил СанктГПетербургскую академию театральГ ного искусства (факультет — театроведение) и одновременно с этим Институт внешГ неэкономических связей экономики и права (факультет — юриспруденция). По окончании ВУЗов работал юристом как в коммерческих организациях, так и на государственной службе. Сейчас живет в Москве. Публикации в журналах «Закон» март 2009 г. («Гринмейл по старинке»), «Корпоративное право» № 6, 2008 г. и № 1, 2009 г. («Античный гринмейл» и «Средневековое сутяжничество»). Опубликованная выше повесть – дебют в фантастике.

Максим Хорсун

Кратный

Как бы вы поступили, если бы судьба подбросила вам шанс начать все с нуля? Возможность поменять место жительства? Работу? Семью? Возможность сменить приевшийся уклад на полную адреналином и опасИ ностями круговерть?

Я думаю, сделали, как и я: вцепились бы зубами и когтями в свое настоИ ящее. В то, что составляет вашу вполне сложившуюся личность. В благосоИ стояние, умеренно вредные привычки, спокойное существование в расплаИ нированном потоке дней. И уж судьбу с ее подарками послали бы куда подальше. Да. Именно — подальше.

После каждого флая я оставался самим собой. Шел, куда указывала стрелочка под словом «ВЫХОД». Надевал модный дорожный костюм. Обналичивал деньги. Покупал в ближайшем киоске сигареты. Скачивал необходимую документацию, искал транспортное средство. Чаще всего, меня уже ждал заказанный автомобиль.

«Я», покидающий ресивер флайИкамеры, не задумывался, что ждет «меня», часом раньше вошедшего в трансмиттер. А иначе — нельзя. Иначе — мозги набекрень.

Так было всегда. Пока однажды, стоя в наэлектролизованном нутре трансмиттера, я вдруг понял, — флай уже произошел, но мое местонахожИ дение в пространстве не изменилось.

Я протянул руку к щитку с надписью «ВЫЗОВ АВАРИЙНОЙ ГРУППЫ». Но к кнопке не прикоснулся. Одернул самого себя: не спеши, Максим, посчитай до десяти.

Я ослабил узел галстука. Я закрыл глаза.

То, что флайИкамера перемещает — распространенное заблуждение. Кому нужно вдаваться в технические подробности? Тем более, они не очень Итои приятны. Флай воссоздает твое тело в ресивере, закачивает в мозг сознание; но перед этим в трансмиттере погибает отсканированный оригинал.

Да, сразу это принять не легко.

Еще раз и популярнее. Флай — это не телепортация. ПоИсути, перемеИ щается только сознание. Тело дублируется. Оригинал уничтожается. Иначе можно было бы дублировать самого себя до бесконечности.

Обычный пользователь об этом не подозревает. В его субъективном восИ приятии все происходит мгновенно. До свиданья, столица, привет, Владивосток! Но мы — те, кто работает на Контакт, — знаем немало подИ ноготного. О большей части технических новинок.

На самом деле, флай занимает часИполора. Копирование сознания, воссоздание тела... Так что, если вам нужно из Москвы попасть в Прагу, рекомендую самолет. Привычнее, традиционнее и не так извращенно.

Ну, а если вас забросят в командировку в Буэнос Айрес, то флай сэконоИ мит уйму времени и позволит путешествовать налегке. А я, например, всегИ да путешествую налегке.

Без флая освоение Луны задержалось бы еще лет на пятьсот, не меньше. Теперь же на ней построены три космополиса, и возводятся новые. Работяги утром отправляются флаем в Море Спокойствие, вечером возвраИ щаются в Химки к женам и детям. Так то! Жаль до Марса флай еще не добивает. С детства мечтал там побывать. Все — чертов Бредбери... Ну, ничего. Пройдет еще лет десять, наладится четкая связь, и Марс тоже окаИ жется в зоне покрытия.

Но это уже не для меня. Потому что флай произошел, а я все еще стою в трансмиттере и поправляю галстук.

Я уже говорил, — не думал раньше о том, что подстерегает «меня» ориги И нального в точке отправления, когда тело и разум отсканированы и воссозда И ны в точке прибытия. И не интересовался. И знать был не обязан, поскольку, хоть и работаю на Контакт, но специализируюсь в другой области.

Может быть, все идет как нужно. ЯИоригинальный не погибаю в момент передачи сознания, — как говорят, — и сейчас во флайИкамеру закачают банальный нервноИпаралитический газ. Чтоб без грязи. А тело выбросят в реактор; флай ведь не от батареек работает. Если эта теория верна, значит, меня убивали раз тридцать. И убьют еще раз сто. Тридцать раз я стоял в трансмиттере, переминаясь с ноги на ногу и не решаясь вызвать аварийную группу. Зная, что флай произошел, и теперь меня на Земле два. Тридцать раз я ломал голову, до судорог мучался от незнания. Кто я? Теперь уже неактуИ альный в этой точке пространства дубликат и подлежу обязательному униИ чтожению? Или же флай не произошел? ЧтоИтотам сломалось, мало ли что... Или компьютер глюкнул. Сейчас появится техник. Он перезапустит эту чертову машину, и я окажусь в Сиднее, где и должен был. И на стоянке у флайИстанции меня будет ждать зафрахтованный автомобиль с шофером.

Я отступил от гофрированной стены сердечника трансмиттера. Здесь все еще потрескивало от остаточного электричества. Пахло теплым железом и пластмассой. Обычные машинные ароматы. Я сошел с решетчатого пола, поглядел в освещенный люминесцентными лампами коридор. По нему я шел пять минут назад с мыслями исключительно о предстоящей командиИ ровке. Коридор был пуст. Насколько я знал, флай производится раз в тридИ цать минут. Будет ли у меня время, чтобы убраться отсюда незамеченным?

Стоп! Что я говорю?.. Нужно сообщить о неполадках техникам. Нужно чтоИтопредпринять... Но что?

Никто не допустит, чтобы по планете разгуливали два «меня». Никто — конечно, громко сказано. Но транспортный отдел Интерпола наверняка позаботится. Чтобы один из «меня» исчез.

Ха! Чертовски идиотская ситуация. Если бы я знал, что произошло на самом деле!

Выйти, отыскать кого-нибудь из персонала, тем самым обеспечить дальнейшее существование «себе», что сейчас примеряет новый дорожный костюм в Сиднее? Наверное, так и нужно сделать. Ведь мою личность, мои права теперь олицетворяло существо, сформированное ресивером на другом полушарии планеты. А не я.

Что за бессмысленная ревность? Ведь ни один десяток раз, прибегая к флаю, я добровольно убивал себя, чтобы возродиться в другом месте. Так должно произойти и сегодня. Я всего лишь — побочный эффект. Ходячий мертвец, наделенный разумом. Я должен погибнуть, чтобы я выжил. Незадача!

Я еще раз с опаской поглядел в коридор. Никого. Сначала неуверенно, затем быстрее и быстрее, зашагал в другую сторону по темному инженерному тоннелю. Вглубь машины.

Как бы вы поступили, если бы судьба подбросила вам шанс начать все с нуля?

Наверное, так же, как и я.

Бежали, что есть духу.

Я сравниваю природу «первого голода» с вампиризмом.

Новое тело жаждет запустить клыки во что угодно, лишь бы это можно было жевать, глотать и переваривать. Спазмы в желудке сводят с ума. Поэтому в обязательной кафешке в корпусе ресивера дерут с посетителей в три дорога. Поэтому я всегда прохожу мимо раскрытых дверей, игнорируя запахи кофе, сдобы и корицы.

Вот, банкомат. Положить ладонь на сканер; на моей генетической карте достаточная сумма, чтобы не волноваться о каком-то счете за завтрак. Но в кафе я не заглядываю, нет. Таким образом, по-своему, я показываю язык системе.

Я думаю, всем хочется иногда сменить приевшийся уклад на... Нет, не на полную адреналина и опасностей круговерть. Но, хотя бы, поменять работу, место жительства. Трансформировать, казалось бы, сложившуюся личность. Зачем? Кто знает? Может, в итоге выйдет что-то новое. И лучшее.

Что за черт? На среднем, безымянном пальцах и мизинце левой руки не оказалось ногтей. Неужели брак?! Не может быть!!! Это ведь не захолустье! Большая флай-станция в большом городе, как же так получилось?! Если есть внешние дефекты, как насчет внутренних? Может, ресивер не доделал мне почки или попросту забыл о селезенке?

Бред! Не позволять мнительности брать вверх!

В конце-концов, завтра я собираюсь вернуться в Москву. Бог даст, сутки выдержу.

С такими мыслями я подошел к автомату с сигаретами.

Было какое-то садомазохистское удовольствие наполнять свежие легкие табачным дымом. Новые пальцы по старой привычке проворно распечатали пачку «Кэмела». Голографический продавец неодобрительно покачал головой и подмигнул.

— К каждой пачке прилагается бесплатный дивиди, — сказал он мне, — цикл популярных фильмов об онкологии...

— Не нужно, я не собираюсь надолго задерживаться в этом теле.

— Если не нравится, давай меняться! — усмехнулась голограмма.

Я фыркнул, — еще не хватало тратить время на обмен любезностями с виртуальными торговцами, — и зашагал по гулкому фойе к выходу.

На улице меня ждал второй, после бракованных пальцев, неприятный сюрприз. Продолжать путь предстояло не на авто, а на вертолете. Значит, прощай мечта о гамбургере под баночку ледяного безалкогольного пива. В небе фастфудов пока еще не строили.

— Сколько лететь? — перекрикивая шум винтов, спросил я пилота.

— Часа три, сэр! — ответил тот мне.

О, флай! Вот — настоящее чудо. Как жаль, что захолустья не могут себе позволить станцию с трансмиттером и ресивером. Приходится пользоватьИ ся транспортными средствами полуторавековой древности.

Голод меня мучил сильнее и сильнее. Спазмы в эпигастрии заставили вспомнить о язве желудка, от которой я ловко избавился, оставив ее в стаИ ром теле. Я скрючился в кресле; я не мог думать ни о чем, кроме того, как избавиться от этих болей. Добряк пилот предложил мне чипсов. Нет, спаИ сибо. Я лучше сдохну, но в рот этой дряни не возьму.

И всеИтакимне удалось уснуть. Ну, не уснуть, а скорее впасть в оцепенеИ ние, обильно приправленное бредовыми видениями и кошмарами.

— Максим! — поприветствовал меня директор Бруно, когда, не без помощи пилота, я, наконец, выбрался из вертолета. — Плохо выглядишь, приятель!

Я вяло пожал волосатую лапу Бруно и попытался улыбнуться.

— Я боюсь высоты!

— Да? — удивился директор, почесал косматую бороду и предложил: — А может тогда кофе?

— И кусочек хлеба! — согласился я.

Бруно громогласно рассмеялся. Хлопнул меня по спине и потащил через желтоИзелтый предрассветный сумрак к ближайшему двухэтажному корпусу.

Из дверного проема веяло кондиционированной прохладой. На пороге я обернулся: поглядел, как медленно и величественно разворачивается самый большой на континенте радиотелескоп. И как гаснут над его чашей последние звезды.

Тем, кто работает на Контакт, погода и время суток — не помеха.

Бруно сам подал мне чашечку. Махнул рукой:

— Сейчас Ангелина приготовит бутерброды; присаживайся, рассла́И бляйся пока.

Я с благодарностью кивнул и сделал глоток. Желудок сжался, меня вывернуло, и я потерял сознание.

Апокалипсическая сцена: я бегу по сумеречному коридору администраИ тивного крыла под писк упсИников, что слышится изИзазакрытых дверей. Я не знаю причину аварии, но пока паника и суматоха мне на руку.

Минуту назад я основательно перетрусил. Я замер, не дыша, в темном

углу среди швабр и ведер, а мимо меня промчали двое молодчиков в лабоИраторных халатах. На их лицах были зачемИто противогазы, а в руках (интеИресно, зачем?) — автоматы Калашникова. Та самая «аварийная группа»? После этой встречи у меня развеялись последние иллюзии относительно того, что побочному эффекту корявого флая дадут безнаказанно разгулиИвать по Москве.

Я пробежал под глядящей в пол камерой наблюдения. ПочемуИто я был уверен, что она не работает. Навалился на дверь, раздвинул стеклянные створки.

Холл трансмиттера заволакивали клубы дыма. Лениво лили воду изИпод потолка противопожарные разбрызгиватели. У порога нелепо лежала на боку перевернутая кадка с пальмой. Слышался многоголосый гомон, кашель, но людей я не увидел. Глаза защипало, не просто защипало, а будто ктоИто щедро плеснул мне в лицо жидкого мыла. Полуслепой, согнутый в три погибели кашлем, я попятился назад к дверям. ЧтоИто мягко, но сильно пихнуло в спину. Я дернулся, обернулся и понял, что врезался в женщину. Такую же беспомощную и испуганную, как и я. Кажется, ее фамилия была Сергеева. Крашенная блондинка, немногим за тридцать. Я перекинулся с ней парой фраз, когда ждал своего флая. Сергеева должна была отправить в Кейптаун, Калькутту или Калыму (в какойИто город на «К») одновременно со мной из параллельной камеры.

— О, это вы! Я вас узнала! — она схватила меня за пиджак. — Вас тоже не переместили? Помогите мне! Вы обязаны мне помочь!.. — ее перепачканное сажей лицо задергалось, и я понял, что сейчас грянет истерика. Как кстати...

Громыхнуло так, что на миг мы оглохли. Раскрыли рты, пытаясь избаИвиться от ваты в ушах. Здание дрогнуло. В холл ворвался сквозняк, разреИжая дым и прибивая его к полу. Испуганный вопль запертых в холле людей сменился ликующим ором. Сквозь пелену слез я увидел, что пуленепробиИваемое стекло, из которого были сделаны наружные двери флайИта станции, теперь валяется на мраморной плитке пола в виде мириад осколков. Толпа хлынула к выходу.

— Скажите, это — теракт? Теракт, да? — не унималась Сергеева.

— Теракт! Беги!!! — я довольно бесцеремонно пихнул женщину навстречу свежему воздуху. Она заплясала, пытаясь удержать равновесие на скользкой плитке. Сломала каблук. С чего бы мне ей помогать? Разве у нее — проблемы?

— Назад! Покидать здание до устранения последствий чрезвычайной ситуации — запрещено! — раздался усиленный громкоговорителем голос.

Вот они! Когда дым поредел, я заметил за регистрационной стойкой двух «лабораторных работников» с автоматами. Один из них стянул с себя противогаз и взывал к толпе. Судя по голосу — он и не надеялся, что его услышат.

И еще один «лаборант»! У банкомата!

Водит рылом противогаза, ищет меня.

Я бросился вслед за толпой. Скорее, затеряться среди бегущих спин! Проклятая Сергеева не отпускала рукав пиджака. Вцепилась, как клещ, и тормозила мой бег, словно якорь.

«Лаборант» у банкомата вскинул оружие. Матово блеснули круглые глазницы. Я вдруг понял, что лошадиная морда противогаза глядит не на меня, а на Сергееву. К своему стыду, почувствовал облегчение. И в туже секунду послышались сухие хлопки выстрелов. Короткая очередь со сторо-ны банкомата. И тут же — пальба из двух стволов со стороны регистрации-онной стойки.

Но я уже находился среди бегущих. Под прикрытием толпы. Мой пиджак остался в руках Сергеевой, а сама Сергеева... Но какое мне до этого дело?!

Толпа скатилась по ступеням флай-станции и на ходу смела спешно выстраивающийся кордон растерянной милиции.

— Вы не ранены? — спросил меня кто-то. Кто-то в форме. Я не ответил. Я мчал дальше.

На улице оказалось холодно, — все-таки середина ноября. Темно, и про-летает снежок. А я — в одной рубашке. Но дискомфорт не ощущался. Пока что — нет.

Я выскочил на перекрытую дорогу. Справа и слева пронзительно сигна-лили автомобили. Хорошо бы сейчас оказаться в салоне такси... С не при-знающим правил дорожного движения армянином-водителем. Но движе-ние заблокировано; бежать полтора квартала до параллельной улицы?

Повинуясь наитию, толкнул двери входа в метро. Его близость к флай-станции не была обусловлена ничем. Ведь те, кто пользуется флаем, в метро не ездят.

Сначала — банкомат. Если где-то моя генетическая карта и засветится, то пусть уж лучше здесь. Рядом с местом моего раздвоения. Где меня и так ищут. Я торопливо выгреб купюры из лотка и впрыгнул в открытые двери какого-то магазинчика. Вовремя, — по коридору пронесся милицейский патруль.

В магазинчике я купил китайскую спортивную куртку с меховой под-стежкой и пачку влажных салфеток. Стоя у зеркала в примерочной, тща-тельно соскоблил с лица и рук сажу.

Тремя минутами позже я спускался на эскалаторе на платформу.

И отчаянно ломал себе голову — что же делать дальше?

Когда я открыл глаза, то понял, что все еще нахожусь в кабинете Бруно. Лежу на кушетке. Надо мной — лица. Бородатый директор, молоденькая негритянка и лысый мужчина примерно моего возраста. У всех, кроме лысого, вид озабоченный и виноватый. Лысый же глядел на меня с при-стальностью рентгеновского аппарата. Никак — доктор.

— Я рекомендую вам впредь бережней относиться к новым телам, — сказал лысый (и впрямь — врач!), — сесть сможете?

Я осторожно приподнялся на руках. Бруно обнял меня за плечи и помог занять вертикальное положение.

— Прости, дружище, — пробормотал он, — я не думал...

Я вяло отмахнулся. Конечно, Бруно, ты не в чем не виноват. Это я — болван.

— Расстегните рубашку, — потребовал лысый. В его руках появился сте-тоскоп.

Непослушными пальцами я вцепился в пуговицы. Стыдливо покосился на пол, на лужу. Бруно и негритянка (та самая Ангелина, которая должна была накормить меня бутербродами?) ободряюще улыбались.

Лысый несколько минут вслушивался в мою грудную клетку. Затем пальпировал печень и селезенку. Мрачно хмыкнул. Внутри меня похолодело, я бросил взгляд на свои бракованные пальцы.

— Рекомендую флай, и как можно скорее, — заключил, наконец, лысый. У Бруно округлились глаза.

— Неужели все так серьезно? — всплеснул руками директор.

Лысый не ответил. На миг он исчез из моего поля зрения. Вернулся. Теперь он был вооружен стеклянным шприцем.

— Что это? — спросил я.

— Глюкоза, — ответил лысый.

— А почему шприц — многоразовый?

— У нас все свои...

...Вскоре я пришел в относительную норму. Меня напоили сладким чаем, накормили галетами. Было решено, что до вечера меня отправят обратно, на флайт-станцию. Но пока несколько часов можно было уделить работе.

— Мы решили не разглашать эту информацию по обычным каналам, — говорил Бруно. Мы сидели за столом, друг напротив друга. Между нами возвышалась стопка распечаток.

— Что-то новое по объектам «Спица» и «Вода»? — поинтересовался я.

— По «Воде», — ответил Бруно. — «Спица» пока молчит.

«Вода»...

Я закрыл глаза. Представил себе сферическое облако темной жидкости, дрейфующее в невесомости. В абсолютном вакууме. Вопреки законам мироздания.

Именно такую аномалию открыл наш австралийский отдел два года назад. Открыл, причем, под самым носом: «вода» бултыхалась на орбите Земли, скрытая от визуального наблюдения с поверхности планеты пылевой луной.

— Последние три дня возле «воды» кишат корабли Контактеров, — продолжал Бруно. — Мои спецы устали регистрировать и описывать их виды. Здесь и «водомеры», и «эхинококки», и «рогатины»... Они перестали скрывать от нас свою деятельность.

— Контактеры взаимодействуют с «Водой»? — спросил я.

— Сказать трудно, но диаметр сферы увеличился на полмили. Возросло и альбедо. Если тенденция сохранится, то не сегодня-завтра станет возможным увидеть ее с Луны.

— Растет энергетический потенциал?

Бруно кивнул. Я подумал о сошедшем с ума сверхчувствительном нейтринном детекторе, укрытом под землей в португальской лаборатории нашего ведомства. О «странных кварках», которые вчера объявились и наделали много шума в самом большом на Земле ускорителе частиц в Северной Америке.

— Твой вывод, Бруно? Что это за вещество? — спросил я.

Директор невесело засмеялся. Сказал, сам себе не веря:

— Это, кажется, кварк-глюонная плазма в чистом виде.

В моих глазах потемнело. Я с трудом сглотнул.

— Кварк-глюонная плазма? В нашем измерении? — переспросил я. — И что, ведет себя стабильно?

Директор кивнул. Да, Бруно не станет делать рисковых заявлений, не взвесив все «за» и «против».

— Да ведь... — я помотал головой, — да ведь ее энергия невероятна! Немыслима!

— То-то! — согласился Бруно.

Я потер виски. Спросил:

— А ваш доктор точно запретил мне алкоголь?

— Точно, — отрезал директор, — ты должен остаться живым, Максим. Вернуться в Москву и рассказать все Доминатору... Хотя есть надежда, Бог даст, мы здесь ошиблись...

Я взял со стопки распечаток верхний листок. Пробежался глазами по строкам с формулами и уравнениями. «Странные кварки», как и флай, не были моей специализацией. Вот если бы речь пошла о «Спице»! Но я при-везу в своей памяти то, что нельзя доверить ни телефону, ни Интернету.

— Нам кажется, — продолжал Бруно, — что мы определили природу «воды», ее некоторые физические свойства. Но была ли она на нашей орби-те всегда? Или появилась с приходом Контактеров? Если появилась, то с какой целью? — директор развел руками. — Что это? Чудовищная бомба? Реактор? Сверхразум? В чем я уверен — так это то, что «вода» — средство контроля над человечеством...

— Но, а если, — я решил перебить Бруно, — пойти на прямой контакт?

Лицо бородача исказила гримаса муки.

— Как? — простонал он. — Как только у нас появился флай, у нас исчез космос. Как только на Луне было воссоздано тело первого человека, у нас отняли не только все другие планеты, но даже околоземное пространство.

Я призадумался. Сколько за последние пять лет было пилотируемых полетов в космос? Один. Кажется. И тот закончился неудачно. Воду и воз-дух на Луну и МКС-18 возят автоматы.

— Коммерческое освоение Луны займет у человечества века... Если, конечно, Контактеры позволят человечеству просуществовать этот срок, — продолжал философствовать Бруно. — Луна — это долгоиграющая косточка, которую придется грызть не одному поколению. Луна — тюремный двор, куда нас выпустили погулять. После тысячелетнего пребывания в тюрьме-Земле, мы не можем нарадоваться своему счастью. Мы уже не вспоминаем о том, что за стенами — огромный и красочный мир. Так-то, братец.

— Нет, не так-то, — улыбнулся я. — Мне, например, на Марсе хочется побывать.

— На Марсе! — повысил голос Бруно. — Да, Марс — это рай для тех, кто работает на Контакт. Одних официально зарегистрированных инопланет-ных артефактов — почти полсотни... Так вот, о чем я хочу тебе сказать: пока мы радуемся прогулкам на свежем воздухе, Контактеры собираются пере-о

борудовать нашу маленькую симпатичную тюрьму — Землю вместе с двоИ риком — Луной, в лагерь смерти. И крематорий уже кипит внутри пылевой луны.

Я рассмеялся. Впрочем, невесело.

— Ты сгущаешь краски! Флай, не спорю, поводок короткий, но ведь запускаются спутники... Вот, серия «Нейрус» — для расширения покрытия флаем...

— Помнишь, — перебил меня директор, — как все, кто работает на Контакт, подписали требование к Мировому отказаться от внедрения техИ нологии пришельцев?

Я помнил. Кивнул.

— Не покупайся на пропаганду! — Бруно ткнул в меня пальцем. — Никто не собирается признавать ошибки такого масштаба.

— Аминь! — подытожил я.

— Я рассчитывал, что ты пробудешь у нас дольше, — сказал Бруно, — у нас масса впечатляющих результатов...

Что ж, намек ясен. Опять вертолет...

Я поднялся.

— Обещаю не развалиться по швам, вопреки прогнозам вашего доктора.

— Позволь, я проведу тебя до площадки...

Кратные. О них я коеИчтознаю.

Прежде всего — это первоклассные специалисты. Большая часть из них — кабинетные крысы, теоретики. Научные сотрудники закрытых учреждений, корпящие поначалу на космос (т.е. на оборону), а затем и на Контакт.

На заре освоения Луны в пространстве и на поверхности естественного спутника повсеместно случались аварии, непредвиденные ситуации, чрезИ вычайные происшествия. Часто обстоятельства требовали, чтобы на месте оказывались те самые первоклассные специалисты.

Но они все были слишком незаменимыми, чтобы просто так отправитьИ ся навстречу с вакуумом, радиацией и другими опасностями Вселенной.

Тогда их решили дублировать при помощи флая.

Скопированный специалист отправлялся чтоИтотам спасать. Новую лунную программу ли в целом, людей ли в частности или уникальную техИ нику... В общем, жертвовать собой во имя благого дела. Права вернуться на Землю у таких дублеров (их назвали — кратные) не было. По большому счету, им рекомендовали покончить с собой после завершения работы. Цинично? Наверное. Но сама технология флая — троянский конь, подброИ шенный нам одной из рас Контактеров. Она скрывает внутри себя множеИ ство бесчеловечного, потому что по своей природе — НЕчеловечна. Я слышал, что один из кратных пытался несанкционированно вернуться на Землю. Ему, конечно же, не позволили это сделать. Попросту милосердно отключили ресивер.

Ходят слухи, что на Луне до сих пор скрывается несколько кратных. Там, в космополисах, вполне сносные условия для жизни. Но это всего лишь слухи. Я бы на них не полагался.

Так что, мой случай не единичный. Имеет ли он сходную природу? Едва ли. Я склонен предположить, что мое дублирование — это случайность, ошибка, последствие аварии, теракта или что там еще произошло на флайИ станции... Кстати, посмотреть бы новости...

Я стоял на пустынной платформе железнодорожной станции. Мне удаИ лось выбраться на окраину Москвы, и теперь я знал свой следующий шаг.

Пытаться найти убежище дома или у близких друзей было верхом глупоИ сти. По той же причине отпадал рабочий офис. Конечно, в штабИквартиру посторонние доступа не имеют. Но кто знает, как отнесется Доминатор к моей непреднамеренной кратности?

Мне нужен был надежный человек. Но из числа тех, кто давно выпал из моей жизни... Старый несправедливо забытый друг.

К счастью, такой у меня был.

...Примерно, час назад я купил в автомате мобильный телефон. Подгрузил в него из своей памяти телефонную книгу. С удивлением нашел в ней номер некой Сергеевой Дианы Сергеевны. Очевидно, эта дама награИ дила меня визиткой за то, что я скрасил беседой время ее ожидания флая. Как я уже говорил, мы отправлялись из параллельных камер. А вдруг? — мелькнула в моей голове мысль, — вдруг, все мои предыдущие действия не имели смыла, и я — все тот же я, единственный и неповторимый. Пальцы у меня дрожали, когда я выбирал номер моей недавней, но уже покойной знакомой.

— Алло? — раздался в трубке деловой женский голос. Совсем не похоИ жий на тот истеричный писк, что довелось мне услышать в задымленном холле.

— Я прошу прощения за беспокойство, — запинаясь, проговорил я, — Очень хотелось узнать, какая погода в Калькутте?

— В Кейптауне («ВсеИтаки в Кейптауне!» — пронеслось у меня в голоИ ве), — холодно поправила меня Сергеева, — если вам угодно продолжать со мной беседу, — авторизируйтесь. Я не разговариваю с анонимами.

— Авторизироваться? — не сразу понял я. А! Телефон же только что куплен!.. — Это Максим Данилович, мы с вами познакомились полтора часа назад во флайИстанции...

— Я вспомнила. Вы собирались в Сидней...

Мне внезапно расхотелось говорить с ней. Люди, погибшие буквально у тебя на глазах — не самые приятные собеседники.

А если бы мне удалось спасти ее дублера? Мы могли бы создать пару.

Чудовище Франкенштейна и его подруга...

— ЧтоИтовас плохо слышно... Я перезвоню. — Мой палец бескомпроИ миссно нажал на «сброс».

Все. Я закурил пятую сигарету подряд.

Теперь можно больше не лелеять надежду — флай произошел, как полоИ жено. ГдеИтов Сиднее двойник с моим именем занимается моей работой. Сергеева Диана Сергеевна завершит деловую поездку в Кейптаун, вернется в Москву, и ей никогда не станет известно, о том, что она погибла, нашпиИ гованная пулями. Сергеева погибла, но Сергеева будет жить.

А как на счет меня?

Даст ли теперь кто-нибудь за мою жизнь ломаный грош?

Телефонная книга подсказала мне нужную фамилию.

Алексей Козловский. Кандидат медицинских наук, главный врач в детской психиатрической больнице, живет и работает в Подмосковье. Старый холостяк, кофеман и любитель кальяна. Сто лет его не видел. И не звонил тоже.

Вот кто сможет дать мне приют. Не задавая лишних вопросов.

...И теперь я стоял на пустынном перроне. Сырой ветер трепал мои волосы; в космосе надо мной проносились спутники, на Луне строились города, а эта чертова электричка все не ехала и не ехала!

Какой-то бомжеватый тип попробовал клянчить у меня два рубля, но я послал его куда подальше. Потом из-за ларьков, большая часть из которых работала круглосуточно, вынырнула компания подвыпивших ПТУшников. Сначала молодые люди дернулись в мою сторону, но затем почему-то резко изменили вектор движения. Я повертел головой и понял почему: на перрон вышли двое милиционеров. Стражи порядка протопали мимо меня и затерялись среди ларьков.

Интересно, а стоит ли вообще ждать электричку? Может, последняя умчалась в Подмосковную даль давным-давно, и я зря мерзну?

Затем перрон окутал туман. Это произошло так неожиданно, что я в первый момент подумал о дыме. Мол, что же это такое? Опять пожар?! Туман принес с собой запах прелых листьев и сырой земли. Какой-то могильный запашек... Словно из романа Брэма Стокера. Туман стремительно обволок нехитрые станционные постройки. Поглотил меня. Сразу стало темнее и... глуше? Да, звуки потерялись, без остатка впитавшись в водянистую взвесь.

На перрон вышел еще один человек. Сначала я видел лишь неопределенный силуэт. Когда же он подошел ближе, я понял, что это — грузный мужчина в темном пальто старомодного фасона. На вид — не из расы урбаноидов. Такие как он наверняка должны знать расписание пригородных электричек и «по чем» картошка на базаре.

Я двинулся навстречу, не забывая миролюбиво растягивать губы. Мужчина внимательно оглядел меня с головы до ног. Простоватое лицо мигнуло и погасло, словно голограмма. Сигарета вывалилась из моих губ.

Полы пальто разлетелись в стороны, будто от порыва ветра. Из-под них брызнула и затрепетала, разворачиваясь в воздухе, полупрозрачная мембрана. В центре этого бутона я увидел компактное тело, покрытое глянцевым черным хитином. Все шесть рук (или ног?) Контактера были сложены, будто у притворяющегося дохлым таракана. Затем они разом пришли в движение, открывая отверстие в центре груди. Оттуда, словно голова черепахи — из панциря, вынырнула гладкая, округлая голова. Засветились зеленым светом неподвижные, похожие на стеклянные капли, глаза.

Метаморфоза продолжалась. Ношеные брюки свалились на бетон. Под ними оказалась двуногая механическая конструкция. Три тонких и длин-

ных то ли щупальца, то ли хвоста поспешно вынырнули из металлических пазов и зазмеились под сегментным брюхом пришельца.

И почему я не купил пистолет? В том магазинчике, где я обзавелся куртИкой, на прилавке был неплохой выбор огнестрельного оружия. Знать бы, куда падать, соломки бы постелил...

Я отпрянул назад.

Развернулся и дернулся было прочь, но одно из щупалец поймало праИвую ногу за щиколотку. Я рухнул на перрон и отчаянно замолотил по бетону руками, пытаясь ползти. Пришелец подтянул меня к себе. Перевернул на спину. Обвил вторым щупальцем шею так, что я выпучил глаза и раскрыл рот в безмолвном крике.

Туман вокруг нас становился все гуще и непроглядней.

Лежа на спине, словно раздавленное насекомое, и пытаясь набрать в грудь воздух, я глядел на темную фигуру.

Контактер не стоял. Он висел над землей; полупрозрачная мембрана, словно какойИтогротескный плащ, развивалась у него за спиной. Я замеИтил, что она вся пронизана кровеносными сосудами. Его круглые, выпуИклые глаза смотрели мне прямо в душу.

Третье, последнее свободное щупальце, приблизилось к моему лбу. Пришелец, казалось, с любопытством наклонил голову и приоткрыл рот. Я почувствовал, что в меня направлено какоеИтовысокочастотное излучение. Мгновенно заныли все пломбированные зубы; я зашипел, а затем и завыл от боли и беспомощности. Под черепом вспыхнула Сверхновая, опаляя извилины, выталкивая глаза и язык наружу.

Я понял, что живу последние секунды.

Но пытка прекратилась также резко, как и началась.

— Тыыыы... не тот... кого мы... ищщщщщем!

Пришелец говорил, резонируя всей поверхностью своего тела. Интересный метод. В это же время из его раскрытого рта доносилось какоеИторваное бульканье и чириканье.

— А кого вы ищите? — выдавил я.

— Тебяяяяя... — его голос обволакивал, как и туман.

На миг я почувствовал искушение. Назвать ему, куда я должен был отправиться в командировку? Хороший способ решить проблему: натраИвить на ничего не подозревающего дублера агрессивного инопланетянина. А самому поехать домой.

— Что вам от меня нужно? — спросил я и выгнул голову. Показалось ли мне или на самом деле ктоИтосюда идет?

Рация! Я слышу милицейскую рацию!

— Тыыыы... двойник... — продолжал блистать догадливостью Контактер. — Гдеее... твой... дубликат???

Я поглядел на щупальце, что колыхалась над моим лбом. Оно завершаИлась костистым наконечником. Такой без проблем вскроет мне черепушку. И все же...

Я поглядел вверх. Ни луны, ни звезд. Ничего кроме тумана. Как жаль. Очень не хотелось умирать вот так, под покровом инопланетной маскиИ

ровки, на заплеванном бетоне железнодорожной станции. Да чего греха таить — вообще не хотелось умирать!

— Милиция! — хрипло завопил я. — Здесь пришелец!!!

— Вас!..

Агент транспортного отдела Интерпола смущенно улыбнулся и протяИ нул мне мобильник.

Поднос с недоеденным ужином я отставил на дальний край нар, зырИ кнул исподлобья на копа и двумя пальцами взял его «слайдер».

— Слушаю!

— Как ты, Макс? — спросили меня. Твердый и спокойный голос человеИ ка, привыкшего к ответственности. Сам Доминатор.

Как я? Я огляделся: камерка уютная. Когда я впервые приехал в Москву, мне приходилось снимать комнату гораздо менее комфортабельную. И пока никого не подселили, что тоже радует.

— Умеренно, — ответил. — Я не могу понять, что им от меня...

— Ты уже слышал о Бруно? — перебил меня Доминатор.

О Бруно? Я распрощался с ним часов пять назад. Что я должен был о нем слышать?

— Мы лишились нашего австралийского филиала. Всего. Полностью.

У меня зашевелились волосы на голове от такой простой и бескомпроИ миссной формулировки. Я нервно забарабанил пальцами по изголовью нар.

— Бруно... — наконец смог выдавить я. — Он ведь... Шеф, он ведь мухи не обидел... Сволочи! — выкрикнул и приложил кулаком по нарам так, что поднос с объедками свалился на чистенький пол.

Коп удивленно посмотрел на меня и кашлянул.

— Мне удалось... — тут впервые Доминатор позволил своему голосу дрогнуть. — Нам удалось заставить Мировое провести экстренное совещаИ ние. Будем надеяться, еще не слишком поздно.

— Шеф! — воскликнул я. — Меня задержали! Обвинений не предъявляИ ют...

— Действия Интерпола нам пока на руку, Максим. Тебе нужна охрана. А это ведомство — единственное в Австралии, которое может обеспечить нужный уровень защиты.

— Но последний флай закончился для меня бракованным телом! Я не знаю, сколько еще протяну...

Доминатор вздохнул.

— В Москве на твоего кратного напал Контактер.

Я поперхнулся. Пока я не мог понять, первая или последняя часть это сообщения больше ввергает меня в шок.

— На моего... кого? Кратного? Их ведь запрещено использовать на Земле!

Так вот почему меня изолировали! Если появились две идентичные личИ ности, одна из них должна исчезнуть. Таковы правила. Вот только, кого из нас пустят в расход? По идее, приемником всех прав личности являюсь я.

Однако то, что я сейчас сижу под замком, говорит — у кого-то на этот счет есть иное мнение.

— Конечно, Максим. — Согласился Доминатор. «Конечно, запрещено. Конечно, мы к этому не причастны». И еще миллион «конечно». — Но кратному удалось отвлечь убийцу. Твоего убийцу. Полиморфа, которого мы не могли обнаружить трое суток, с того момента, как стало известно о его проникновении. Контактеры заметают следы. — Продолжил Доминатор. — В Австралии — Бруно и его ребята, в Москве — ты.

Я поглядел на копа. Тот присел возле устройства, в которое справляют нужду, и принялся изучать его с таким интересом, будто в первый раз увидел.

— Наверняка, Бруно знал свое дело. — Сказал Доминатор.

Ясно, куда ты клонишь. Ждешь не дождешься получить от меня доклад по наработкам австралийского филиала. Я и сам не против тебе его предоставить. Вот только...

— Бруно был одним из лучших наших специалистов. — Покорно согласился. Глубоко вздохнул и спросил: — Мой кратный жив?

— Мы скоро увидимся, Максим. — Ответил Доминатор после короткой паузы. — Будь осторожен. Не ссорься с Интерполом, отдыхай, пока есть возможность. Твоя жизнь очень важна для человечества.

И положил трубку.

Я потер лоб.

Чтобы прикрыть меня, в обход законам, в обход технологии флая, в обход транспортной милиции был создан кратный. Для того, чтобы я смог встретиться с Бруно и получить новые данные по «воде». А затем вернуться в штаб-квартиру и изложить там мнение австралийцев. Контактер, охотящийся на меня в Москве, обезврежен и, вроде, в голову лезут мысли о хэппи-энде. Но что же тогда не сходится?..

— Попрошу вас выйти. Я собираюсь этим пользоваться.

Коп, до сих пор рассматривающий очко, вздрогнул и виновато улыбнулся.

— Телефон...

— Что?

— Верните мой телефон.

— Контактеры определяют уклад нашей жизни в течение последних пятидесяти лет. Они приучили нас жить в тени своего могущества. Приучили к летающим блюдцам в небе и сияющим «эхинококкам» в космосе. Мы привыкли к тому, что твой сосед может оказаться убийцей-полиморфом. Мы привыкли бояться и привыкли осознавать свою ничтожность. Мы знаем, что реальное сопротивление экспансии пришельцев, случись такая, оказать не в состоянии ни одна организация или структура Земли. Мы привычно пользуемся технологиями Контактеров. Обыденно умираем в камерах трансмиттеров. Контактеры иногда делают нам подарки, как было с флаем. А иногда наказывают за излишнее любопытство, как стало с Бруно.

Доминатор быстро закивал. Затем достал носовой платок и громко

высморкался. Дал едва уловимый знак. Молчаливый референт вновь наполнил наши стаканы виски.

— Максим, Максим... В политику бы тебе. Такой талант гибнет. У нас тебе карьеры не сделать.

Я приложился к стакану и громко хлопнул им об столешницу.

— Я — кратный. И до утра мне не дожить. Я не ребенок и осознаю правила игры. Но я хочу знать — ради чего? Что такого мой дублер должен был привеИ сти из Австралии? Почему вы не побоялись столь грубо нарушить закон? Ведь вы не станете отпираться, что мое появление — ваша инициатива.

Доминатор поднялся, подошел к окну. Задумчиво постучал по стеклу краем стакана.

— Инициатива пока в наших руках, — сказал он, разглядывая рисунок туч. — Мировое никогда бы не пошло на такой шаг. Поэтому во флайИ станции взорвалась настоящая бомба. Хочется надеяться, что никто не пострадал.

Я глухо выругался, вспомнив лицо Сергеевой.

— Ты заметил, что в мире все к чемуИто стремится? — продолжил Доминатор. — И речь идет не о продуманном, мотивированном выборе, а о том, за что мы хватаемся рефлекторно. Вот так! — в его кулаке хрустИ нул стакан. — Бруно желал познать аномалию, что он открыл на орбите Земли. Ты готов сейчас броситься, убить меня и моего референта, а также всю охрану штабИквартиры, чтобы сохранить себе жизнь, хоть и уверен, что она тебе не принадлежит. Министерство транспорта шло на все, дабы не очернить легенду под названием «флай». Полиморф искал тебя. Контактеров, как бы не интересна была Земля, как бы не увлекаИ тельно было проводить медицинские опыты над людьми, а облако кваркИлюонной плазмы на орбите нашей планеты занимает значительИ но больше.

— «Вода» — это «странные кварки»? — удивился я. — И вы об этом знали?

— Как муха, не может удержаться, и не присесть на липкое пятно на столе, так и инопланетная мразь не в силах миновать нашу «мухоловку». — Доминатор отвернулся от окна. — У нас нет космоса, но зато у нас есть Луна. И то, что все остальные считают космополисами, лунными городами.

— Космополисы — это ускорители частиц? Генераторы «странных кварИ ков»? — догадался я, вспомнив кольцевую структуру лунных городов. — Бедняга Бруно...

— Да, Бруно действительно жаль. Его филиал днями и ночами ломал голову над тем, что на самом деле было продуктом работы другого отдела нашего ведомства. Старик своим искренним рвением заставил поверить Контактеров в то, что мы тоже заинтересованы в раскрытии загадки «воды». И в то, что нам удалось нечто выяснить. Мы обеспечили тебе двойИ ное прикрытие. Тебе и твоему... кратному в Австралии. Вы тоже великолепИ но сыграли свою роль. Контактеры раскрылись дважды.

— Я — пустышка, — виски потеряло вкус и запах, — я — дважды пустышка; живая приманка. Но Бруно и его ребята...

Доминатор помрачнел.

— Их не успели эвакуировать. Счет шел на доли секунды. В конце конИ цов, мы всего лишь люди. Тем не менее, даже в таких обстоятельствах нам было тяжело получить у Мирового санкции.

Доминатор жестом подозвал меня к окну. Я отставил стакан и поднялся на ноги. Но не успел сделать и шага, как оконный проем вспыхнул белым светом, будто ктоИтоснаружи направил на здание прожектор. Одна секунИ да, — и свет погас. Заплясали зайчики по шокированной сетчатке. Доминатор торжествующе улыбнулся. Указал пальцем на все еще полыхаюИ щие отсветами тучи.

— Вот и все. «Вода» выполнила свою функцию. Мухоловка превратиИ лась в мухобойку.

— Облако кваркИглюонной плазмы детонировало?

— Всего лишь перешло из одного состояния в другое, выделив в проИ странство энергию. Я думаю, о Контактерах на орбите Земли теперь мы услышим не скоро. Весь хваленый флот этих глистов рассыпался на атомы. Как мы и рассчитывали. У нас остался флай, у нас остались другие знания об их технологиях. И когда в следующий раз они рискнут показаться в окрестностях Солнца, мы будем готовы, Максим. Помяни мое слово...

— Мой кратный... тот, что в Австралии, он еще жив?

Доминатор прищурился.

— Ты что, не хочешь работать на Контакт без Контактеров?

Я неопределенно мотнул головой, отвернулся и пошел прочь из зала.

Доминатор выкрикнул мне вслед:

— Максим! На следующей неделе запускаем первую флайИстанцию на Марсе! Тебе интересно?

Как бы вы поступили, если бы судьба подбросила вам шанс начать все с нуля? Возможность поменять место жительства? Работу? Семью? Возможность сменить приевшийся уклад на полную адреналином и опасИ ностями круговерть? Возможность поменять планету, силу тяжести, яркость солнечного света?

Бежали бы прочь от таких подарков, как я? Или же, как я, с головой ныряли в новую жизнь?

Об авторе

Родился в 1980 г. в Симферополе. Закончил Таврический экологический институт (Симферополь), факультет журналистики. Работал корреспондентом и редактором в различных печатных и аудиовизуальных СМИ. Сейчас работает режиссером монтажа на канале ИТВ. Первая журнальная публикация в 2006 году — альманах «Безымянная звезда». В № 2 (5) за 2007 г. литературного приложения «ЗнаниеГсила: Фантастика» был опубликован рассказ «Лунная походка».

Игорь Харичев

Будущее. Россия

Они пришли. Я уже и не думал, что они явятся. Прошло столько лет. Но они явились. КтоИтодонес, что моя жена нерусская.

Их было пятеро, в черной форме с нашивками, их лица хранили непроИ ницаемость. Они обыскали квартиру – хотели убедиться, что я один.

— Ты арестован, — мрачно сказал тот, манеры и вид которого подчеркиИ вали, что он старший.

Сопротивляться было бесполезно. Как и спрашивать причину ареста.

Когда вышли из квартиры, я начал закрывать дверь.

— Зачем? – поинтересовался старший.

— Я надеюсь вернуться.

Он пренебрежительно усмехнулся, но не стал препятствовать.

Потом меня везли в районное управление Службы соблюдения чистоты расы. Я не смотрел в окно. Мои мысли были заняты другим. Я думал о том, что ничем хорошим арест не кончится, что это плата за скупость – я осталИ ся из опасения потерять квартиру. А потом уже нельзя было уехать.

Меня привели в кабинет на третьем этаже. Следователь молча указал на стул. Он был худой, с прилизанными волосами и бледным, болезненным лицом, лет тридцати на вид. Он внимательно изучал какиеИтобумаги, и я удивился: зачем надо было приводить меня, чтобы заниматься бумагами. Тут он поднял на меня глаза, взгляд был пристальным, колющим.

— Значит, твоя жена еврейка?

— Я гораздо старше вас. Почему вы говорите мне ты?

Он не услышал моих слов.

— Твоя жена еврейка?

— Армянка.

— Значит, и дети твои – армяне, – заключил он.

Это был глупый разговор. Я не имел никакого желания спорить, но всеИ таки устало проговорил:

— Национальность по крови может не совпадать с той национальноИ стью, которая определяется самоощущением человека. Если человек думаИ ет поИрусски, если ему близка русская культура, если, наконец, он считает себя русским, он русский несмотря на то, что в нем течет другая кровь. Неважно, какая, армянская, еврейская или польская.

Он глянул на меня ошалелыми глазами. И его прорвало:

— Ты! Сволочь! Ты эту преступную пропаганду брось! Такие как ты униИ чтожают русский народ! Такие, как ты, виноваты в том, что число русских опасно сократилось. И ты еще рассуждаешь? Мерзкие объяснения даешь?

Как ты смеешь? Скот несчастный. Ты должен молить о пощаде, а не расИ суждать. Русский, называется. А сам, как еврей, все оправдать пытается...

Его взрыв иссяк. Я счел возможным сухо поинтересоваться:

— В чем же я виноват?

— Ты совершил преступление. – Он хмуро смотрел перед собой.

— Как я мог свершить преступление? – мой взгляд сверлил его. – Закон о расовой чистоте я не мог нарушить. Когда я женился, еще не было Закона о расовой чистоте.

— Да, тогда этого закона не было. Но ты должен был понимать, что совершаешь преступление перед русским народом.

Я медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Никакого преступления в отношении русского народа я не соверИ шил. – Мой голос звучал уверенно. – Я женился на женщине, которую любил. Только и всего.

Теперь следователь сохранил невозмутимость.

— В этом и есть твое преступление. Для тебя твои собственные желания важнее интересов народа, к которому ты принадлежишь.

Я не знал, что ответить на весь этот бред, а он и не ждал моих слов. Он принялся чтоИтонабирать на компьютере. Эта работа заняла у него минут десять. Потом принтер выпустил бумагу с какимИтотекстом. Взяв которую, следователь поднялся.

— Идем, – бросил он.

Я тоже поднялся, пошел за ним.

Суд проходил в небольшом помещении. Три судьи сидело за столом. А по эту сторону находились только двое: я и следователь, тот, который вел мое дело. Теперь он выступал в роли прокурора, объясняя суду мои прегреИ шения. Его монотонное, лишенное эмоций выступление закончилось треИ бованием дать мне десять лет заключения без права переписки.

Судьи слушали его со скучными лицами. Они были какиеИтопохожие друг на друга, хотя тот, что сидел в середине, превосходил остальных комИ плекцией. Пожалуй, их объединяло нечто похожее в лицах. Трудно было предположить наличие интеллекта у обладателей таких лиц.

Когда следовательИпрокурор закончил, судьи посидели немного, разИ мышляя об услышанном.

— ПоИмоему, все ясно – проговорил тот, который сидел в центре.

— Да – согласились по очереди тот, что слева, и тот, что справа.

— Единственное, если подсудимый готов облегчить свое положение – добавил тот, который располагался в центре.

— Да – согласились по очереди тот, что слева, и тот, что справа.

Центральный судья глянул на меня равнодушными глазами.

— Вы можете отречься от жены и детей. На том основании, что они не русские. Это облегчит ваше положение.

— Я как раз не могу от них отречься. – Как упрямо звучал мой голос.

— Что вам до них? Они за границей.

— Но она – моя жена. А они – мои дети.

— Упорствуете?

Признаюсь, я не сдержался:

— Да. В этом я упорствую. Как и в том, что Закон о расовой чистоте – полная глупость. Вовсе не он нужен для того, чтобы спасти русский народ. Русскому народу нужны не защитники, а свобода.

Судьи переглянулись с пониманием дела. Я понял, что поплачусь за свою несдержанность.

Тот, который сидел в середине, поднялся, важно проговорил:

— Именем России за неоднократное и циничное нарушение законов, за действия, причиняющие ущерб русскому народу, – тут он назвал мою фамилию, имя, отчество, – приговаривается к десяти годам тюремного заключения без права переписки. Приговор окончательный и обжаловаИ нию не подлежит.

Едва приговор был оглашен, те пятеро, что арестовывали меня, вошли в зал. Двое взяли меня под руки и потащили сначала в коридор, потом вниз по лестнице. На улице я вновь был посажен в микроавтобус.

На этот раз я смотрел в окно. Я видел улицы, людей на тротуарах. Я видел, куда меня везут – в Матросскую тишину. Довольно скоро микроавИ тобус уперся в высокие, глухие ворота, которые распахнулись, позволяя попасть в пределы тюрьмы. Потом передо мной открывались одна за друИ гой двери и решетки, пропуская меня в недоступные посторонним людям части тюрьмы.

Я оказался в отдельной камере. Совсем небольшой. Здесь была примИ кнутая к стене лежанка, табурет, унитаз и рукомойник. Я не отказался бы лечь, но понимал, что получу эту возможность в десять или одиннадцать часов вечера. Оставалось только сесть на табурет, откинувшись спиной на стену. Но скоро я почувствовал, какая она холодная, эта стена. Пришлось сидеть, оперев локти на колени.

Я думал о том, что отдельная камера для такого, как я – это неразумно. Зачем мне занимать отдельную камеру? Их не так много. А за последние несколько лет посажена уйма людей. На всех не напасешься камерамиИ одиночками.

Потом я вспоминал, как мы познакомились с моей женой. Мне всегда нравились южные женщины, темноволосые, с плавными чертами лица. И когда я встретил у нас в институте чудесную темноглазую девушку, я опеИ шил. Она еще училась в Бауманке и проходила у нас практику. Она сразу покорила мое сердце. Мы познакомились. Оказалось, что она была москвичкой. Ее армянские родители давно жили в столице. Отец работал в известном авиационном конструкторском бюро, а мать – терапевтом в райИ онном поликлинике. В этой семье меня приняли очень благожелательно. Не прошло и полгода, как я стал их родственником.

Моя жена родила мне двоих сыновей. Умных, потому что сама была такой. Умные дети бывают только у умных женщин. Они выучились и успеИ ли добиться многого. Старший занялся естественными науками, а младИ ший создал свою фирму. Но через некоторое время уехали из России. Сначала младший. Здесь ему постоянно создавали проблемы чиновники, налоговики, чекисты. Он не хотел постоянно давать взятки, чтобы иметь возможность развивать свое дело. Потом уехал старший, который устал от нищенской зарплаты, от невозможности вести исследования на современИ

ном уровне, от того, что ему частенько напоминали, что он нерусский. А он считал себя русским, да в семье мы говорили только поИрусски — моя жена практически не знала армянского.

Моя сыновья обосновались в Соединенных Штатах. Старший работал в престижном университете, а младший быстро поднял свою фирму, связанИ ную с высокими технологиями. Они звали нас к себе, но мы продолжали работать в России. Потом жена поехала навестить их. И тут у нас произоИ шел переворот. Это счастье, что она оказалась в этот момент за границей. Потому что к власти пришли блюстители чистоты русской нации...

Я почувствовал голод. Обед я пропустил. Можно было надеяться, что ужин достанется мне. Однако, проходили часы, но никто не приносил еды. Вдруг раздался звонок, и лежанка отвалилась от стены, встала в вертикальИ ное положение. Я посмотрел на часы – одиннадцать вечера. Можно было лечь спать.

Я заснул быстро. Я слишком устал за минувший день. Меня мучили ночные кошмары — снилось, что моя семья не успела уехать, и русские националисты посадили жену и детей в концлагерь. Им приходилось валить лес гдеИто в Сибири – по старинке пилить стволы двуручной пилой, обливаясь потом...

Завтрака мне тоже не дали. Дверь открылась вовсе не для того, чтобы предложить мне хотя бы скудную пищу. Вместо этого прозвучало: «На выход.»

Меня провели в большой кабинет. За добротным письменным столом сидел человек в черной форма с нашивками. Я не разбирался в званиях сотрудников Службы соблюдения чистоты расы, – урядник или сотник, черт его знает, – но выглядел он солидно. Его лицо было исполнено непоИ колебимого достоинства. Сесть он мне не предложил. Внимательно посмоИ трев на меня, сказал:

— Вам решено сохранить жизнь

Я опешил.

— Но меня к смерти не приговаривали. Мне дали десять лет тюремного заключения без права переписки.

Он не пожелал услышать меня.

— Вам решено сохранить жизнь, – величавое спокойствие поИпрежнему наполняло начальственный голос. – Но это не значит, что вы будете проИ хлаждаться. Принято во внимание то, что вы ученый, можете послужить России в этом качестве.

— Меня отпускают? – опешил я.

— Вас не отпускают. Но вы будете жить. Будете продолжать заниматься наукой. В специальном институте. Вам дадут все необходимое для работы.

Господи! Прошлое вернулось. То, о котором я лишь читал.

— В шарашке что ли? – постарался уточнить я.

— При чем тут шарашка? – Он чуть скривил свое надменное лицо. – В специальном институте.

— В чем его специальность?

— Будете находиться в камере в нерабочее время.

— А в рабочее?

— В лаборатории.

Помолчав, я задал последний вопрос:

— А право переписки?

— Вы лишены этого права?

На этом разговор был окончен. Меня повели по коридорам, вывели во двор. Я был посажен в машину – в настоящий воронок. На этот раз я не мог видеть, куда меня везут.

Поездка оказалась долгой. Часть пути машина ехала на большой скороИсти, практически не поворачивая. Можно было предположить, что меня везут по шоссе. Иными слова, что мы в Подмосковье. И навряд ли меня увезут далеко от столицы.

Я не ошибся. Меня привезли в Сколково. Я узнал об этом позже от моего напарника по камере, немолодого еврея, попавшего в специальный институт за то, что много лет назад женился на русской женщине. В Сколкове прежние институты превратили в отделения одного большого института, а общежития – в застенки. Мы с моим напарником жили в комИнате с окном, которое закрывал глухой щит. Лишь небольшой прямоугольИник соединял комнату с внешним пространством, давая возможность проИникать свежему воздуху. А еще у нас был свой туалет и душ. Вполне сносные условия для существования в свободное от работы время. Вставать надо было в шесть утра. В половине седьмого нам подавали завтрак. Без десяти семь выводили из камер и вели в лаборатории. Рабочий день длился с семи до девяти вечера с получасовым перерывом на обед. Потом нас возвращали в камеры. Можно было немного отдохнуть перед сном. Отбой наступал в одиннадцать.

Поначалу работа у меня не клеилась. И если бы не мой напарник, приИкрывавший меня, даже не знаю, чем все кончилось бы. Но прошло какоеИто время, и я привык, втянулся в исследования. И уже не мыслил другой жизни. Думаю, если бы я просто сидел в тюрьме, ничего не делая с утра до вечера, я бы жестоко затосковал и сошел бы с ума. А так... Великое дело – наука. Даже если занимаешься ею, будучи в заключении. Одно расстраиваИло и продолжает расстраивать – невозможность увидеться с семьей. Или хотя бы написать им.

Иногда я мечтаю о будущем. Картины, которые мне видятся, не такие уж фантастические: я вместе с женой, с моими сыновьями, с внуками, Но я знаю – это будущее никогда не наступит.

Об авторе

Родился в 1947 году в Самаре. По образованию астрофизик. Генеральный директор журГнала «ЗнаниеГсила». Рассказы, повести, включая фантастические, неоднократно публиГковались в журналах «Сельская молодежь», «Литературная учеба», «Новое время», «Наука и жизнь», «Кольцо А», «Дети Ра», а также газетах «Литературная Россия», «Собеседник», «Учительская газета», «Российские вести», «Куранты». В № 2 и 3 за 2006 г. литературного приложения «ЗнаниеГсила: Фантастика» была опубликована повесть «Будущее в подарок». Автор четырех художественных книг, вышедших в 1994, 2000, 2006, 2008 гг. (в 2008 г. вышел фантастический роман «Своя вселенная») и одной публиГцистической книги (1995 г.).

Михаил Рабинович

Точка отсчета

Кто знает, что ждет нас?
Кто знает, что будет?
Не надо в грядущее взор погружать...
Гийом АППОЛИНЕР

Коршун неподвижно завис над просекой к западу от меня. За последние пять минут он, кажется, ни разу не шевельнул крыльями. Издевается, подумал я. Поймал восходящий поток и издевается надо мной.

Такого бездарного дня в лесу я не проводил с тех пор, как впервые взял в руки ружье. Двадцать патронов взял я с утра — остался всего один. А убил сороку да кукушку. Причем, если кукушку я принял за рябчика, то в личности сороки отнюдь не сомневался – палил в нее от полной безнадеги. Вот и вся добыча, плюс еще центнера полтора отборных еловых шишек. И плюс порванные болотники — это когда я (от большого ума) шваркнул дуплетом по зашуршавшей верхушке сосны, стоя на краю берегового ската. От отдачи рыхлая земля поползла под сапогами, и я катапультировался в бурелом под откосом. Кабы ангел-хранитель не развернул меня в полете вперед ногами, быть бы мне первой крупной дичью, убитой наповал на этой охоте. Меня воткнуло промеж двух гнилых стволов с таким оглушительным треском, что все окрестные «мишени и цели» либо затаились наглухо, либо сейчас покидали свои угодья на полных парах и без оглядки. Даже ворона, моя незадачливая мишень, и та отделалась, скотина, легким стрессом...

Катастрофа состоялась четверть часа назад. Я все еще не мог отдышаться, курил одну за одной едкие папиросы и прислушивался к внутренним своим ощущениям. Переломов, кажется, нет, но болело невыносимо — в правом боку болело, «в шагу», в ободранной шее...

Я еще раз взглянул в сторону просеки. Коршун болтался на прежнем месте — живой укор, надменный и неподвижный. Он, несомненно, был очевидцем позора. И вот тут я разозлился окончательно.

— Ладно, тварь небесная, теперь держись... — прошипел я, досылая в ствол последний патрон. — Хотя тебя и жрать нельзя...

Шансы на хороший выстрел были исчезающе малы. Птица парила в аккурат на фоне заходящего солнца, и когда я поднял ружье, на мушке вспыхнула искристая радуга, закрывая коршуна совершенно. Дробь, как я помнил, осталась бекасиная, седьмой номер, а до цели метров пятьдесят, да порядка тридцати по вертикали. Сумма квадратов катетов равна, судорожно вспоминал я, равна ... нет, не попаду. «Великая богиня, Диана – охотни

ца, ты не послала мне нынче удачи, позволь хотя бы отомстить!», взмолилИ ся я мысленно и спустил курок.

Бабах! Приклад впился в многострадальное правое плечо, я бросил бесИ полезное ружье под ноги и принялся яростно протирать слезящиеся глаза. Зрение вернулось, и я увидел замечательное зрелище.

Коршун падал. Очевидно, пробитый навылет, все в той же неподвижИ ности он приближался к земле и, наконец, кувыркнулся в разлапистые ветки орешника на краю просеки. Я испустил ликующий клич, забросил ружье на плечо и рванул напролом сквозь топь, безуспешно пытаясь защиИ тить руками лицо от бритвенноИжгучихприкосновений осоки. Жирные серые лягушки с гневным кваканьем разбегались изИподсапог. С маху переИ прыгнув замшевую гнилую корягу, я выбрался на окраину просеки, дальше дело пошло легче.

Для чего нужна мне была тушка изувеченного коршуна? Ни для чего. Просто это был первый удачный выстрел после дня разочарований, и невозИ можно было отвести глаза от заветного орехового куста. Так что на лежащего ничком человека я едва не наступил, а если точнее — споткнулся об него.

Человек стонал. В растрепанных длинных волосах виднелась совсем свежая кровь, она неторопливо стекала по щеке в мох, и одна рубиновая капля тяжело раскачивалась на слипшейся в косичку пряди. Господи милоИ сердный, подумал я с ужасом, ведь это я его так «угостил»! Вот тебе и удачИ ный выстрел, вот и достойный конец этого проклятого дня... Но — как вообще я мог в него попасть? Стрелок я аховый, но ружье у меня бьет кучно, тому есть примеры — тот же коршун, скажем, замертво свалился... С другой стороны, полсотни метров — расстояние приличное, некоторый разлет не исключен. Одна, две шальные дробинки могли попасть, конечно, но это же ерунда! Крохотный шарик на такой дистанции может ушибить, испугать может, заставить заорать... но этот даже не вскрикнул. Этот – лежит пластом, стонет, кровь... КУДА надо попасть, чтобы ТАК?..

Эти множественные мысли, как обычно, проносились гдеИтона втором плане, все это было пока не важно, главное было сейчас – что можно предИ принять сразу и куда бежать потом, и я судорожно соображал, одновреИ менно переворачивая пострадавшего на спину, к себе лицом. Лицо оказаИ лось — как лицо, бледное, шелушащаяся неровная кожа, глаза закачены... багровая ссадина на лбу. Широкая, длинная — уходит под волосы, в сереИ дине рваный порез, по краям — царапины поменьше... Это не мог быть след от дробинки, дробь ранит не так. А слева от головы лежащего обнаружилось то, что ранит как раз так: мертвая, но еще крепкая деревяшка, торчащая из земли – не то полузакопанный сук, то ли высохший корень, с широким и острым обломанным краем. Следы крови на нем были видны невооруженИ ным глазом. Так.

Признаться, первым чувством, нахлынувшим на меня, оказалось постыдное и буйное облегчение — не я! Возможно, конечно, он испугался выстрела, но это второй вопрос, главное — ничего непоправимого не проИ изошло. Ну, шел человек, споткнулся, упал. Ударился. Ободрался. Бывает. Больно ударился и серьезно ободрался, но бывает со всяким. Со мной, например. Не далее чем четверть часа тому назад...

Я вытащил флягу. Граммов сто пятьдесят в ней еще сохранилось — не было у меня сегодня повода обстоятельно глотнуть на радостях, и с горя тоже не успел... Весьма кстати. Я осторожно приподнял голову незнакомца и влил в вялый рот пару глотков. Незнакомец не капризничая проглотил коньяк, и глаза его, наконец, выплыли изИюдо лба на положенное им место. Страшноватые, признаться, глаза – в багровых прожилках, глубоко запавшие, с прыгающей искрой безумия, совершенно больные глаза. Он обшарил взглядом мое лицо миллиметр за миллиметром, будто запоминая. Потом внезапно разразился лающим кашлем. Минуту, две он сипел и хриИ пел, так что я решился легонько хлопнуть его промеж лопаток.

— Кх...де я? — задыхающийся шепот.

— Пока еще здесь. На этом свете. Ты споткнулся и хорошо треснулся головой. Терпи, земляк, все будет нормально...

Я неважный физиономист, но «земляка» интересовало явно не это. Он молча и пристально смотрел в мои глаза — ждал, когда я скажу важное для него. Похоже на полную потерю ориентации – видать, крепко треснулся. Ладно.

— Там – Глухое, километра четыре лесом,— я махнул рукой за спину, потом указал на закат и добавил зачемИто:— А там Вологда, сто двадцать кэмэ...

Эта нехитрая информация обрадовала незнакомца чрезвычайно. У него даже глаза заблестели, он попытался приподнялся немного, вцепившись мне в колено, но пальцы соскользнули.

— Число сегодня – какое?

— Двадцать третье,— ответил я и улыбнулся. — Сентября. Страна Россия, планета Земля. Глотнешь еще?

Увы, моя улыбка канула втуне, потому что незнакомец немедленно спросил – какой год. Он не шутил. Я ответил – автоматически, потому как совсем перестал понимать происходящее. И тут он мне выдал.

Это можно было бы назвать торжественной речью, вот только обращена она была не ко мне. Она изобиловала наукообразными терминами, это была каша, из которой время от времени всплывали разнообразные «плотИ ности потока», «пространственные калибровки» и тому подобное, смутно знакомое, но никак не относящееся к нашей встрече – на продуваемой осенним ветром просеке, за сотни миль от цивилизации. Часто поминались разнообразные «точки» — кризисные точки, узловые точки, реперные (кажется) точки, а также точки отсчета... Остальное было еще хуже. Вероятно, найденыш мой всеИтакибредил. Он откинулся в изнеможении на сырой мох и блаженно прикрыл глаза, он улыбался какойИтодикой полуулыбкой и бормотал, бормотал, бормотал...

Он был странный. Длинные волнистые волосы в недалеком прошлом явно были аккуратно подстрижены, окрашены и даже, кажется, завиты. В правом ухе у него болталась клипса, серебристая продолговатая бочечка. Так вот, на ней были две маленькие лампочки. Красная периодически вспыхивала, вторая, прозрачная, бездействовала. Вологодчина, глухомань, дичь. И финтифлюшки в правом ушке... Откуда он здесь взялся, такой краИ сивый? Хотя ладно, это нас не касается. Пока...

А вот клипса меня заинтриговала. Разглядывая ее, я не сразу заметил, что бормотание стихло. Потерпевший тоже разглядывал меня. У него было необычное выражение лица – смесь предвкушения с недоверием на грани разочарования. Так иногда смотрит на хозяина собака, когда тот достает из холодильника кость – неправдоподобно большую, мясистую, и неизвестно еще, в чьей миске она окажется...

И вдруг он назвал мое имя и фамилию.

В абсурдистской пьесе всегда наступает момент, когда абсурд делается нормой. Я вежливо кивнул: вы не ошиблись, сударь, а с кем, простите, имею честь..? Незнакомец всхлипнул, взял мою руку в свою и прошептал:

— Это действительно ты... здравствуй, предок мой!

На этом его силы кончились. Руки соскользнули, он снова закатил глаза и повалился резко назад, так что я едва успел его подхватить. Первый акт в театре абсурда закончился. Наступил антракт.

Ну что ж, потерянно думал я, попробуем подвести итоги? Молодой человек явно городской внешности. ПоИвидимому, хорошо образован. Половая ориентация сомнительная. Меня знает, величает «предком». Свалился на мою голову посреди глухого леса – не иначе, с неба. И это не фигура речи – чтобы так оцарапать себе макушку, споткнуться мало, нужно упасть вниз головой. Вон, кстати, цепочка моих следов – глубокие вмятиИ ны во мху, медленно заполняющиеся холодной болотной жижей. И это, господа присяжные, ЕДИНСТВЕННЫЕ следы в районе происшествия. Потерпевший следов не оставил. У меня вон сапоги в грязи по это самое, выше голенища... А у потерпевшего?

Сапог у потерпевшего не оказалось. Были валенки – из тонкого белого войлока, они плотно сидели на ноге, как модельный сапожок, и украшены были цветной вышивкой. Чистые и сухие сувенирные валенки. А то, что на первый взгляд я принял за штормовку, оказалось шубой. Короткий и очень плотный мех, надо думать, синтетика – зрительно он создавал впеИ чатление бездонной глубины. Я сунулся под шубу в надежде обнаружить документы – и увидел пурпурное трико под горло. Оно обтягивало тощие ребра, будто вторая кожа.

Помнится, я был нечеловечески спокоен. Сейчас ты не будешь ни о чем рассуждать, сказал я себе. Сейчас ты взвалишь этого бедолагу на плечо и попрешь его в деревню. Будет нелегко, но ты справишься, сказал я себе. Там ты сдашь его на попечение какойИнибудь местной бабкеИёжке,вороИ жее, пусть травяной отвар состряпает... А потом ты пойдешь по грунтовке и выйдешь на бетонку. Потом пойдешь по бетонке, и может быть, тебе попаИ дется попутка. Хотя, скорее всего, не попадется. И рано или поздно ты, голубчик, притопаешь в райцентр. Где есть и райбольница, и телефон, и прочие блага цивилизации. Включая, кстати, милицию...

И все это время ты будешь нечеловечески спокоен, сказал я себе. Как сейчас. И попутный ветер будет дуть тебе в спину. Как сейчас. Ты будешь спокоен, даже когда полностью стемнеет и упадет непроницаемый, вязкий ночной туман. Даже если в тумане будут плясать ведьмы и лешие. Даже если всю дорогу ты будешь слышать за спиной чавканье чьихИтошагов. Как сейчас...

В правую почку мне уперлось нечто твердое, железное.

— Брось ствол, падло.

Я так и поступил.

— Медленно вставай и повернись так, чтобы я видел твои лапы.

Я медленно встал и повернулся.

Детина был выше меня на голову – ручищи, ножищи, бородища. Чудовищного размера кирзовые говнодавы и брезентовая плащ-палатка – в обтяжку. Тяжеленная одноствольная «тулка» теперь смотрела в землю. Она была лишней – этот детина ни хрена, надо понимать, в жизни не боялся, а кильками вроде меня он пиво закусывал. На голове его сидела неопределенного оттенка фуражка с неопределенной же кокардой. Егерь. Он же лесник. Охотник за браконьерами, хозяин здешних мест. Суровый и нелицеприятный...

— Рассказывай, — потребовал он сурово.

Объективно рассуждая, он был прав. Для стороннего наблюдателя ситуация выглядела крайне сомнительно. Небритый мужик с ружьем в лесной глуши обшаривает – или раздевает – раненую, судя по всему, женщину. Необходимо разоружить, потом допросить, далее по обстоятельствам. Безупречная логика. Только вот мне не хотелось быть отведенным куда следует, а то и – для пущей сохранности – быть оглушенным прикладом «тулки». Нужно было срочно переводить ситуацию в плоскость доверия, доброжелательности и взаимовыручки...

Я дружелюбно улыбнулся и развел руками:

— Я наткнулся на этого типа десять минут назад. В том же виде, что и сейчас. Документов у него нет. Я только хотел...

— А у тебя документы – есть?

Медленно, левой рукой я достал из-за пазухи всю пачку – паспорт, лицензию и разрешение на ружье, протянул их егерю. Паспорт он изучал до неприличия долго, зато потом проворчал враз смягчившимся голосом:

— Москвич, стало быть...

Видимо, то, что я оказался москвичом, сняло с меня большую часть подозрений: за семь верст киселя хлебать и т. д. Егерь тем временем осматривал лежащего. Кровь у того уже свернулась, дышал он ровно, но пока еще пребывал «по ту сторону действительности». Заглянул, как и я, под шубу, и выпрямился с несколько обалдевшим лицом. Оглянулся по сторонам – обалдение усилилось. Я счел нужным пояснить:

— Знаю не больше вашего. И вижу его первый раз в жизни...

— Слухай, что здесь вообще произошло? — кругообразно повел рукой егерь.

...Не знаю, как я не заметил этого сразу. Вероятно, сначала этого просто не было. Мы оба стояли возле лежащего, а вокруг нас, в радиусе метров примерно трех, могучая осока, еще недавно – готов в этом поклясться – свежая и сочная, претерпевала загадочную метаморфозу. Кончики жутких стреловидных листьев стремительно желтели и закручивались в кольца, будто обожженные тепловым ударом. Высоченный стебель борщевика окаИзался, по-видимому, на самой границе круга, и невидимый огонь прошелся точно посередине его. Дальняя от нас часть стебля невозмутимо покачивала

мясистыми бордовоИзелными лапами, а с внутренней стороны листья сморщились и побурели. На наших глазах один отвалился и с сухим шелеИ стом спланировал по ветру. Это было страшно. Это было необъяснимо. Этот полуобожженный куст не укладывался в сознании, он вызывал какойИ то противоестественный ужас. При том, что мы стоим в самом центре...

Должно быть, вид мой был жалок и нехорош, потому что лесник произИ нес быстро:

— Может, взорвалось у него чего, порох там или шашка сигнальная, как думаешь? Хотя нет, непохоже... Может, молния ударила?

— Это при ясномИтонебе? – выдавил я обморочным голосом. Будь на небе хоть одна тучка, я согласился бы на молнию.

— Бывают такие молнии, шаровые называются. Без грозы бывают. Летает где попало, потом как е.....

Добрый лесной житель явно хотел меня утешить, его басистая матерщиИ на была – островок реальности в свихнувшемся мире. И я согласился на шаровую молнию. Смеркалось все быстрее, и надо же было, наконец, кудаИ нибудь нести раненого... Егерь вручил мне свою «тулку», взял найденыша на руки и зашагал по просеке вправо, на закат. Я не стал спрашивать, куда, спросил только, как у него обстоит дело с транспортом. С транспортом дело обстояло хреново, но зато имелась радиосвязь с районом. В порванном болотнике отвратительно хлюпала вода, нога закоченела, ветер все сильнее завывал в верхушках сосен, и гдеИто в отдалении обреченно и тоскливо каркала недобитая мною ворона.

Бригада «Скорой» работала быстро и профессионально. Никаких ненужных вопросов они не задавали. Пока пожилая врачиха скупыми точИ ными взмахами обрабатывала и бинтовала ссадину на голове потерпевшеИ го, румяный и коренастый фельдшер успел вытащить и разложить носилки, всадил найденышу внутримышечно пару кубиков чегоИтозеленого и приИ ладил капельницу. Я помог установить носилки на направляющие, мы задвинули их в недра фургончика «до щелчка», медбрат нырнул следом. Здоровяк егерь в свете тусклых фар «Скорой» торопливо обсуждал чтоИтос врачихой. Ночь упала, как чернильная бомба, мрак клубился на расстоянии вытянутой руки, и даже ветер стих, заблудившись в соснах.

Потом меня окликнули по имени. Фельдшер снова открыл задние дверИ цы фургона и махал мне рукой – подойди, мол.

— Приятель твой очнулся, тебя требует...

Я опасливо покосился в сторону кабины – не слышат ли? Но там уже никого не было, зафыркал остывший мотор, фургон затрясся. Внутри было полутемно, видна была только обмотанная белым голова на каталке. Я на ощупь двинулся вперед, и тут же в мою руку впились ледяные пальцы лежаИ щего.

— Пожалуйста, это очень важно... завтра ровно в полдень... ты должен быть... прийти...

— К тебе в больницу? К полудню я вряд ли успею.

— Не обязательно... в больницу... можно на то место, где мы... где ты меня...

— Но зачем?!

— Очень нужно... придет человек, мой знакомый... все объяснит, расИ скажет... ровно в полдень... важно...

— Хорошо, приду, — пообещал я.

Он врал, это было очевидно. ЗачемИтоему было надо, чтобы завтра в двенадцать я оказался на той просеке, а зачем – недосуг было объяснить. Шофер наконец запустил двигатель, и найденыш крепче вцепился в мою руку. Едва ли он хотел мне плохого.

— Ты запомнил... пообещай... — еле слышно за ревом двигателя.

— Обещаю. Завтра в двенадцать, на том же месте. Приду.

Но тут в дверях возникло свирепое лицо водителя. Фельдшер нетерпеИ ливо хлопнул меня по спине, и я выпрыгнул из фургона. Оттуда до меня донеслось:

— Обязательно разыщи меня, слышишь?!

— Как тебя зватьИто?— крикнул я в темноту.

Двери захлопнулись. Фургон неуклюже запрыгал по ухабам. Последний раз мигнули на повороте заляпанные грязью красные габариты, и темень стала абсолютной. Стали слышны неопределенные звуки из темноты – похоже, егерь облегчался перед дорогой. Потом зашуршал гравий, послыИ шалось тяжелое дыхание, мелькнул огонек папиросы.

— Можешь заночевать у меня, — сказал егерьИлесник.

— Спасибо, но я лучше пойду, — сказал я. — Хозяйка волноваться будет.

Моя «хозяйка» — отставной механизатор совхоза Петрович – вряд ли стал бы волноваться. Не появись я больше вообще никогда, или приди в обнимку с трехглазым марсианином, прилети на крыльях – Петрович восИ принял бы это как должное. Он был человек решительно неназойливый, и этим в значительной степени определялась наша, вот уже шестилетняя, молчаливая мужская дружба. Сейчас он уже выпил и спит, и не будет задаИ вать вопросов. Как раз то, что нужно.

— Не заблудишь? – спросил егерьИлесник.

— Не должен, — ответил я.

— Тогда прощевай?

— И вам не болеть...

Я перепрыгнул кювет и, загребая сапогами, наискосок по влажной стерИ не пошел в нужную мне сторону. Выйду к реке, решил я, а там по берегу – мимо не пройду. Глаза уже привыкли к темноте, и я – наконецИто!– был нечеловечески спокоен. Сегодняшний лимит неожиданностей, надо пониИ мать, покрыт и перекрыт многократно. А хоть бы и нет – плевать. Этот день превратил меня в фаталиста. Я даже принялся насвистывать, и будь в небе молодой месяц, обязательно взглянул бы на него через левое плечо. Но месяца не было. Первые знобкие клочья тумана, не спеша, проползали низко над полем, заключая меня в нежные и маслянистые объятья.

Проснулся я поздно, в начале одиннадцатого. В избе стоял лютый холод, за окошком лило в три ручья, в отдалении рокотало и погромыхивало. Гроза в этих краях случается редко, тем более осенью, но уж если случилась – знаИ чит, коротенькое здешнее бабье лето окончено безвозвратно, жди завтра заморозков. В двери уже стучится суровая и долгая, в полгода, зима.

Петровича в доме не обнаружилось, и протопить с утра печь он, конечИ но, даже и не подумал. Пустой перевод дров, говорил он по этому поводу, все равно днем дома никого. Это была правда: уходил он, действительно, всегда рано, а возвращался поздно и уже «теплый». К сожалению, я в эту стройную схему не укладывался...

Вообще, Петрович жил жизнью здоровой и незатейливой, и любой руссоистИтеоретик, любитель единения с природой, мог бы ему позавидоИ вать. Весной Петрович сажал картошку и заводил поросенка. Летом изредИ ка, по уговору, починял разнообразную сельхозтехнику, а в свободное время ловил рыбу, жарил ее и ел. Осенью, как положено, подступала страда – выкапывалась картошка, кололся кабан, мясо обменивалось на первач из расчета: кило на два. Тогда же создавался скромный запас дровишек. Зато уж зимой Петрович отдыхал по полной программе. Он пил самогон и жарил картошку.

Я закутался в одеяло и, поминая черта, направился в сарай — приИ стройку. Во времена оны, поИвидимому, эта часть избы была жилой, чемИ то вроде летней веранды. Однако хозяина, по холостяцкому его положеИ нию, жилищные амбиции не заедали, и теперь здесь хранились дрова. Дрова, следуя все той же жизненной философии, запасались осиновые – целая рощица ее, засохшая на корню, начиналась сразу за околицей. Дерево осина, говорил Петрович с ухмылкой, не горит без керосина. ЧегоИнего, а керосина у него было – залейся, успел запастись в бытность свою совхозником. Канистры, бочонки, бутыли и банки громоздились до самого потолка, занимая добрую половину экс — веранды. Водился здесь и бензин, и солярка, и скипидар, а также все возможные вида масел и расИ творителей. Коллекция ГСМ. Надо понимать, для Петровича это было чемИто вроде хобби...

Я отворил дверь и шагнул в кромешную тьму.

— Иииии... — хриплым стоном поприветствовала меня тьма.

С перепугу я споткнулся о какуюИторжавую хрень и, продолжая помиИ нать черта, зашарил по стене в поисках выключателя. Наконец, под потолИ ком вспыхнула лампочкаИороковатка, противно зазудев спиралью – очеИ видно, доживала последние часы. Перегорит – новую у Петровича не сыщешь. Я торопливо огляделся.

Между штабелями дров и горючего с трудом помещалось аскетическое лежбище поросенка. Собственно, была это просто ямка, вытоптанная в земляном полу и заполненная промасленной ветошью. Иногда горемыка поросенок укрывался здесь от непогоды. Оказался он здесь и сейчас – скрюченный калачиком, жалкий, с посиневшим пятачком. Он с трудом мотнул в мою сторону рыльцем, и горькое отчаяние в его глазах резануло меня по сердцу.

— Здравствуй, здравствуй, Кабан, — пробормотал я, набирая охапку поленьев. – Озяб? Погоди, сейчас корок принесу...

Этот подсвинок, величиной с крупную собаку, ничем не отличался от пятерых своих предшественников, виденных мною. Все они были на одно лицо – сухопарые и жилистые, тертые жизнью, видавшие виды зверюги. Их даже звали одинаково. Помню, проникшись симпатией к одному поросенИ

ку, я осведомился у хозяина о его кличке. Петрович удивился и тяжело задумался, а много спустя проворчал:

— Зовут как? Обыкновенно, кабан...

Все Кабаны существовали на вольном выпасе и подножном корму. По рассказам, первый из них «от любви к свободе» прорыл себе под стеною лаз и вволю наелся свеклы на чьемИтогороде, а затем прежним путем вернулИ ся домой ночевать. На том и поладили. Последователи Первого быстро осваивали подземный ход и регулярно совершали набеги на соседей, а то и на колхозные поля. Случалось, изворотливых Петровичевых «хищников» бивали кольями, шпарили кипятком и даже ловили в ямы, но они выходиИ ли сухими из любых переделок. Эти свиньи умели даже ловить мышей!

И все же то была жизнь на грани фола. Иногда в поисках хоть какогоИ нибудь харча поросята копались в «заправочном цеху» и опрокидывали на себя целые бочки горючего. Воздух в сарае был – гремучая смесь, керосин пропитал деревянные стены насквозь, и разлитое масло стояло лужами, не впитываясь уже в перенасыщенную землю. Даже Петрович, и даже будучи в полсвиста, никогда не дерзал заходить в сарай с непотушенной папиросой...

Одного я не понимал: что заставляет этих гордых животных возвращатьИ ся к своим суровым пенатам, к неизбежному осеннему ножу? На мой взгляд, гордая жизнь в лесу, даже гордая смерть от волчьих зубов были бы предпочтительней. Петрович говорил: привязываются они ко мне... Еще говорил, что от керосиновых ванн мясо делается лучше, ему, дескать, хваИ лили – вялится, дескать, хорошо.

Насыпав Кабану корок, я выслушал невнятные благодарности, захватил канистру и вернулся к печи. Дверь в сарай закрывать не стал: не знаю насчет керосина, но пневмония вкус свинины явно не улучшает. Пусть Кабану оставалось жить считанные дни – будем, все же, человечны.

Облитые керосином дровишки весело затрещали, сразу повеяло благоИ датным теплом, зафыркал на конфорке облезлый чайник... Напившись горячего и немного придя в себя, посмотрел на часы – была половина двеИ надцатого. Я уже опаздывал. Было пора выходить, но выходить было до смерти неохота. Дождь лил так, будто трубу прорвало, за окном сверкало, гром грохотал над самой крышей. Пощупал свой бушлат – влажный, холодИ ный, пудовый от впитавшейся сырости. Сапоги как были дырявые, так и остались. Черти бы взяли тебя, незнакомец, с твоими такимиИ такими просьбами...

Я был практически уверен, что на просеке меня никто не ждет. Если и не бред это был, если и собирался ктоИтоприйти – так, поди, дома остался, не будь дурак. В тепле сидит, кофе с вареньем кушает, не в пример мне, дураИ ку... Ладно, черт с ними со всеми. Коршуна подберу, обреченно думал я, вываливаясь под ледяной водопад. Осмотрю еще раз место происшествия... Хотя – что я там рассчитываю найти нового? Сумасшедший в бабьем наряИ де, точки отсчета, шаровые молнии – бред, чушь, дичь! Уже мокрый до нитки. И уже опоздал – на полчаса, не меньше. Вернуться, что ли, пока недалеко...

И тут за спиной рвануло.

Я крутанулся на каблуках, в грудь сильно толкнуло воздухом. Падая,

успел заметить, как над избушкой диковинной птицей взмыла оторванная целиком крыша, брызнули стекла, в окна вырвались острые и бешеные языки пламени. И тут же неспешно летящую крышу пробила насквозь разорванная канистра, кошмарным железным цветком закружившись в жарком мареве над полыхающим срубом.

Я бросился назад.

Массивную дверь избы вырвало вместе с косяками, обломки валялись шагах в десяти. Я сунулся с сени и сразу попятился обратно, прикрывая от нестерпимого жара глаза. Внутри с ревом крутился тугой огненный смерч – спасать было некого и нечего. Ружье стояло в сенях. Я схватил его и вылетел на воздух, отбежал шагов на двадцать, только теперь сообразив, что еще, пожалуй, взорвалось не все. Внезапно откудаИтосбоку с ультразвуковым визгом вырвалось охваченное огнем тело, пробило навылет ветхий плетень, устремилось к реке, рассыпая по пути искры. Я не сразу понял, что это – поросенок Кабан, неведомо как не погибший при взрыве. Обожженный, ослепший, он инстинктивно бежал к воде, пытаясь спастись...

Запищали часы у меня на руке. Я машинально взглянул – ровно полИ день. Ровно в полдень, на просеке... «Happy birghday to you», наигрывали часики стандартную мелодию. А ведь если бы не мой найденыш, черта лысого я бы вышел сегодня из дома. И был бы сейчас ТАМ, в тепле, кофе с вареньем...

«С днем рожденья теИбя», пели часики.

Петрович встретил весть о своем разорении спокойно и с достоинством. Получилось так, что не я успокаивал его, а наоборот. КартошкаИтоостаИ лась? Осталась. Кабана поймали? Поймали и закололи сразу, ну обгорела шкура, так на мясо не влияет... Неделей раньше, неделей позже, все не жилец был. Дом? В деревне их, брошенных, боле чем жилых, займу любой, не журись. А керосин с бензином – так ну их к бесу совсем, без них спокойИ нее. Что еще? Ну, ватник с валенками, да ложка с плошкой, самодельные удочки? Разберемся. Чай, среди людей живем, не в лесу...

Кончилось тем, что я, растроганный, подарил ему свой «браунинг» — эта вещь, я знал, привлекала его давно и чрезвычайно. Петрович расчувИ ствовался также, и велел приезжать на следующий год обязательно – невзиИ рая и все такое. Обустройство, сборы и проводы заняли еще два дня, и в райцентр я добрался лишь на четвертый день вечером.

Для районной больница выглядела вполне прилично: добротная трехИ этажка красного кирпича, недавно мытые окна, чистенький дворик с клумбой. Но уже в вестибюле было темно и пустынно, пахло мышами и несвежими халатами. Складывалось впечатление, что последний пациент этой богадельни пал жертвой врачебной ошибки довольно давно. При ближайшем рассмотрении удалось обнаружить мирно посвистывающую в уголке старушку вахтершу, уже слегка подернутую паутиной. Бабушку пришлось растолкать. Пробормотав мне в ответ чтоИто наподобие «поздно пришохррр», она мягко уронила голову в раскрытый журнал регистрации посетителей. Маркиза отравлена, беззвучно вскричал я и направился к лестнице.

Ни в регистратуре, ни на всем втором этаже я не встретил себе подобИ ных – ни живых, ни усопших. Начиная отчаиваться, поднялся на третий этаж – и тут, наконец, приметил двух старичков. Старички степенно бесеИ довали на диванчике под пальмой. Один многозначительно тыкал пальцем в свою загипсованную ногу и объяснял чтоИтосвоему визави. Тот сочувИ ственно кивал. Я напряг слух и уловил:

— При попытке сесть на судно!

Удивительно, какая ерунда может прийти в голову вечером, в пустынной больнице районного значения. Мне, например, представилась картинка вполне детективная: старик, бесшумно миновав запретную полосу, проник на территорию порта и ловко карабкается по якорной цепи на борт вражеИ ского эсминца. И в тот момент, когда руки разведчика уже уцепились за планширь, в темноте раздается хлопок одиночного выстрела, пуля снайпеИ ра впивается в щиколотку... И бедный старикан молча разжимает руки и падает в студеную, маслянисто отсвечивающую воду. Всплеск – и тишина...

Беспокоить ветерана я не рискнул. Стараясь ступать по возможности бесшумно, завернул за угол, в совсем уже темный коридор, и немедленно вступил ногой в судно. Судно оказалось заполнено не под завязку, но все же всплеск получился довольно громким. Шепотом чертыхаясь и хлюпая ботинком, я дошел до конца коридора и уперся в стеклянную дверь.

За дверью пели. На два голоса. Контральто томно выводило: «Сняла решительно трусы с бюстгальтером...», хрустальный девичий голосок довольно удачно потягивал. На стекле было написано «Лаборатория». НуИну, подумал я и решительно постучался.

Контральто осеклось. Простучали по паркету каблучки, чтоИтоскрипнуИ ло, звякнуло стекло. А к двери затопали тяжелые, раздраженные, неженИ ские шаги – очевидно, я пришел некстати.

Дверь распахнулась, и в проем выдвинулась огромная медсестра – возИ можно, родственница моего давешнего знакомца, егеря. Габариты, во всяИ ком случае, были те же. Сестричка глянула на меня сверху вниз и с ласкоИ вой иронией хрипло осведомилась:

— Чего притащился, недужный?

— У вас замечательный голос, а я вполне «дужный». Я здесь по делу. Разрешите войти, девочки? — с достоинством ответил я и умудрился проИ сочиться в зазор между сестрой и косяком, не потревожив ее бюста.

В лаборатории было чистенько и даже уютно, только слегка шибало анализами. Вторая солистка, худенькая, рыженькая, похожая на лисичку, сидела за приборным столиком. Она делала вид, что страшно заинтересоИ вана переливанием из пробирки в мензурку мутной желтой жидкости. Судя по небрежной легкости, с которой она опорожняла сосуды, она просто разИ влекалась. Или, скажем, составляла коктейль.

На смотровом щитке микроскопа высилась толстая бутыль с притертой пробкой и ярлыком «Гидроперит». К ней прислонилась домашнего вида банка с компотом и две вместительные мензурки. Краешек у одной был запачкан губной помадой. Кажется, я всеИтаки успел вовремя.

— Что пьемИ? — осведомился я сурово. — Впрочем, и так вижу – переИ кись водорода... Надо понимать, пополам с компотом?

СестричкиИтвички испуганно уставились на меня. Похоже, меня сочли за инспектирующее начальство. Лисичка робко спросила:

— А вы, простите, кто будете?

— ПервоИнаперво я буду третьим,— разрядил я обстановку, — а там, гляИдишь, и поговорим не без пользы...

Не слова не говоря, Лисичка взяла очередную мензурку с бурой жидкоИстью и выплеснула содержимое в раковину. Ополоснула под струей, налила пальца на четыре «гидроперита», разбавила компотом...

Я запротестовал:

— Вы бы мне еще в утку налили!

Рыженькая обиженно перебила меня:

— Ну что вы, это же марганцовка была... Старая. У нас стерильно, не беспокойтесь...

— Скажите тост, — попросила Большая сестра.

Я признался, что желаю осушить сей благородный сосуд за прекрасных дам, здесь присутствующих.

— Польщены. Спасибо. Ахнем, — поблагодарила Большая.

Я ахнул. Потом я охнул. Потом едва не треснул. Впечатление было такое, будто я проглотил бешеную морскую свинку. Я ее, стало быть, проглотил, а она озверела и вцепилась в мои гланды. Сердобольная Лисичка – истинно медицинская душа – заметив мои муки, зачерпнула пробиркой неразбавИленного компота и подала

— Ну, рассказывайте, с чем пожаловали, — вполне официально спросиИла Большая.

— Понимаете, я ищу своего знакомого,— отдышавшись, сказал я смиИренно. — Он поступил несколько дней назад...

Я описал найденыша. Девушки переглянулись, Большая буркнула «этот кретин...» и утратила интерес к беседе. Рыженькая спросила, как меня зовут, кивнула согласно и ответила:

— Ну, правильно, был такой. Хворый весь, бредил все время. И вас все спрашивал. Он вам кем доводится?

— Никем. Я просто его нашел, без сознания. Где он?

Лисичка смутилась.

— Понимаете, он... он сбежал. Ушел.

— Куда?! – поразился я.

— В бреду, наверное. Ночью. В одной пижаме... Не в ту ночь, как его привезли, а на следующую...

— И одеяло свое поджег! – возмущенно вмешалась Большая. – Нянечка бокс отперла – ни зги не видать, дым валит! Ну, побежала за мной, разбудиИла, я – бегом сюда, окно открыла коеИкак стали заливать... ПолИодеяла истлело, подушка тоже занялась, она ж пером набита, вонь невозможная! Наверное, сам все и подстроил, чтобы сбежать... Придурок!

— И его никто не видел? Дежурный по этажу..?

— Одна нянечка у нас по ночам работает! На всю больницу. СтаИренькая, — внушительно сказала мне Большая.

Повисла неловкая пауза. Я разглядывал носки своих ботинок (левый – в подозрительных мокрых пятнах), большая сестра угрюмо смешивала себе

солидную порцию «зверобоя». Рыженькая поиграла со своими мензурками, потом сказала «Вспомнила!» и выскочила в процедурную. Опять там зазвяИ кало стекло, заскрипела мебель, слышались обрывки фраз:

— ...писал чтоИто... карандаш просил... наверное, вам... не разобрать ничего... черт, куда я ее? Ага, вот она!

Лисичка вернулась и вручила мне сложенный вчетверо бланк темпераИ турного графика. Я развернул. Каракули, строчек восемьИдесять. Потом. Сунул в карман и спросил:

— Девушки, его же какИтоискать надо?

— Уже ищут, — откликнулась Большая. – Заявление главврач подал, приходили, осматривали. Исподники его забрали, собаке нюхать. Только она дальше палаты не унюхала ничего. Тут тебе и гарь, и карболка – дохлый номер, прямо сказать. А этот оклемался, поди, на свежемИто возИ духе, дом свой вспомнил и ускакал, теперь сидит и носа не кажет. Два дня минуло – ищи, кому досуг есть. Эх, хоть бы баба ему за шмотки шею накостыляла!

— Возможно, возможно, — промямлил я и встал. Делать здесь больше было нечего. – Ну что же, спасибо вам большое... Вот мой адресок, если что известно станет – черканите пару строк... Будем прощаться?

— А как вы думаете, — вдруг застенчиво спросила Лисичка, искательно поглядывая на меня, — вещи эти женские, что на нем... Они тут остались. Если хозяин не найдется, можем мы... Как вы считаете?

— Можете, наверное, — отозвался я растерянно, — почему бы нет? Шубка симпатичная, вам будет к лицу... А вам, наверное обувь подойдет. Я, во всяком случае, не претендую...

Тут я коеИчтовспомнил.

— А скажите, у него сережка такая была, с лампочками, она случайно здесь не осталась?

— Осталась, — охотно подтвердила рыженькая. – Она бинтовать мешаИ ла, ну и сняли. Возьмите, если хотите.

Она достала из ящика стола знакомую сережку и протянула мне. Красный огонек поИпрежнему мигал.

— Возьму, — согласился я, — на память. Забавная вещица, правда?

— Забавная. Только проку от нее чуть, — проворчала практичная Большая, — второйИтовсе равно нету...

— А второй и не должно быть. Это такая новомодная штука, персональИ ная цветомузыка. В одном экземпляре.

Шутка моя вышла нехороша. Лица девушек аж вытянулись от досады. И ничего не осталось мне, кроме как ретироваться по быстрому. СтарикиИ разведчики исчезли кудаИто,убрела досыпать старушкаИвахтерша, и лишь нежные девичьи голоса наверху чуть слышно выводили щемящее «...казатьИ ся гордою не стало сил...»

Через сутки я был в Москве.

А над запиской просидел целый месяц.

Признаюсь, я немногого добился. На обороте графика, размашистым торопливым почерком без наклона написаны были вперемешку слова и цифры, и незнакомые символы. Бумага – паршивая, писано явно «на колеИ

не», да и писавший, я знаю, был далеко не в порядке... И все же коеИчто разобрать удалось.

ВоИпервых, обращение. Как не крути, а значится в нем «дорогой преИ док». За это я готов поручиться.

Далее по тексту поддались расшифровке следующие куски:

«...вычислена (неразборчиво) точка (неразборчиво) Кольца...»

«...остался жить... Кольцо замыкается (замкнется?)...»

«...однослойный экран (неразборчиво) недостаточно... больно...»

«...уИИИдуйду? улечу? ускачу?)... локальных часа... не успею...»

В последней строчке удалось разобрать слово «временный». А может, «встретимся»? Хотелось бы... И еще – подпись, но разобрать ее не предИ ставляется возможным. Три вертикальных черточки – «Ш», «Т», «М»?

Больше – ничего.

Впрочем, есть еще сережка. Она поИпрежнему лежит у меня на столе. И поИпрежнему мигает на ней красная лампочка, а прозрачная – молчит. Я к ней уже привык.

Но когдаИнибудь соберусь с духом и поковыряюсь в ней!

Этой истории уже больше пятидесяти лет. Много воды утекло с тех пор. И я уже пожилой человек, дед, а мир вокруг переменился так неузнаваемо, что иногда осознаешь с грустью – он уже не твой, и постичь его ты не успеИ ешь, как не старайся. О чем говорить, если даже ручка, которой я пишу эти строки, не является ручкой в моем понимании, у нее иной принцип дейИ ствия. Это такой прибор. Я не жалуюсь, но...

У меня есть любимая взрослая (слишком взрослая...) дочь, которую я вижу, увы, слишком редко. Она талантливый агроном, специалист по гидропонике, она умеет вырастить отличные растения в любых условиях. Ее работа очень важна, и если и выпадает свободный денек, приехать навеИ стить меня она не успевает. Потому что работает она – на Луне.

Еще у меня есть любимый внук по прозвищу Кукушонок. К счастью, его я вижу почти каждый день, он любит покушать, и мне доставляет огромное удовольствие за этим следить. Но и он уже взрослый, и слушает дедушкины байки все более снисходительно. Еще бы! Он уже аспирант, работает под руководством ученого с мировым именем, в институте его ценят и возлагаИ ют серьезные надежды. Занимаются они, если мне не изменяет память, релятивистской физикой. Вникать я давно уже не пытаюсь. Был бы сыт и здоров, с меня довольно...

Так что я, скорее всего, никогда не вспомнил бы это маленькое приклюИ чение, если бы не одно маленькое «но».

Вчера внук с легким недоумением рассказал мне забавный случай. Предмет их нынешнего научного азарта – некий проект под названием «Аккумулятор Т». Кукушонок, любезно делая скидку на дедову техничеИ скую отсталость, растолковал мне суть в самых простых словах. Оказывается, это будет устройство, способное аккумулировать энергию «хода времени» в некотором ограниченном объеме пространства. Теоретически предмет, помещенный в это «пространство ослабленного времени», станет двигатьИ ся в будущее медленней, чем весь остальной мир. Иначе говоря, он соскользнет в прошлое. Практической ценности данный проект не имеет –

стабилизировать процесс накопления и выброса энергии пока не представИ ляется возможным. Устройств контроля не существует пока даже на бумаге. Да и речь идет, если верить выкладкам, о долях секунды...

Правду говоря, и самыйИто прибор еще только начал строиться. Протянули целую паутину проводов, в которых запутываются, в основном, молодые сотрудницы, изводят уйму тонизирующих напитков и непрерывИ но ругаются с начальством по поводу поломок ценного оборудования, перерасхода того да сего... Осталось – начать да кончить.

И вот приходят они, стало быть, вчера на работу и видят: на новехоньИ ком лабораторном столике – обгорелое пятно, а посередке лежит белая мышь. Мышь реанимации не подлежала – у нее даже хвост обуглился, а вместе с ним и пластиковое покрытие вокруг. Столик безнадежно испорИ чен. Смотрят они на натюрморт, затылки чешут, и тут входит замдиректора по АХЧ...

Ну, мышку они успели в корзину скинуть, а за столик получили грандиИ озный втык – начальство решило, что сие есть след от горячей сковородки, каковой поступок сродни преступной халатности, и т. д., и т. п. И сколько же раз оно, начальство, должно предупреждать, что в лаборатории положеИ но работать, а есть принято в столовой? Ах, вы не ели? Ну, это мы сейчас посмотрим!

Завхоз с каменным лицом расстилает на полу газету. Научная общеИ ственность с каменными лицами наблюдает. Корзину переворачивают, но обнаруживают лишь вполне добропорядочные обрывки проводов, бракоИ ванные микросхемы и прочий технический мусор. Остатков пищи нет. Мышки нет тоже.

В общем, замдиректора с ворчанием удалился, ни в чем, впрочем, не разубежденный. А ребята весь день вместо прямых обязанностей занимаИ лись мозговым штурмом. Два вопроса стояло на повестке: а) кто так плоско пошутил? б) куда делась «котлетка поИкиевски»? ДумалиИдумали, ничего умного не придумали...

— Послушай, Кукушонок, — сказал я, — а может, это след ваших грядуИ щих экспериментов? Наглядное, так сказать, подтверждение? Закинете вы, допустим, мышь в прошлое, она полежитИполежит, да и обратно вернется?

Внук призадумался. Потом рассмеялся и похвалил старика за небанальИ ный образ мыслей. Сказал, что «версия заслуживает рассмотрения». Обещал завтра подкинуть идею коллегам, и обязательно – с упоминанием автора. Он у меня хороший мальчик.

Вот только яИтошутить и не думал. Кольнуло меня, и всплыло в памяти, как будто вчера было – и осока обожженная, и странная записка, и все остальное. Точка отсчета, говоришь? Кольцо замыкается? Ну что же, очень может быть.

Теперь я точно знаю, кому отдать мою сережку. Ведь она так и лежит у меня в столе. И все мигает, мигает... Отдам ребятам, пусть покопаются. Они башковитые, глядишь, чего и сообразят.

А эту историю решил я оформить, скажем так, документально. В назиИ дание, в подтверждение, а также во избежание. Авось, пригодится кому. Может, этому... потомку в валенках. Глядишь, прочитает он, на ус намотает,

да и возьмет себе экран покрепче. Не однослойный, а, допустим, двойной. И глядишь, появится он на той просеке без приключений, в здравом уме и твердой памяти.

И тогда сядем мы с ним и обстоятельно обо всем покалякаем. Петровича пригласим. И дом, глядишь, останется цел. И Кабан не пострадает...

Полвека назад?!? Ну и что? Версия заслуживает рассмотрения!

Ведь, как известно, у Кольца – ни начала, ни конца...

Об авторе

Родился в 1970 году в Москве. Окончил журфак Международного Московского Университета. По окончании – спецкор «Российской Газеты» (псевдоним Михаил Осин). Публиковался в журнале «Крокодиле» (Гавриил Летин), газетах «Московский комсомоГ лец», «Известия», «Труд» и пр. (Самуил Зимин, Даниил Веснин, Рафаил Сезонный и пр.). Опубликованы рассказы в сборниках «Литературные знакомства», «Альманах конГ ткрультуры», «Антология альтернативной литературы». Также регулярно публикуется в Интернете.

Павел Михненко

Эксклюзивный контакт

Спешка нужна при ловле блох... Кажется у этой поговорки есть вторая часть. Не помню. Но как же порой хочется побыстрее закончить работу. Особенно, когда ее результат уже практически ясен, и остались какие-то нудные формальности. Отчет подходил к концу. Руки чесались, доложить руководству основные выводы, поэтому пальцы бегали по клавишам с удвоенной скоростью.

Почти два года кропотливой, ежедневной, ежечасной работы. И это не преувеличение. Уж если я чем-то увлекаюсь, то делаю дело, как говорится, не за страх, а за совесть. Точнее — за удовольствие. Тема попалась не просто интересная, — захватывающая. Я мечтал о ней с выпускного курса. Да и как не мечтать о таком задании, не каждому ведь выпадает в жизни...

Хотя, ладно! Лучше все по порядку.

* * *

Мы сидели на кухне у Кирилла за крошечным, почти игрушечным столиком. Четыре бутылки пива и блюдце с подсохшей ветчиной занимали не меньше двух третей его лакированной площади. Столик был подстать самой кухне: видимо, из расчета на ее неестественно малые размеры он и приобретался.

Кирилл по долгу радушного хозяина примостился на подоконнике, то и дело поглядывая вниз с пятого этажа. Несмотря на распахнутое настежь окно, на кухне можно было вешать топор. Мне как некурящему (во всяком случае, активно не курящему) приходилось хуже всех. Радовало только пиво: оно было холодным, с призывными капельками росы на темном стекле.

Венька Мухин, коротко стриженый очкарик, сидел на колченогом табурете, по привычке согнувшись в три погибели, и грустными глазами наблюдал за театральными жестами Владика. Владик хотя и не артист, но словом, телом и лицом владеет безукоризненно, поэтому, когда он говорит, его все слушают, затаив дыхание. Правда, говорит он чаще всего какую-нибудь ерунду, облачая ее в форму философского эссе или, как минимум, научного доклада. И откуда у него это?

На этот раз Владик рассуждал на тему «Есть ли жизнь на Марсе». Ну не на Марсе, как таковом, а за пределами старушки-Земли вообще. Боже мой! И это в начале двадцать первого века, в России. Мало того — в Москве! Когда нормальный среднестатистический москвич говорит о бизнесе, о новой модели Мерседеса, о курсе доллара по отношению к евро, о женщинах, наконец! Но, чтобы об инопланетянах... Для этого надо либо до дури

обсмотреться фантастики, желательно со звуком 5.1, либо обпиться пива. А лучше и то, и другое вместе. Не знаю, как у него с пристрастием к фильмам, но его пижонская «ноль тридцать три» бутылочка буржуйского эля никак не подтверждала второе условие. Просто он был таким человеком, не от мира сего... Хотя, кто из нас от мира сего? Сложный вопрос.

— Не надо ходить далеко! — убеждал нас Владик, постукивая по столу донышком бутылки в такт своим словам. — Взять хотя бы обратную сторону Луны. Это же просто идеальный полигон, там можно спрятать целый флот!..

— На Луне были люди, — невпопад промямлил Венька.

— Какие еще люди? — опешил Владик.

— Американские, — упавшим голосом ответил Венька, очевидно, пожаИ лев, что прервал интересную лекцию.

— Да при чем тут люди! — взорвался Владик после секундного замешаИ тельства. Крошечный пузырь оторвался от горлышка его бутылки и напраИ вился в автономный полет. — Я вам о чем говорю? Я говорю о том, что инопланетяне могут находиться у нас под носом, а мы...

— Светка! — довольно цокнул языком Кирилл, выглядывая из окна.

— Какая еще Светка? — грациозно отмахнулся от него Владик. — Я с вами как с умными людьми поговорить хочу, а вы...

— Ну, уж извини, — захохотал Кирилл. — С нами как с умными разговаИ ривать сложно.

Венька закрыл глаза рукой и затрясся в беззвучном смехе.

— Дураки вы все! — отрезал Владик и, приподнявшись, спросил, — Че за СветкаИто?

— Никифорова из второго подъезда. Классная герла. Только она тебе не подходит.

— Это еще почему? — обиженно скривил губы Владик.

— А она не инопланетянка, — давясь смехом, прохрипел Кирилл.

— Да пошли вы, — безнадежно махнул рукой Владик, но, не выдержав роли Джордано Бруно, захохотал вместе со всеми.

Мы приподнялись с табуреток, проводили взглядами «классную гирлу» и синхронно отхлебнули из своих бутылок.

— ДаИа...— выразил общее одобрение Венька.

Владик неспешно повернулся ко мне и спросил, не забыв для пущей важности описать ладонью многозначительную дугу: — А что думает на этот счет наукаИоциология?

— На счет Светки? — пожал я плечами. — НаукаИоциология согласна с общим мнением.

Не могу сказать точно, пошутил я в тот момент или действительно подуИ мал о Светлане, но получилось смешно. Мы были с ней знакомы (мои друзья об этом, кажется, не знали), не слишком близко знакомы, ничего такого... Просто пару раз сходили на вечеринку и какИтовместе отдыхали на даче у общих друзей. Она мне нравилась. Возможно, я бы не отказался и от развития отношений, но какИтотак получалось, что мы оба держали друг друга на дистанции. Не знаю, может быть, еще не пришло время. Хотя, причем тут время? Я же прекрасно понимал, что ничего серьезного у нас с ней никогда не получится. Не должно получиться. Как бы мне этого ни хотелось.

— Далась вам эта Светка! — снова возмутился Владик. — Я про контакт с инопланетянами.

— Дались тебе эти инопланетяне! — в тон ему воскликнул Кирилл.

— Особенно в сравнении со Светкой, — пробубнил из своего угла Венька. — Может тебе к врачу надо?

— Сейчас тебе к врачу надо будет, — беззлобно огрызнулся Владик и снова вопросительно посмотрел на меня.

Я пожал плечами:

— А, что тебя, собственно, интересует?

— Как это, что собственно? Да все! Факты говорят о том, что они давИ нымИдавно исследуют нас. Скорее всего, правительства разных стран скрыИ вают от нас много такого, что...

— Что? — перебил его я.

Владик изобразил на лице такую гамму чувств, что я даже не понял, чем он больше обеспокоен: проблемой утаивания сенсационных фактов о деяИ тельности пришельцев на Земле или моей безнадежной глупостью.

— Как, что? Ты представь себе, какой колоссальный вклад в развитие нашей цивилизации могли бы внести пришельцы с других планет! Я расИ суждаю просто: если люди... ну или как их там... в общем, если они смогли долететь до Земли на своих...

— Тарелках, — ехидно подсказал Кирилл, доставая из холодильника очередную партию пива.

— ...кораблях, — не обращая на него внимания, продолжал Владик, — то это означает, что и все остальные технологии у них развиты, будь здоров как! Это я тебе как физик говорю.

Я деликатно покивал головой и незаметно погрозил кулаком Веньке, который, как мне показалось, собирался съязвить о том, что «физик» три года назад был отчислен с первого курса института за академическую неуИ спеваемость и теперь работает продавцом мобильных телефонов.

— В принципе, совсем не обязательно, — сказал я, убедившись, что Венька с сожалением проглотил не родившуюся подколку. — Технологии могут развиваться неравномерно, тому может быть масса причин. Да и не в одних технологиях дело. Вот ты говоришь «вклад в развитие нашей цивилиИ зации», а ты не задавал себе вопрос, зачем им это надо.

— Задавал! — неожиданно быстро согласился Владик, отодвигая предИ ложенную ему бутылку. Его пижонское пиво кончилось, а опускаться до нашего «пойла» ему не позволяло самоуважение. — Задавал. Но, поразмысИ лив, пришел к выводу, что они могут преследовать только две цели: либо вторжение, либо сотрудничество. Все!

Кирилл поморщился:

— Как все плоско! Как в дешевом фантастическом боевике с неизвестИ ным актером в главной роли. ЛибоИлибо... А чисто научный интерес, например?

— Ерунда! — отрезал Владик, очевидно, не считая нужным пояснять свой вывод. — Так вот, если отбросить вторжение, то остается только взаиИ мовыгодное сотрудничество.

— Железная логика! — одновременно воскликнули мы с Кириллом.

— Конечно! — снова не уловив сарказма, гордо вскинул голову «физик».

— Ну хорошо, и что дальше? — спросил я.

— Куда дальше? — мучительно развел руками Владик. — Вот оно! Настоящее развитие, прогресс! Представляешь, как это может изменить нашу жизнь? Да, что я вам рассказываю, это же элементарные вещи.

— Лично я не уверен, что именно новые технологии, да к тому же полуИ ченные, так сказать, на халяву, способны изменить мир в лучшую сторону, — сказал я, немного смущаясь оттого, что втянулся в такой наивный разговор.

— Антон прав, — поддержал меня Кирилл. — Мы друг с другомИто общаться толком не умеем, а все туда же... Инопланетян нам подавай! Двадцать первый век на дворе, а страны как воевали между собой в среднеИ вековье, так и сейчас воюют, то там, то тут. Только народу убивают в больИ шем количестве.

Мы помолчали.

— А я согласен с Владом, — неожиданно подал голос Венька. — Именно прогресс и изменение жизни на Земле! Ведь здорово, правда?

Я снисходительно посмотрел на него и ничего не ответил.

* * *

Сорок пять мегабайт! Неплохой отчет получился. Пора выходить на связь...

Я тщательно задернул тяжелые шторы, выключил верхний свет, оставив только торшер. Маленький, встроенный в стену сейф — визитная карточка современного представителя «чуть ниже среднего класса» — лениво помиИ гивал зеленым огоньком. Его клавишная панель и хромированный наборИ ный диск играли роль отвлекающих безделушек. Для несанкционированИ ного вскрытия моей «шкатулочки» потребовался бы стахановский труд целого батальона московских медвежатников, оснащенных тяжелой строиИ тельной техникой. А спрятанный там же в стене блок автономного питания обеспечил бы нормальную работу сейфа и его содержимого в течении, как минимум, пятидесяти лет. Это на случай московского «конца света».

Я подошел вплотную к дверце сейфа и включил биометрический сканер. Для идентификации двадцати трех параметров моего организма ему понаИ добилось целых десять секунд, что поделаешь — старая модель.

Положив пластину коммуникатора на ковер, я сел в кресло и начал ждать. Вызов шел долго, очень долго. А может быть, я просто сильно волИ новался? Нет, действительно долго...

Фигура куратора проявилась через дрожащее зеленое свечение — канал с высшей степенью защиты. Вот почему так долго устанавливалась связь, значит, и общение будет идти с перерывами. В чем дело?

Куратор сидел в своем рабочем кресле, как всегда, слегка пригнувшись на правый бок. Даже сквозь марево голограммы было видно, что он чемИто озабочен. Самым неприятным было то, что он старался это скрыть от меня.

— Доброго вам дня, Куратор, — поприветствовал я его на родном языке.

— Здравствуй, Ким, рад тебя видеть, — ответил старик. В его голосе

слышались печальные нотки. — Ты вышел на связь раньше установленного срока...

— Да, учитель, дело в том, что я закончил работу. Отчет готов!

— Я рад за тебя, Ким, — после секундного раздумья сказал Куратор. Эта пауза окончательно убедила меня в том, что разговор будет не таким радостным, каким я представлял его в последние дни. Отчет готов. Готов даже чуть раньше установленного срока. В чем же дело? Возможно, Куратор засомневался в его качестве? Вряд ли, ведь все промежуточные отчеты получили максимальные баллы. У меня зародились нехорошие предчувствия.

Несмотря на то, что в течение вот уже двух земных лет я находился вдалеке от своей планеты, я, конечно же, продолжал следить за всем происходящим на родине. Ситуация вокруг исследований Земли по-прежнему оставалась сложной и запутанной. Араканцы всеми правдами и неправдами старались подмять под себя общественное мнение. Неужели дело именно в этом?

— Я готов отправить вам отчет, — сказал я. — Надеюсь, что совет одобрит его, и мы получим право первенства...

— Сынок, — еле слышно прервал меня Куратор. Так он обращался ко мне всего лишь раз. Полтора года назад, когда я был на грани провала и мне, как минимум, грозил экстренный отзыв домой, а как максимум... стеклянный колпак лаборатории землян. Хотя сегодня второй вариант казался мне неправдоподобным. — Сынок, мы обязательно изучим твой отчет. Ты проделал колоссальную работу, в строгом соответствии с научными и моральными принципами нашей страны. Я уверен, что собранные тобой данные могли бы позволить нам в самые короткие сроки разработать программу контакта...

«Могли бы...». По спине пробежал противный холодок. Я почтительно кивнул, благодаря Куратора за оценку моего труда.

— Но с момента нашего последнего сеанса на Трее произошли некоторые события, — продолжал Куратор.

— Что случилось?! — не выдержал я, нарушив этикет.

Куратор приподнял руку в успокаивающем жесте.

— Араканцам удалось добиться решения международного совета...

— Решения совета?! — я подскочил в кресле, но тут же, взяв себя в руки, быстро сказал: — Прошу прощения учитель, но этого же не может быть!

— Не горячись, Ким, — тихо сказал Куратор, глядя мне прямо в глаза через зеленоватую пелену. — Совет называет это решение компромиссным и взаимовыгодным, оставляющим нам шанс. Но ты же понимаешь, что главным аргументом араканцев остается портал.

Я закрыл глаза. Портал...

В этот момент мне на память пришли слова Кирилла: «Мы друг с другом-то общаться толком не умеем, а все туда же...». Да, Кирюха, вот и мы, жители планеты Трея — высокоразвитое общество — так и не научились нормально общаться друг с другом. У нас, также как и здесь, на Земле, все решает не здравый смысл и мораль, а кучка политиков, озабоченных чисто экономической выгодой.

Технология перемещения через подпространственные порталы была освоена на Трее сорок лет назад. Как всегда и во всем, этому способствовала непрекращающаяся конкурентная борьба между двумя основными континентами — Араканом и моей родиной — Валгой. Нет, открытой вражды, а тем более, военных действий между нами никогда не было. Только соперничество и здоровая конкуренция. Соперничество в технологиях, соперничество в торговле, политике, да мало ли в чем еще?

Если верить историкам, Аракан и Валга практически одновременно создали свои порталы, потратив на это огромные суммы денег. Валгийцы первыми смогли переместить человека на большое расстояние, араканцы первыми проложили портал на спутник Треи.

Через девять лет в разных частях галактики были открыты три обитаемые планеты. На двух из них цивилизация находилась в самой начальной стадии развития. ИзИзаотносительно малого расстояния от Треи, перемещение на них не требовало больших затрат энергии.

На третьей планете цивилизация достигла уровня, сравнимого с нашим. Жители называли свою планету Землей.

Международный совет Треи принял решение о совместном изучении Земли учеными обоих крупнейших континентов. Примерно в это же время были обнародованы данные (видимо, в прессу они попали благодаря усилиям спецслужб Аракана) о том, что энергопотребление валгийских порталов более чем в семь раз превышает энергопотребление араканских. В условиях глобального энергетического кризиса международный совет принял решение о запрете использования наших установок для изучения Земли. Исследовательская группа Валги была вынуждена арендовать порталу у араканцев.

Наши «заклятые друзья» и в этой ситуации проявили свою приверженность к идее «здоровой конкуренции», заломив за аренду поистине космическую цену. Валгийским ученым пришлось значительно сократить остальные расходы на исследования.

Осознавая свое технологическое (а теперь еще и юридическое) превосходство, араканцы начали активно лоббировать в международном совете идею «эксклюзивного контакта». Этот термин какИто уж очень быстро распространился по ведущим информационным каналам. Под эксклюзивным контактом понималось официально закрепленное право на контакт с землянами представителей только одного континента. Причем с возможностью в течение ста земных лет «оказывать содействие развивающейся земной цивилизации, используя для этого весь потенциал выигравшей стороны».

Поначалу совет не обратил должного внимания на слово «весь», однако уже через полгода после принятия решения о конкурсном характере контакта, стало ясно, что араканцы трактуют этот термин весьма широко, не отрицая и возможности насильственного «привития развивающимся планетам идей араканской цивилизации». Причем именно араканской, а не цивилизации Треи, как было принято говорить раньше.

Споры, международные тяжбы и плаксивые голоса правозащитников смолкли, не успев начаться, стоило лишь правительству Аракана сделать

заявление о том, что право аренды араканских порталов будет распространяться только на страны, разделяющие «прогрессивные убеждения». При этом уточнялось, что «Аракан намерен стать на защиту этих убеждений».

В воздухе Треи запахло международным конфликтом.

Правительство Валги всегда отстаивало идею постепенного и всестороннего изучения возможности контакта Треи с землянами, исходя из принципа минимального вмешательства и сохранения за обеими цивилизациями права выбора пути развития отношений. Но давление Аракана на международный совет оказалось сильнее.

Я открыл глаза.

— Так, что же произошло, учитель?

Куратор слегка развел руками.

— Правительство Аракана сделало заявление о полной готовности их исследовательской группы к продуктивному контакту с землянами и попросило (а точнее, потребовало) назначить дату этого события не позднее... — Куратор закашлялся.

— Простите, учитель, вы сказали не позднее...

— Не позднее следующей недели.

Я не поверил своим ушам.

— Как следующей недели?! — воскликнул я. — Но ведь только для обработки результатов наблюдений и компьютерного моделирования сценариев потребуется не меньше года.

— Они утверждают, что завершили эту работу, — кивнул Куратор. — Хотя я уверен, что они блефуют.

— Учитель, но вы говорили, что у нас еще есть шанс? — с надеждой спросил я.

— Да, так записано в решении совета. С момента начала выхода араканцев на контакт на Земле временно приостанавливается деятельность всех исследователей. Контакт будет осуществлять один из тридцати трех, работающих на Земле, агентов Аракана.

— Где? — снова прервал я учителя, окончательно забыв о правилах.

Куратор лишь покачал головой.

— Не торопись, Ким. Так вот, совет дал араканцам один шанс. Только один. Контакт будет считаться успешным, если агенту удастся в течение трех земных суток обеспечить добровольное перемещение одного земляниина на Трею. Там землянин должен будет сделать заявление о том, что он согласен сотрудничать с нами... то есть с араканцами и оказывать им посреднические услуги...

— Абсурд! — вскричал я. — Да для выполнения этого условия достаточно найти на Земле любого психически неуравновешенного человека, посулить ему черт знает что, и дело сделано! А дальше...

— А дальше — лавинообразная миссионерская деятельность Аракана, больше похожая на экспансию, — отрезал Куратор.

Мы замолчали.

— Так значит, вся моя работа оказалась напрасной, — произнес я, скорее для себя, чем для Куратора. — Я не оправдаю даже тех денег, которые мы заплатим араканцам за перемещение меня домой.

— Не торопись, Ким, — как сквозь сон услышал я голос учителя. — Ты хотел знать о нашем шансе...

Я поднял голову.

— Да, учитель.

— Если эксклюзивный контакт араканцев окажется не удачным (я усмехнулся), то по решению совета право на подготовку и осуществления контакта будет передано нашей стране сроком на пять лет. Совет считает, что риск араканцев, на пять лет выпасть из борьбы — достаточная компенИ сация за их первенство.

— Это как в дуэли, — мрачно произнес я. — Если тебя не застрелят перИ вым, то у тебя есть пять лет, чтобы догнать противника. Только стрелять первым он будет с расстояния вытянутой руки. Неплохой шанс.

— Что такое дуэль? — спросил Куратор.

— Простите, я отвлекся, — замотал я головой, понимая, что с трудом сдерживаю эмоции, что абсолютно не допустимо для тайного агентаИ исследователя.

— Да, шанс, прямо скажем, не велик, — вздохнул Куратор, — но он есть. Как знать, вдруг араканский агент ошибется с выбором землянина...

Я пожал плечами. Этот вариант казался мне просто смешным.

— И еще... — произнес Куратор.

От интонации, с которой были сказаны эти слова, я вздрогнул.

— Слушаю вас.

— Нашим спецслужбам удалось узнать, в какой части планеты работает агент, которому будет поручено осуществить контакт. Но наши принципы, как ты понимаешь, не позволяют нам использовать эту информацию в своих целях.

Я кивнул. Правда, не так уверенно, как следовало бы.

— Я сообщаю тебе это лишь потому, что ты лучше других знаком с этой территорией, а значит, сможешь быстрее всех подготовить оперативный прогноз развития событий.

Я пожал плечами, не понимая, как этот прогноз сможет повлиять на ситуацию.

— Агент действует в России? — спросил я.

— Он ближе, чем ты думаешь.

Я вздрогнул.

— Здесь, в Москве?

— Еще ближе.

— Не понимаю, — признался я.

Учитель в нерешительности пожевал нижнюю губу и сказал: — Наверное, это простое совпадение, но... он один из твоих знакомых.

Поначалу я был уверен, что ослышался — канал работал с помехами.

— Простите, учитель...

— Он один из твоих знакомых, — настойчиво повторил Куратор.

— Но у меня нет знакомых среди агентов, тем более — араканцев, — разИ вел я руками. — Мы же все работаем тайно, под прикрытием. Это закон!

— А я и не говорил, что ты знаешь его как агента. Биомаски работают эффективно.

Рукавом рубашки я вытер пот со лба. «Биомаски». Ну да, конечно, все агенты работают под защитой биомасок, устраняющих внешние особенноИ сти, которые хоть и незначительно, но все же отличают нас от землян. Агенты Аракана работают в таких же масках. Значит...

— Значит, я мог длительное время общаться с агентом Аракана и не знать об этом?

Куратор кивнул.

— А он?! — испуганно воскликнул я. Вскрыть факт своего пребывания на чужой планете считалось не только нарушением, но и просто позором для любого агента. Даже, если он занимался лишь сбором научной инфорИ мации.

— Твоя биомаска в порядке, — едва заметно улыбнулся Куратор. Это была первая его улыбка за весь наш разговор.

«Один из моих знакомых», — размышлял я. За два года работы на Земле у меня появилось никак не меньше трехсот знакомых, с которыми я подИ держивал более или менее плотные отношения. Не считая разовых встреч. Собственно, это и было одним из условий исследования.

Я машинально потер лоб (на Трее у меня не было такой привычки). Кто бы это мог быть? Кто? Неожиданно в голове возникла картинка недавнего разговора на Кирюхиной кухне.

— Владик?! — воскликнул я.

Куратор вопросительно посмотрел на меня. Я поднял руку и замотал головой — простите!

Владик, помнится, распинался про инопланетян. Что это могло быть? Тест, проверка. Или просто взболтнул. Нет, агент не может ничего просто так взболтнуть. Он распознал меня? Не думаю. Да с чего я вообще взял, что Владик агент? Может быть, это простое совпадение.

Или Венька? Уж очень уверенно он говорил тогда про «прогресс и измеИ нение жизни на Земле».

У меня в голове словно кипела, переваливаясь через край, липкая овсяИ ная каша.

— Кто он? — спросил я, очнувшись от своих сумбурных мыслей.

Куратор покачал головой.

— Я и так сказал тебе больше, чем должен был.

— Но, учитель!..

Куратор поднял руку.

— Итак! Если в ближайшее время состоится успешный эксклюзивный контакт араканцев с землянами, ты получишь сообщение и через ближайИ ший араканский порт вернешься домой.

— А, если... — начал я.

— Ну, а если их контакт окажется неудачным, сынок, — голос Куратора заметно смягчился, — ты все равно отправишься домой. Ведь тебе надо отдохнуть. Да и кто, как не ты, будет формировать новую программу конИ такта? Нашего контакта.

В другой ситуации я бы преисполнился гордости, услышав эти слова. Но сейчас они прозвучали для меня как приговор.

— Держись, Ким, — снова пристально глядя мне в глаза, на сколько это

позволяла голограмма, сказал Куратор. — Не наделай глупостей и... до связи.

— До свидания, учитель, — сказал я. Голограмма распалась на отдельные черточки и растаяла в воздухе.

Я сидел в кресле, как изваяние. Казалось, что воспитанная годами учебы твердость духа окончательно покинула меня. Шесть лет подготовки, два года работы на чужой (довольно привлекательной, но все же чужой) планеИ те, надежды на успех и продолжение исследований. Неужели все рухнет в один миг?

За стеной ругались. Слышался звон бьющейся посуды. Наверное, сосед Толик опять пришел домой слишком поздно. Я взглянул на часы — двенадИ цать.

Надо было брать себя в руки. Я спрятал коммуникатор в сейф.

Звонок в дверь ударил по ушам как милицейская сирена. Я вздрогнул, с неудовольствием отметив, что нервы, действительно, сдали. Судя по апоИ феозу соседской драмы, сопровождавшемуся оглушительным хлопком двери, жена все же выгнала Толика на лестничную площадку. Скорее всего, он пришел искать у меня кров.

Я вздохнул: как не вовремя! Но мужская солидарность, пусть даже и разИ деленная миллионами световых лет межпланетного пространства, сыграла свою гуманную роль. Я стянул с себя рубашку, чтобы продемонстрировать, что уже сплю и не собираюсь становиться объектом душеизлияний, и пошел открывать дверь.

* * *

Каково же было мое удивление, когда вместо небритого и, наверное, источающего запах перегара Толика я увидел...

В тусклом свете лестничной площадки, смущенно теребя ремешок сумочки, стояла Светлана. На ней был короткий бежевый плащик, плотно облегающий ее стройную фигуру. Рыжая челка почти касалась элегантно подкрашенных глаз.

— Света? — только и смог произнести я, демонстрируя предельную стеИ пень неотесанности.

Подождав более адекватной реакции (всеИтакимолодая красивая девушИ ка пришла ночью к молодому человеку), она улыбнулась и сказала:

— Ага, Света. Пустишь или так и будем стоять?

Банальная, в общемИто,фраза. Я ее слышал в каномИтоместном сериаИ ле. Но по мужскому самолюбию бьет больно. Я распахнул дверь, зачемИто выскочил на площадку, потом взмахом руки пригласил ее войти и боком протиснулся следом сам. Попутно поймал себя на мысли, что встречаю даму без рубашки.

Да, мужская природа, похоже, и на Трее, и на Земле одинакова. Полчаса назад я буквально лез на стенку от одной только мысли о потерянной возИ можности организовать контакт двух цивилизаций, а тут при виде красивой женщины потерял дар речи.

— Проходи, пожалуйста, — выдавил я из себя, когда Светлана была уже в прихожей. — Давай я помогу тебе раздеться.

— Ограничимся плащом, — с усмешкой предложила она.

— Ну да, я это и имел... — лепетал я, а в голове крутилась какаяИтоахиИ нея типа «не соизволит ли госпожа » и тому подобное.

Наконец мы вошли в комнату. Я предложил ей сесть, бросив взгляд на сейф — закрыт. Потом, спохватившись, поднял с пола рубашку, начал одеИ ваться, путаясь в рукавах. Светлана с улыбкой наблюдала за мной. Две верхние пуговки на ее белой блузке были, как бы невзначай расстегнуты. Я старательно отводил взгляд.

«Боже, какая же она, всеИтакикрасивая, — думал я. — Эх, бросить бы все и...» Кажется, я это тоже гдеИто слышал.

— Хочешь кофе? — предложил я.

Она покачала головой и сказала почти повелительно:

— Садись, Антон.

Я послушно рухнул в кресло.

Светлана отодвинула сумочку и сложила руки на голых коленях.

— Не ожидал?

— Да... то есть, нет, — ответил я, застегивая пуговицы на рубашке.

— Так, да или нет? — засмеялась она, закидывая ногу на ногу.

— Не ожидал, но очень рад тебя видеть, — сказал я чистую правду.

— Я тоже рада видеть тебя, Антон, — тихо сказала она. — Ты не звонил...

— Я... думал... — растерялся я. «Думал он, — вклинилось в разговор мое подсознание. — Такая девушка, а он еще думал!» — Я собирался позвонить тебе, но не знал, как ты к этому отнесешься.

— Вот я и взяла быка за рога. Не испугался?

— Нет, что ты, — быстро ответил я.

— Хорошо, — еще тише сказала она.

В этом «хорошо» мне послышались какиеИтозловещие нотки. Так обычИ но в триллерах говорят вампиры, прежде чем выпить кровь из своей жертИ вы. Хотя, честно говоря, в тот момент я был не против и такой развязки.

— Антон, нам надо поговорить.

Я кивнул.

— Возможно, вначале мои слова покажутся тебе бредом. Потом напугаИ ют. Но, в конце концов, ты, как разумный человек, поймешь все правильИ но, — какИтоуж слишком четко сказала Светлана.

— Ну что же, в целом последовательность меня устраивает, — попытался пошутить я.

Она улыбнулась, продемонстрировав великолепные белые зубы.

— Как ты ко мне относишься, Антон?

Вопрос был задан просто, без придыхания и томных взглядов, и этим он ставил в тупик.

— Светлана, — начал я, замечая, как ко мне возвращается натренироИ ванное самообладание. Не самый лучший знак, ведь так обычно бывает в минуты опасности. Хотя сейчас, вроде бы, не тот случай. — Светлана, мы с тобой знакомы уже почти полгода. Может быть, нам стоило бы встречаться чаще. Наверное, это моя вина. Но я думаю, ты заметила... — я проглотил слюну, — что ты мне очень нравишься.

Она улыбнулась. Как мне показалось, немного напряженно, но все же очень мило.

— Ты мне тоже нравишься, Антон.

Это было сказано почти шепотом. Очевидно, наш разговор достиг такой стадии, когда мне положено было чтоИтоделать, вместо того, чтобы просто сидеть в кресле и старательно застегивать непослушную рубашку. Но Светлана не дала мне шанса принять решение. Она быстро наклонилась вперед, приблизилась ко мне, окатив тонким ароматом духов, и спросила:

— Ты хочешь быть со мной?

— Да, — быстро ответил я, повинуясь, скорее какомуИтодревнему инстинкту, чем разуму.

— Даже, если для этого придется... улететь на другую планету?

В ушах лопнул воздушный шарик. Хрустальный звон заполнил черепИ ную коробку, переводя мозг в газообразное состояние. Планету, планету, планету...

Черт побери, наверное, это метафора! Ну, конечно, лирическая метафоИ ра. Седьмое небо, звезды, райские кущи. Что там еще?

Ее черные глаза светились в полумраке комнаты. Забавное сочетание — черные глаза и рыжая челка, — не к месту подумал я и тупо переспросил:

— На другую планету?

Она молча кивнула, не сводя с меня глаз.

— Думаю, я бы согласился, — шепотом ответил я.

Она протянула руку и коснулась теплыми пальцами моих губ.

— А, если я не шучу?

Я взял ее пальцы обеими ладонями. Из глубины сознания всплывало странное предчувствие.

— Если не шутишь, тогда объясни, — сказал я.

В этот момент я, наверное, выглядел полным дураком, требуя от преИ красной девушки «объяснить», что же она имеет в виду, говоря о своем желаИ нии отправится со мной на другую планету. По законам жанра мелодрамы, девушка должна была презрительно скривить губы, встать и гордо выйти из квартиры. На пороге, бросив через плечо: «И не звони мне больше».

Но, как ни странно, этого не произошло. Светлана высвободила пальцы из моих рук и сказала:

— Я предлагаю тебе то, что никто никогда не предлагал ни одному житеИ лю планеты Земля, — она сделала многозначительную паузу. — Я предлагаю тебе отправиться со мной в мой мир.

Усилием воли, сдерживая сердцебиение, я спросил:

— Как он называется?

— Планета Трея, государство Аракан.

И в этот миг мое волнение отключилось, словно ктоИтовыдернул шнур из розетки. Хлоп и все! Из всех чувств, не относящихся к тому делу, ради которого я здесь находился, осталось только одно — сожаление, что Светлана оказалась не той, точнее — не тем...

«Кем же она окажется без биомаски? — думал я. — Мускулистым капиИ таном араканских космических сил? Вряд ли. Все той же прекрасной девушкой? А почему бы и нет?».

— Ты умный и образованный человек, — продолжала вербовать меня Светлана (интересно, а как ее настоящее имя?). — Ты узнаешь такое, о чем мог только мечтать. Ведь ты ученый.

Для удержания разговора в нужном русле я тупо кивал, стараясь делать круглые глаза. Нехорошо обманывать женщину. Но, как говорится, вы перИ выми начали...

— И самое главное, — она еще приблизилась ко мне, — ты станешь перИ вым человеком, с которым войдет в контакт внеземная цивилизация. А значит, для землян ты станешь...

— Героем, — закончил я за нее с наигранным придыханием.

— Героем, — повторила она. — Ты веришь мне?

Я опустил глаза, помолчал, старательно вызывая слезы умиления. Кажется, у меня это получилось. Выждав несколько секунд, я резко вскиИ нул голову и сказал, изображая смесь гордости со смущением:

— Знаешь, а ведь я всю жизнь знал, что так и будет!

Светлана удивленно посмотрела на меня. Очевидно, она ожидала немного другой реакции. Но я решил играть до конца.

— Да, верил, что именно в этом и состоит мое предназначение. О чем еще может мечтать ученый, как не об этом?! — похоже со слезами я переИ старался, но в целом получилось неплохо. — Когда мы полетим?..

— Антон, мы можем переместиться через портал. Прямо сейчас, здесь. Или тебе надо подумать?

Я покачал головой и снова поймал ее пальцы.

— Лучше уж сразу. Можно мне взять с собой пару вещей?

Она кивнула. Чуть торопливее, чем следовало бы. Было видно, что она волнуется.

Мы встали. За окном шумел никогда не затихающий проспект. Я накиИ нул куртку (в Аракане сейчас прохладно), положил в карман карту памяти со своими материалами. Осмотрелся по сторонам, прощаясь с домом.

«Я еще вернусь!» — подумал я.

Светлана достала из сумочки крошечный пульт. Синяя сфера вспыхнула и закружила на одном месте.

— Ну, что ж, поехали! — сказал я ей. И, скрестив пальцы, мысленно загадал: «Пусть она окажется красивой девушкой. А с остальным какИ нибудь разберемся».

Об авторе

Родился в 1969 году в городе Борисоглебске Воронежской области. Окончил Тамбовское высшее военное авиационное инженерное училище. В настоящее время — начальник кафеГ дры ВВИА им. Н. Е. Жуковского, кандидат технических наук, доцент, полковник. Вышли в свет четыре книги в жанре деловой литературы: «Как я учился деловому общению», «Как стать успешным», «Секреты эффективных бизнесГрешений», «Прикладные задачи менеджмента и маркетинга с решениями в MS Excel». В жанре фантастики опубликован рассказ «Взаимная выгода» («Техника молодежи», № 2, 2008), в журнале «Наука и жизнь» (№ 6, 2008) рассказ «Этикет». В № 3 (8) за 2008 г. литературного приложения «ЗнаниеГсила: Фантастика» была опубликована повесть «Граница».

Сергей Криворотов

Нажимая кнопки

Цепочка следов на мокром песке, оставляемая ее босыми ступнями, становилась все длиннее по мере того, как уменьшалась вдалеке ее фигурИ ка. Она шла, не оборачиваясь, вдоль полоски речного песка, и маленькие бессильные волны не доставали своими языками запечатляемые ее ногами знаки. «Ну, проваливай! Черт с тобой!» — подумал Валент, пытаясь почувИ ствовать себя свободным человеком. Рарх, Живущий в Воде, удовлетворенИ но наблюдал за уходом женщины, не высовываясь над поверхностью. Он поборол тут же возникшее сильное желание напасть на человеческую самку, пока она находилась на глазах мужчины. Ему было и без того неплоИ хо, его эмпатическое естество подпитывалось за счет отрицательных эмоИ ций этих перессорившихся людишек. Он чувствовал, как набирает силы, столь необходимые для дальнейшей борьбы с чужаками. Валент не мог разИ глядеть темную массу в реке изИзаслепящих солнечных бликов на воде, да и не смотрел он туда, его взгляд был прикован к готовой исчезнуть женской фигурке.

Красное солнце над ними нисколько не напоминало милое желтое свеИ тило старушкиИЗмли. Может, в нем, в этом зловещем багровом свете, и было все дело? Он не давал отдыха глазам, непостижимым образом воздейИ ствовал на их подсознание, не давая покоя. Они все время чувствовали себя напряженно, словно снедаемые непонятной тревогой. Растущая раздражиИ тельность не снималась короткими периодами отдыха. Неудивительно, что через месяц пребывания здесь на Цинтии, второй планете Красного Солнца, между ними произошла первая стычка. За первой ссорой последоИ вала вторая — взаимные придирки, упреки посыпались обвалом. И вот теперь эта, последняя, столь бурная, что выманила Рарха из речных глубин.

А ведь поначалу все казалось просто сказкой. Планета полностью приИ годная для человека. Можно было свободно дышать цинтийским воздухом, не боясь ни кислородного голодания, ни опасности заразиться местными микроорганизмами — арсенал химической защиты людей позволил им приспособиться к местным условиям. И даже красное излучение солнца поначалу не представляло им видимой угрозы. И вот теперь...

Он попытался взять себя в руки. Глубоко вздохнул, резко выдохнул, сосредоточился, но лишь с третьей попытки удалось полностью рассла И биться и ощутить наконецИтостоль недостающее успокоение.

Она скрылась за красным холмом, уже удаляясь от берега, и Рарх, выскочив из воды, совершил пространственное перемещение.

Он увидел только вздыбившуюся волну, невесть откуда возникшую на спокойной речной глади, опавшую там, за холмом, куда ушла она. Это

было непонятно и тревожно, и потому с внезапным беспокойством он броИ сился вдогонку, расстегивая на бегу набедренную кобуру.

Я не стал играть так, оставил Валента и превратился в Рарха, Живущего в Воде. Люда продолжала играть навязанную ей сценарием роль легкомысленИ ной подруги Валента. Надо было срочно разнообразить происходящее, и я привлек к делу дружков Живущего в Воде, а может, и его родственников, скорее всего так — тоже Живущих в Воде. Они выскочили из глубин, стремиИ тельно понеслись вслед Валенту. А я сдернул шлем и вытер пот со лба.

Тишину квартиры нарушало привычное урчание кухонного комбайна, и Люда, вполголоса напевавшая популярную песенку последней недели. Я отключил игру, стряхнул с себя остатки иномира и ощущений Валента, полностью «врубившись» в реалии привычной обстановки. Ярко вспомниИ лось все предшествующее этой моей электронной отключке. И хотя не было как всегда полной уверенности в искусственности исчезнувшего с отключением аппарата красного мира, одно не вызывало сомнений: ссора имела место и здесь, в нашем мире.

— Люда! — позвал я, исполнившись благих миротворческих намерений.

Ответа не последовало. Ощущая разбитость во всем теле после острых переживаний игры, я, шаркая ногами, добрался до кухни.

Световая симфония индикаторов кухонного мультипроцессора никак не отражалась на лице Люды. Она продолжала напевать с закрытыми глаИ зами, откинувшись на спинку креслаИкачалки у распахнутой балконной двери. Ее шелковистые каштановые прядки выбивались изИпод облегченИ ного шлема сенсатора, пальцы бездумно порхали по напоясной деке плееИ ра. Фактически ее не было на кухне, одна лишь видимая телесная оболочИ ка, и звать ее назад из этого неведомого далека представлялось бессмысИ ленным.

Я присел за обеденный стол, коснувшись кнопки «требование», и безИ ликий электронный кормилец выдвинул передо мной дымящуюся тарелку не вполне аппетитного варева. Люда никак не прореагировала на мое приИ сутствие, поИпрежнему оставаясь в своем таинственном нездешнем крае.

КоеИкакпокончив с обедом и отставив стакан изИподбелкового киселя, я встал и вернулся восвояси, теперь импульсы из пустого желудка не грозиИ ли испортить мою игру. Примирение с Людой не состоялось по причине ее полного отсутствия в нынешней системе моих жизненных координат. Я включил аппарат и вернулся в красный мир.

Валент успел покончить с двумя сородичами Рарха, их тошнотворно подпаленные останки безобразно чернели на красном песке. Теперь надо было догнать рассерженную женщину и попытаться исправить случившееИ ся. Тем более, что сам Валент теперь не чувствовал себя таким уж правым. Но ее не было видно, как он ни торопился по заметаемым поднявшимся ветром следам, красное солнце коснулось далеких холмов, и длинные тени от барханов поползли по песку. Валент оглянулся назад, ему показалось, что он различил ухом странную имитацию зловещего смеха, но не заметил ничего подозрительного в пустынной багровости пейзажа.

Рарх успел торопливо приглушить свой непроизвольный импульс и скрылся в реке. Главного он добился — единственные в здешнем мире двое людей оказались разъединены, и теперь, умело воспользовавшись ситуациИ ей, можно будет зарядиться от бьющих в них через край отрицательных эмоций.

— Послушай! — Люда стояла надо мной, держа в руке только что снятый с моей головы шлем. — Нам надо поговорить. Ты не думаешь? Ведь так проИ должаться не может...

Я еле справился с охватившим меня раздражением, что это она себе позволяет? Разве я когдаИнибудь мешал ее сенсорному кайфу? На этот раз она действительно зашла слишком далеко. Но я был еще под впечатлением от мира Красного Солнца, да и что я мог ей сказать такого, чего бы она не знала? В этом мире все слова между нами уже были переговорены, все мысИ лимые обиды и оскорбления брошены в лицо друг другу. Но, несмотря ни на что, я не хотел ее терять, однако, что я мог сделать, чтобы изменить слоИ жившуюся реальность?

— Ты хочешь продолжать жить, как мы живем? Каждый сам по себе, все врозь. Мы становимся чужими...

А кто виноват? — подумал я про себя, но смолчал, да я не мог подобрать сейчас нужные слова, ей самой явно не хватало их для выражения собственИ ного отчаяния. А без слов в этом мире мы не могли обходиться.

Но аппарат под рукой не был выключен, как лунатик, я нашарил второй шлем, насильно натянул его на отшатнувшуюся было Люду и усадил рядом с собой.

— Подожди, подожди, — мягко приговаривал я под сверлящим взглядом ее рассерженных, но постепенно уступающих серых глаз, беря из ее рук второй комплект и торопливо закрепляя на своем затылке.

— Мы будем вместе, понимаешь? Подожди немного... — упредил я возИ можный протест и коснулся деки управления.

Не знаю, не могу я объяснить, как это все происходит, психотроника для меня, как и для Люды, темный лес. Разве, включая телевизор, все древние разбирались в его устройстве? При поломке вызов мастера совсем не проИ блема. Может, мы переносимся своими сознаниями в те искусственно созИ даваемые миры, хотя, вероятно, миры эти могли существовать и без нашего участия. Может, те личности были всего лишь нашими проекциями на иные координаты пространства, а, может, просто оказывались сублимациИ ей наших чаяний. Конечно, это была игра, но с каждым разом начинало казаться, что в этом сокрыто нечто гораздо более значительное, даже более важное, чем настоящий мир. Да он и переставал казаться настоящим после ярких ощущений той жизни, даруемых послушными управлению аппаратаИ ми. ПослушныхИтопослушных, но иногда уже казалось, что я сам становИ люсь объектом игры, чьихИтопосторонних манипуляций...

Но стоило ли ломать голову над подобным! Главное, мы оба почувствоИ вали себя в этот момент снова вместе. Я вернулся в мир Красного Солнца, и Люда тоже была рядом со мной на этот раз какойИтомиг. И вдруг исчезла.

Я ощутил себя совершенно иным и всерьез испугался за нее.

Солнце уже наполовину спряталось за холмы, когда Валент догнал женИ щину и схватил за руку. Люда обернулась, зло сощурив глаза.

— Нет, нет, — быстро сказал Валент. — Не сердись, тебе не идет сердитьИ ся. Нам нельзя быть врозь в этом мире. Понимаешь?

И серые глаза потеплели, она не пыталась освободиться из его цепких пальцев. Она назвала его каким-Ито другим именем, и Валент засомневался, действительно ли его зовут Валент или как-Ито иначе? Солнце, повинуясь их обоюдному желанию, попирая все законы здешней природы, полезло назад по небосклону, словно отряхивая с себя красноватую пыль и становясь ярче и теплее на глазах. Их губы и руки нашли друг друга и соединились, тела стали ближе с этого момента, и все лишнее между ними исчезло, и слова, которых так не хватало в ином существовании, вовсе не понадобились.

Уже много позже, обнявшись, они молча сидели на берегу, глядя на игру солнечных бликов на поверхности сонной реки.

Рарху стало так невыносимо терпеть, он лишился столь близкого наслаждения от нараставшего совсем потока их отрицательных эмоций, он не выдержал и выскочил из воды, рассчитывая застать врасплох этих жалИ ких переменчивых двуногих и хоть как-Ито физически возместить свое неуИ довлетворенное эмпатическое вожделение.

Валент и Люда успели одновременно выхватить свое смертоносное оруИ жие, два луча, скрестившись на безобразно распахнутой алчной пасти, испепелили ее в одно мгновение.

Я снял шлем, успел заметить синхронное движение Люды, наши пальцы соприкоснулись на кнопке отключения аппарата. Словно что-Ито тягостное, довлевшее над нами совсем недавно отступило прочь, и снова стало возИ можно легко дышать. Я прочел по ее подобревшим глазам, что и она испыИ тывает то же самое.

Чудесный аппарат снова помог, он явно был способен не только разобИ щать души. Мы обошлись без слов и снова были вместе. Надолго ли? И поможет ли эта машинка в следующий раз, так ли уж она безотказно приИ миряюща? Но мы явно не владели мастерством простого общения в этом мире, способностью убеждения словом, хотя и научились использовать слова как безжалостное оружие против друг друга. И нам оставалось расИ считывать только на эту электронную терапию, пока мы хотели быть вмеИ сте.

Об авторе

Родился в 1951 году. Врач-кардиолог. Живет и работает в Астрахани. Печатался в журналах «Энергия», «Техника молодежи», «Четвертое измерение», «Чудеса и приключения», в московских еженедельниках «Поиск», «Семь с плюсом», в киевском «Друг читача», в местной периодике. Новые публикации в журналах: «Слово», «Москва», «Порог», «Кировоград», «Украина». В № 1 (4) за 2007 г. литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» был опубликован рассказ «Потерпевший».

Виталий Шишикин

Домой, домой

Билл Олсон уже давно не видел своего родного дома, родителей, друзей и прочих людей, которые окружали его в детстве, любили его или ненавиИ дели, помогали ему или пакостили, успокаивали или наоборот выводили его из себя. Прошло семь лет с тех пор, как он улетел учиться, а затем странИ ствовать по многочисленным неизведанным мирам. Но сегодня Билл наконецИтовозвращается к себе домой — на Землю, где ему все знакомо, где его ждут, не дождутся родители, друзья, соседи: ведь он всегда был в центре внимания. Тем более он летит не один. Несмотря на казалось бы постоянную занятость то в одном приключении, то в другом, на всевозможИ ные безвыходные ситуации, погони, перестрелки, схватки с дикими животИ ными, войны с туземцами и беспримерные оргии Билл не стал оттягивать решение личного вопроса в долгий ящик и нашел себе настоящую боевую подругу, сообразительную фигуристую красотку — Энни Тэтчер. Она как нельзя более органично влилась в полную опасностей жизнь Билла и стала не только хранительницей очага, компаньоном, но и верным товарищем, на которого всегда можно положиться, будь то погоня за рыбойИстраусом на Кичмоне, либо спасение от природного катаклизма на Планете Бурь. Правда свадьба была делом будущего, Билл настаивал на том старомодном ритуале, о котором он в раннем детстве читал в книгах. После случайного знакомства парень и девушка должны были понравиться друг другу, встреИ чаться и постепенно привыкать находиться вместе, их встречи должны быть все длиннее, а расставания короче. Наконец, наступает момент, когда влюбленные вообще не захотят расстаться. Вот тогда уже можно будет говоИ рить о прочной связи. Однако и это, по мнению Билла, не являлось полной гарантией. Молодой паре необходимо преодолеть еще одно препятствие – получить благословение родителей будущего мужа, а уже после этого может состояться бракосочетание. И что может быть лучшим местом для свадьбы, чем родной дом, где ты родился и провел свои лучшие годы? С этими мысИ лями Билл открыл глаза и посмотрел в иллюминатор пассажирского звезИ долета. Диктор корабля объявил о вхождении космолета «Церера» в предеИ лы Солнечной системы:

— Уважаемые пассажиры, наш звездный лайнер второго класса третьей группы комфортабельности пересек границу Солнечной системы — колыИ бели человечества. Внимание, уважаемые пассажиры, займите, пожалуйИ ста, ваши места и пристегнитесь ремнями безопасности, наша первая посадка состоится на планете Плутон. Приятного путешествия.

— Какой Плутон?! — недоуменно воскликнул Билл, да так громко, что на него даже стали оглядываться некоторые пассажиры, из тех, что всегда готовы поскандалить, по поводу и без повода, но, увидев комплекцию восИ кликнувшего, они поспешили отвести глаза. — В рекламном проспекте компании ничего такого не сказано, мы должны лететь на Землю, а не на проклятый Плутон, что за самоуправство?!

Как будто услышав недовольный выкрик Билла, автоматический диктор заговорил снова:

— Уважаемые пассажиры, просим вас не беспокоиться и не покидать своих мест. Наша посадка на Плутоне лишь необходимая мера, связанная с заботой о наших клиентах, жителях Земли и ее гостях. Она не отнимет много времени. Желаем вам хорошего настроения.

— Бюрократы чертовы! — выругался Билл.

— Милый, не кипятись так сильно, — певуче проговорила Энни, нежно поглаживая плечо своего спутника. — Это ведь совсем ненадолго, всего лишь небольшая остановка, пройдем досмотр, или что там у них еще и полетим дальше, тем более, дорогой, чем дольше ожидание, тем радостнее момент встречи. Потерпи немного. — И она поцеловала его в щеку, как могла только Энни Тэтчер. КтоИтоиз пассажиров снова обернулся, чтобы посмотреть на эффектную красотку, но быстро отвернулся, поймав на себе тяжелый взгляд ее спутника. После страстного поцелуя Билл почувствовал себя польщенным и даже слегка порозовел от удовольствия, позволив себе немного улыбнуться, однако, осознав свою ошибку, быстро взял себя в руки и снова сделал недовольное лицо.

— Хорошо Энни, ради такого момента я готов потерпеть немного бюроИ кратического произвола и нашей расхлябанности, но только чутьИчуть

— Совсем немного, чутьИчуть, может даже и меньше.

— Хорошо, если меньше, чем чутьИчуть, а то развели, понимаешь ли, тут на Плутоне канитель. Честные люди и на Землю попасть не могут. Эх, я бы...

Но прилив нежности от еще одного, не менее нежного, поцелуя, застаИ вил Билла прервать свою тираду и немного успокоиться. «Ради счастья всей жизни можно немного и подождать», — подумал он и закрыл глаза. Звездолет тем временем шел на посадку.

После приземления пассажиры были доставлены по подземной моноИ рельсовой дороге в главное здание космопорта.

— Ого! — Билл даже присвистнул от удивления. — Я и не знал, что здесь отгрохали такой огроменный порт. Когда я улетал, здесь находилась лишь небольшая радарная станция, да одна посадочная площадка, а теперь такая громадина. Да она занимает добрую половину планеты, не говоря уже о военных зонах. ДаИаИадела!

— В этом нет ничего странного, – отозвалась Энни. — Это же форпост всей Солнечной системы, через него идет весь пассажирский и грузовой поток.

— Не спорю, но все так резко поменялось, диву даешься.

— Да, ты привык к джунглям и прочей экзотике, а здесь цивилизация, мощная техногенная.

— На Прио тоже цивилизация, да еще какая.

— У них еще каменный век, они далеко позади.

— Ничего не позади, вспомни их дворцы. А гигантские гробницы вожИ дей?! Накумбо говорил, что и для меня уже чтоИтостроят. Я, правда, еще не видел, но он сказал, что на Прио я считаюсь одним из величайших вождей, и мне полагается отдельная гигантская гробница.

— Нужна она тебе, тем более на Прио? Ты что, полетишь в такую даль, чтобы лечь в гробницу? Сильно сомневаюсь.

— Нет, конечно же не полечу, но посмотреть, обязательно посмотрю – это вопрос престижа.

— Не забивай себе голову всякой чепухой, скоро будешь дома, и все эти гробницы и прочие каменные исполины будут тебе и даром не нужны. Кроме того, на Земле мы сможем... – Энни не закончила фразу и загадочно улыбнулась.

— Да, ты как всегда права.

Пока шла эта непринужденная беседа, остальные пассажиры, не теряя даром времени, разбрелись по залу и образовали длинные очередиИхвосты. Все хотели как можно скорее пройти проверку и лететь дальше. Билл и Энни пристроились в один из этих «хвостов» и через какоеИтовремя без проблем прошли процедуру регистрации. После этого пассажиры гурьбой устремились обратно на «Цереру», рейс продолжился. Но прошло совсем немного времени, и механический диктор произнес: «Внимание, уважаеИ мые пассажиры, займите, пожалуйста, ваши места и пристегнитесь ремняИ ми безопасности, наша вторая посадка состоится на планете Нептун. Здесь вы сможете пройти обязательное медицинское обследование, а ваши вещи пройдут специальную обработку. Приятного путешествия».

— Черт знает что! – не выдержал Билл. – Я же лечу домой, где меня уже ждет горячая ванна, которая и излечит меня от всех болезней и хорошенько продезинфицирует! Зачем мне заранее проверяться?! Нет, я отказываюсь! — продолжал он все, более распаляясь. – А все, кто не согласен, будут говорить уже не со мной, а с моим бластером, – быстрым движением руки он нащупал в кобуре свое оружие.

— Не волнуйся так, Билл, – сказала Энни, и ее рука нежно погладила руку своего спутника, покоящуюся на оружии. – Не надо стрельбы, мы же с тобой договорились, что ты не будешь стрелять, пока мы в отпуске. Нептун — это совсем ненадолго, помоемся и полетим дальше. Ищи везде плюсы. Когда еще ты сможешь насладиться видами Нептуна? Расслабься и получай удовольствие от экскурсии.

Звездолет мягко зашел на посадку, и вскоре все пассажиры оказались в небольшом, но уютном космопорте, откуда в течение нескольких секунд их доставили в огромное белое мраморное здание. Это был банноИмедицинский комплекс. Помещение основного банного зала, в котором мылось огромИ ное количество людей, было впечатляющим. Разгоряченных, обнаженных тел здесь было столько, что яблоку было негде упасть. Со стен бани грохоИ тали большие и маленькие водопады, из многочисленных бассейнов и прямо из пола били фонтаны горячей и холодной воды, все помещение застилал пар. Посредине комплекса находился огромный аквапарк. Каждый

человек, проходя в зал, получал небольшой нейтрализующий укол – баня была совместная для мужчин и женщин, и их детей. Билл и Энни, получив каждый по уколу, разделись, оставив свои вещи в специальных кабинках, которые тут же исчезли – проходить дезинфекцию.

— Билл, это же целое царство морского бога, – сказала восхищенно Энни.

— ЭИЭИЭ.

Билл не успел даже высказать своего мнения, как Энни схватила его за руку и увлекла за собой:

— Побежали кататься с горки. Чур, я первая и смотри, не отставай, охотИ ник.

Бил побежал за подругой, стараясь при этом не поскользнуться и ни на кого не наступить.

Несколько раз им пришлось перепрыгивать через распростертые тела купальщиков и купальщиц. В аквапарке царила атмосфера беззаботного веселья. Родители наравне со своими чадами весело бултыхались в басИ сейнах, брызгались, катались с горок. Билл, увлекаемый и подзадориваеИ мый Энни, также совершил несколько полетов с различных водяных горок и пару раз картинно спрыгнул с трамплинов. Он не хотел показыИ вать своей подруге, что несколько смущен происходившим вокруг дейИ ствомм, хотя по роду своей деятельности ему не раз приходилось участвоИ вать в морских приключениях, выслеживать трехголовых аллигаторов или речных акул. С водной стихией он был на «ты». Вволю наплававшись и напрыгавшись, Билл, утомленный, вылез из бассейна, лег на спину и, разметав руки в стороны, стал глядеть в одну точку на потолке. Энни еще плескалась.

— «Пусть веселится», – подумал он, закрывая глаза.

— Эй, хищник! – закричала Энни так, что нахлынувшую на Билла дрему как рукой сняло. – Смотри, как я ныряю.

И она, мигом взобравшись на самую высокую вышку, смело прыгнула в воду. Билл только улыбнулся. Он вспомнил, как однажды они вдвоем гнаИ лись за плывунами – крупными животными, чемИтопохожими на морские торпеды. Плывунов ценили за высокие скоростные и мореходные качества и использовали на соревнованиях. В тот день Билл и Энни преследовали целую стаю этих животных, во время погони они несколько раз ныряли с водопадов, правда, ни одного плывуна так и не догнали, зато с той погони напарники стали неразлучны.

Билл снова задремал, а вскоре и совсем отключился. Проснулся он от яркого света в лицо. Попробовал встать и не смог. Он продолжал лежать в позе «звездочки», совершенно голый. Ни мало не стесняясь этого, вокруг него суетился человек в белом халате.

— Вас можно поздравить, молодой человек, у вас отменное здоровье, – врач говорил мягко, и все время улыбался. – Давно я не встречал таких здоровяков.

— Спасибо, – буркнул Билл. — Вы еще долго?

— Нет, что вы, совсем нет.

— Так мне надо идти, отключите магнит.

— Подождите, подождите, молодой человек, – улыбка не сходила с лица врача. – Несмотря на ваше здоровье, необходимо провести еще несколько очень важных процедур.

— Каких это процедур?

— На вашем теле слишком много рубцов и шрамов, а также татуировок.

— Это правда. Работа у меня такая. А вот эта татуировка от вождя с Прио, я тоже вождь, всем вождям такие полагаются.

— Очень хорошо, я за вас очень рад, но к большому вашему сожалению все это придется свести.

— Как свести?

— А так, чик, и свести, – врач сделал в воздухе красноречивый взмах рукой.

— То есть, как «чик», и свести?

— По медицинскому законодательству планеты Земля и всей Солнечной системы у вновь прибывших необходимо удалять с тела все шрамы, татуиИ ровки и прочие посторонние предметы, можно оставить только родинки. Понятно, о чем я говорю?

— Нет, не понятно, а зачем? Это же моя собственность.

— Сказано вам, по закону.

— Все равно не понятно.

— Не понятно, а свести придется. Итак, приступим.

— Нет, не дам! – Билл попытался встать, но магнитная платформа дерИ жала его крепко.

— Понимаю вас, и все же ничем не могу помочь, поверьте, это будет вам только во благо.

— Нет, не дамся, живым вы меня не возьмете, даже туземцы на такое не способны, а вы, каратели...

Укол снотворного прервал его слова.

Проснулся он уже на борту летящей «Цереры». Рядом еще спала Энии. В салоне стояла абсолютная тишина – люди спали после безудержного веселья и медицинских экзекуций.

Пытаясь не издавать лишних звуков, Билл закатал рукав рубахи, и чуть не вскрикнул – предплечье, где раньше красовалась татуировка, было чистым. Также осторожно он ощупал левый бок и не обнаружил рубца от укуса Птемодона. Даже шрам на правой руке, полученный еще в детстве во время игры, исчез. Его тело было гладким и чистым, как будто он только что родился. Нептунианцы постарались на славу: на его теле не осталось ни одного прыщика. Билл чуть не завыл от охватившей его злобы. Только счастливое и улыбающееся лицо Энни смогло немного охладить его пыл. Внезапно уже знакомый голос из динамика произнес: «Внимание, уважаеИ мые пассажиры, займите, пожалуйста, ваши места и пристегнитесь ремняИ ми безопасности, наша посадка состоится на планете Сатурн. Здесь вы сможете пройти обязательную регистрацию. Приятного путешествия».

— Это уже слишком! Они что, совсем сбрендили, пусть только попроИ буют! – зарычал Билл. – Никуда я со звездолета не пойду, я уже зарегистриИ ровался, а перед этим отстоял длинную очередь. На другой планете меня хорошенько отмыли, как снаружи, так и изнутри, облизали, сделав тело как

у новорожденного. Я уже не мальчик, и нечего делать из меня полного идиота.

— Билл, прошу тебя, не скандаль, – Энни стальной хваткой вцепилась в руку друга. – Хватит трепать себе нервы. Я понимаю, от всех этих новоИ введений даже у меня голова идет кругом. Ну, будь благоразумен: пройдя все эти проверки, ты сможешь спокойно отдохнуть в доме родителей, а об этих недоразумениях даже и вспоминать не будешь. Все будет как давний кошмар.

— Кошмарный сон, да лучше выслеживать гигантскую огнедышащую черепаху, чем иметь дело с бюрократией.

— Согласна. А ты представь, что охотишься на фригийского носорога и сидишь в засаде. Вспомни, сколько надо ждать, сколько нужно выдержки и сил. Все бюрократические барьеры – это тот же «фригиец», но немного другого вида. Ты должен затаиться, как будто тебя здесь нет, тогда и охота пройдет успешно.

— Хорошо, Энн, я возьму себя в руки и затихну, затаюсь, так, что меня никто не услышит, но это только ради тебя и моих родных.

— Я в тебе не сомневаюсь.

— Только скорее бы все преодолеть, – он перешел на шепот.

— Терпи.

— Терплю. Я затаился, меня не слышно и почти не видно.

— Верно, охотник.

После посадки космолета пассажиры, среди которых находились Билл и Энни, оказались посетителями очередного космопорта. Космические туристы, уже умудренные опытом, быстренько распределились по очереИ дям. Билл и Энни не отставали. Проверка шла достаточно бойко, так что у них теплилась надежда на быстрый побег с Сатурна, но на сей раз проиИ зошла осечка с документами. Одетый в строгий военный мундир, регИ стратор внимательно осмотрел их документы, бросил на Билла и Энни суровый взгляд и спросил.

— Вы Билл Олсон и Энни Тэтчер?

— Да.

— Вы летите вместе?

— Да, да, – загорячился Билл. – Вместе и очень спешим домой, давайте документы.

— Извините.

— Что?

— Вы родственники? – спросил регистратор.

— Конечно.

— Кем вам приходиться Энни Тэтчер?

— Это моя подруга, очень близкая подруга

— Так значит вы не родственники, вы не брат с сестрой и вы не женаты?

— Нет, но мы собираемся пожениться, и вообще, какое вам до этого дело? Не суйте свой нос, куда не просят.

— Попрошу вас не хамить мне, сэр. Это моя работа – совать свой нос во все личные дела.

— Пожалуйста, но только не в мою личную жизнь, – Билл начал медИ ленно закипать.

— Сэр, я специалист по личным делам, и ваша личная жизнь – это и мое дело тоже.

— А мне плевать на твою специальность, давай документы.

— Извините, сэр, но согласно новому «Семейному кодексу Солнечной системы», вы с вашей попутчицей должны находиться в каком-либо родстве, а иначе вас нельзя пропускать. Таков закон. Вы должны официально оформить ваши взаимоотношения.

— Что-то-то-то ты наверное шутишь?!

— Никак нет, сэр. Этот пункт описан в Семейном кодексе, в разделе «Путешествие». Можете прочесть.

Билл и Энни быстро пробежали глазами указанный пункт.

— Вам все понятно, сэр?

— Понятно, — мрачно буркнул Билл.

— Я рад.

— Так что нам теперь делать?

— Вам необходимо пройти процедуру регистрации вашего брака – официально оформить ваши взаимоотношения с мисс Тэтчер. Сделать это вы можете прямо у нас. Идите — это первый коридор налево, третья дверь по правой стороне. Желаю удачи!

Билл и Энни отправились в указанном направлении, они быстро нашли заветную дверь и вошли внутрь. Это было просторное светлое помещение, посередине которого размещался огромный стол, заваленный всевозможными бумагами. Хозяином стола оказался лысый, сухой старичок. Свою «шевелюру» он скрывал под древним ночным колпаком. Старичок что-то-то-то сосредоточенно писал, вытирая время от времени кисточкой от колпака свой длинный крючковатый нос. За его спиной, как охранники, стояли изваяния двух мифических чудовищ.

— Извините нас, – начала Энни, – мы бы хотели зарегистрировать свой брак.

— Нет ничего проще, – сказал старичок, даже не поднимая головы и продолжая что-то-то-то писать. – Вот бланки, заполните и отдадите мне.

Билл и Энни принялись заполнять бумаги. Через несколько минут все было готово, и они отдали бланки старому бюрократу.

— Так... так... все правильно... и здесь все правильно. – Старик медленно просматривал заполненные бумаги, – Надо же, и здесь без ошибок. Так... так... Прелестненько!

Наконец он поднял голову:

— Все заполнено точнехонько и без помарок, что безумно радует. Сразу видно, что вы любите друг друга.

— Только подписей свидетелей нет, – смущенно сказала Энни.

— Не волнуйтесь, сейчас будут, – старик нажал одну из кнопок на своем столе, и две статуи за его спиной внезапно ожили, поставили свои подписи на бумагах и вновь замерли.

— Странные свидетели, – тихо проговорил Билл.

— Ну все, объявляю вас мужем и женой, – сказал старичок, беззубо улыбаясь.

— А как на счет колец? – спросила полушутливым тоном Энни.

— ЭИИэ да вы я вижу старомодные, еще и кольца нужны? Ну что ж, надо так надо, – старик нажал еще одну кнопку.

В столе открылось небольшое окошечко, из которого выдвинулась платИ форма с двумя кольцами. Билл и Энни обменялись ими и поцеловались.

— Что, довольны? – спросил старичок. – Объявляю вас мужем и женой.

— А можно еще и свадебную фотографию? – спросила повеселевшая и осмелевшая миссис Олсон.

— Можно, смотрите сюда, не двигайтесь.

Раздался щелчок, и из боковой стенки стола выползло две фотографии.

— Смотри, Билл, а я хорошо получилась, – сказала Энни, улыбаясь. – Да и ты неплохо.

— Да уж.

— Все? – спросил бюрократ.

— Да.

— Идите и не мешайте мне работать.

Молодожены выпорхнули из зала бракосочетания и побежали на регИИ страцию. Теперь все прошло без сучка, без задоринки. Вскоре они уже находились на борту «Цереры».

— Билл, я так рада, — Энни прижалась к его плечу. — НаконецИтосверИ шилось, теперь мы семья и летим домой. А что это ты загрустил?

— Задумался немного, какИто все быстро произошло.

— Что, уже жалеешь?

— Нет, конечно, о чем мне жалеть?

— Тогда улыбнись, да улыбнись же ты, и скажи мне чтоИнибудь приятное.

— Даже и не знаю.

— Чертовски приятные слова. Хватит витать неизвестно где, скажи мне чтоИнибудь приятное, например: «Я тебя люблю»

— Я люблю тебя, Энн.

— О, Билл, ты произнес это так нежно, так проникновенно. Я тоже очень тебя люблю, дорогой, и всегда буду любить, — и она страстно поцелоИ вала его.

Так они долетели до Марса. На подлете к планете знакомый голос извеИ стил: «Внимание, уважаемые пассажиры, займите, пожалуйста, ваши места и пристегнитесь ремнями безопасности, наша посадка состоится на планеИ те Марс. Приятного путешествия». Как оказалось, «для удобства жителей Земли и гостей планеты» на Марсе был открыт магазин, занимающий огромную территорию и имеющий специализированные отделы на Фобосе и Деймосе. Здесь можно было купить абсолютно все: от микробовИ разведчиков, до небольшого астероида. Как гласила реклама: «При покупке двух астероидов, доставка производится бесплатно в любую точку Солнечной системы». У посетителей глаза разбегались от обилия товаров.

Кроме огромного магазина на Марсе находилась еще и крупная военноИ космическая база. Пассажиры, имеющие на руках оружие, вынуждены были расстаться здесь со своим военным снаряжением или вещами, споИ собными, по мнению экспертов, нанести вред. Оказалось, что Земля была превращена в демилитаризованную планету, на которой были запрещены все виды оружия.

Закупив подарки для родственников и друзей и избавившись от «военИ ных игрушек», Билл и Энни поспешили на борт корабля. Билл держался молодцом – за все время после свадьбы, он ни разу не выразил своего недоИ вольства, даже пытался быть приветливым и как мог, улыбался. После утоИ мительного тура по магазину, от невозможного обилия товаров и от огромИ ных трат, он просто свалился в кресло и уснул.

Звездолет отчалил от Марса и медленно поплыл в сторону Земли. Это был последний отрезок путешествия. Но добраться до Земли без остановки Энни и Биллу было не суждено: «многоуважаемым пассажирам» было предложено полюбоваться красотами Земли с лунной поверхности, посеИ тить только Ито только обновленное море Спокойствия. Во время осмотра гид с заговорщическим видом посмотрел по сторонам, а потом назвал цену, в которую обошелся ремонт объекта. В конце экскурсии пассажирам было предложено опробовать в действии недавно запущенную транспортную ветку «Луна Из Земля». Билл и Энни так и поступили. И вот наконец Ито родИ ной город, родной дом.

Такси притормозило возле невысокой деревянной оградки, за которой красовался аккуратно подстриженный зеленый газон, а за деревьями пряИ тался чистенький двухэтажный домик. Билл с удивлением уставился на водителя:

— Ты куда привез?

— Как, куда? Сами назвали адрес. Куда сказали, туда и привез.

— Что Ито не узнаю.

— Вон, на калитку посмотрите. Ваш адрес?

— Мой.

— Значит, приехали.

— И правда. Ладно, спасибо, дружище.

Билл и Энни стояли перед забором и не решались войти. Билл вообще потерял дар речи.

— Билл, ты как? — заволновалась Энни – Мы туда приехали, это твой дом?

— Адрес мой, а дом как будто подменили. Не знаю, может, они переехаИ ли?

— Так пойдем, спросим.

Но они не успели спросить, из садика навстречу гостям выскочила шустрая старушка. Она издала радостный возглас и бросилась на шею Биллу – это была его мама. Адрес оказался правильным, уже давно здесь жила семья Олсонов. Все были рады встрече. Билл в кругу своих родителей начал понемногу приходить в себя. Однако по Ипрежнему многое его удивИ ляло: и дом, и парк, разбитый вокруг дома, и внутренняя обстановка дома. Все было в новинку. Тем не менее, у него хватило сил представить семье свою спутницу.

— Пап, мам, позвольте вам представить – это Энни: моя жена. Мы обвенчались несколько часов назад (о причинах такого поступка он не стал распространяться).

— Поздравляю! Сын, ты теперь настоящий мужчина. Как говорится: совет вам да любовь, дети, – воодушевлено сказал отец.

— Наш сынок стал совсем взрослым, так быстро, – и мама Билла даже всплакнула. – Это от счастья, простите.

Все были растроганы. Однако Билл быстро взял себя в руки и спросил.

— Пап, как вы умудрились за это время все поменять, я просто ошараИ шен от изменений?

— А что, нравится?

— Да как сказать? Старый дом был роднее, там все было знакомо, а здесь все новое, чужое, даже непривычно какИто.

— Понимаю, мы с мамой после обмена тоже долго привыкали. А теперь ничего, пообвыклись и живем. Правда, Кэти (так звали маму Билла)?

— Правда.

— А зачем вы всеИтакипоменяли дом, наш ведь тоже был неплох и проИ стоял бы еще лет двести?

— А мы посмотрели рекламу, посоветовались с соседями и решились поменять. К тому же муниципальные власти активно содействовали тем, кто менял свои старые дома на новые. Вот теперь живем и радуемся.

— В принципе неплохо, мне тоже начинает нравиться.

— Всем нравится, вот и Гилгудам тоже по душе, помнишь их?

— Помню, я учился вместе с их Торенсом.

— Да, точно! Он теперь на Венере, говорят важная шишка. Так вот Гилгуды первые на нашей улице решили поменять свое старое жилье на новое. После обмена мы приходили к ним все посмотрели, нам понравиИ лось, и мы с мамой решились несколько разнообразить свой быт. Потом все соседи последовали нашему примеру. Теперь у всех новые дома. Нашу улицу теперь не узнать.

— Точно, я тоже сначала не узнал, думал, что ошибся, – улыбнулся Билл. – Надо будет Гилгудов навестить, посмотреть, что они себе отхватиИ ли. Они никогда ничего не упускали, всегда самое лучшее.

— Конечно, сходи, правда, в доме у них ничего интересного нет.

— Как нет, у них же раньше не дом был, а музей. Миссис Гилгуд любила собирать антиквариат: древние вазы, картины, скульптуры, какиеИтостранИ ные манускрипты, драгоценности?

— Да, но это было до замены дома, а теперь у них все то же самое, что и у нас.

— Что «то же самое»?

— Как что? Совершенно похожие дома, с одинаковой планировкой и обстановкой. Такие же, как и у остальных жителей улицы.

— То есть у всех все совершенно одинаковое? ВсеИве?

— ВсеИве.

— А почему? Папа, объясни, – у Билла сердце екнуло.

— Видишь ли, Билли. С тех пор, как ты покинул Землю, у нас многое переменилось. Новый президент выдвинул амбициозную программу «Победить пороки общества», — бедность, неравенство, зависть и так далее. И надо тебе сказать, что свои обещания он в целом выполнил. Все началось с домов: за счет властей всем были выделены новые, правда, совершенно одинаковые домики взамен старых. Теперь каждый стал собИ ственником, вне зависимости от своих доходов. Обстановка внутри домов

тоже стала абсолютна одинаковой, чтобы не было зависти. Иметь чтоИлибо сверх этого просто запрещено, так исчезла жажда наживы. Теперь у нас нет ничего лишнего или недостающего. Все научно доказано – расположение комнат и вся обстановка в доме успокаивает людей, благотворно влияет на их характер. Ты это тоже мог почувствовать. Таким образом, мы достигли равенства, и фактически полного спокойствия, причем в масштабах всей планеты. В точно таких же домах живут люди Америки и Европы, Азии и Африки, даже в Антарктиде – маленький городок ЛазаревИвилль превраИтился в многомиллионный ЛазаревИсити. И там люди живут в точно таких же домах, с такой же, как у нас обстановкой. Правда, весь город находится под куполом, поддерживающим умеренный климат. И это очень удобно: пойдешь к кому-Инибудь в гости и везде чувствуешь себя как дома. Никаких неудобств или стеснения нет. Правда, здорово?

— Наверно, – растерянно пробормотал Билл, – у всех одно и тоже.

— В этом есть еще один плюс. Преступности теперь тоже почти нет и с каждым годом ее все меньше и меньше. Правда, самоубийств еще много, но это ничего.

— Наверное....А магазины и школы тоже все одинаковые?

— УИуИуШкол теперь у нас нет. Их все объединили в одну и перенесли на Луну, а так даже спокойнее. Все университеты и институты находятся там же. Заводы тоже там – на обратной стороне. Магазинов на Земле тоже нет. Зачем они нам здесь? Мы всегда можем купить себе что-Инибудь, слетав на Марс. Вы были там? Это здорово.

— Ужасно... здорово.

— Билл, лучше тебе отдохнуть с дороги, ты чтоИтобледен, наверное, устал сильно, иди, отдохни. А потом расскажешь о себе. Ты, надеюсь, надолго, а то столько времени не был дома. Уже, наверное, забыл, как все выглядело? Да, сейчас и не узнаешь, так все изменилось. Но все равно, можно много о чем вспомнить. Останешься подольше?

— Да, хорошо было бы, – задумчиво произнес Билл, – но, честно говоИря, у меня столько неотложных дел, что просто нет времени отдыхать. Я так, заскочил на секунду, посмотреть, что у вас все в порядке, да подарки с Марса подкинуть. Нам с Энн пора лететь. Пойдем, Энн, нас уже заждались джунгли Прио, да и гробницу, наверное, достроили.

Об авторе

Родился в 1982 году в г. Куйбышеве Новосибирской области. Окончил НГУ по специальГности «история». В настоящее время является преподавателем НГТУ и НГИ. Начал писать небольшие литературные произведения с 2006 года. Есть публикации в изданиях «Магия ПК», «Навигатор игрового мира», «ШалтайГБолтай», «Очевидное и невероятГное», «Полдень XXI век» и др. В № 2 (7) за 2008 г. литературного приложения «ЗнаниеГсила: Фантастика» был опубликован рассказ «Улов».

Сергей Филипский

Без проблем

Как-то раз бывший участник науки Дима Гунькин, слегка небритый и немного непричесанный, подумал о том, что надо бы куда-нибудь отправиться — для еще одной встречи с каким-нибудь аномальным явлением. Об этом можно было бы изготовить репортаж, да и получить за него гонорар в газете или на телевидении.

В этот момент за неровной верхушкой выцветшего дощатого забора появился великий детектив таинственных случаев Альберт Йодов — всегда крепкий, соответствуя постоянному обитанию средь необычных событий:

— Это хорошо.

— Что хорошо? — не преминул поинтересоваться Димин сосед Аверкий Трофимыч, невысокий пожилой, в зипуне и в шапке-ушанке (не взирая на то, что лето сейчас), приподнимаясь с уютной скамейки возле своего дома.

— Хорошо, что вы оба здесь. В ходе проведения мною расследования очередного таинственного случая я выяснил, что скоро сюда придет новый охотник за аномальными явлениями. Некто Тщетнов. Ему нужны помощники, знающие местную округу. Вам надо поучаствовать в поисковых мероприятиях, организуемых Тщетновым. Дабы узнать: что же ему нужно? Я же срочно спрячусь где-нибудь поблизости, чтобы оттуда наблюдать за происходящим... — Альберт убрался со двора.

— Ну, вот, — произнес Трофимыч. — Опять мы в гуще приключений.

В этот момент с улицы раздался скрипучий голос:

— Я — Тщетнов! Могу избавить вас от всех проблем.

По ту сторону калитки стоял незнакомый мужчина — высокий, худощавый и весь какой-то острый. С желтым блокнотом в руках.

— Так-то и от всех?— настороженно произнес Дима.

— Без исключения, — одетый по-походному, в штормовку, широкие штаны и высокие ботинки, незнакомец ухмыльнулся. — У вас совершенно не будет проблем. Но для этого нам с вами надо побывать в одном местечке. Называется деревня Ватрушка. Там мы найдем одну вещицу, после чего все ваши проблемы устранятся навсегда.

— А почему бы и не отправиться?

— Погоди так скоро соглашаться, — торопливо посоветовал Трофимыч. — Это может вызвать подозрения в том, что мы собираемся что-то выведать у него.

— О! — воскликнул Тщетнов. — Напрасно волнуетесь. Я не делаю из своего творчества никаких секретов. Хотя бы потому, что это практически неосуществимо при нынешнем уровне развития шпионажа. Наоборот. Я всячески пропагандирую свое творчество.

— Какое такое творчество?

— Применение редких изобретений... Ну, что? Знаете, как добраться до Ватрушки?

— Знаем, — кивнул Дима.

— Тогда прямо сейчас — прямо туда?

— Идем!

Они вышли на улицу, которая привела за окраину города — к ответвляюИщейся от шоссе асфальтовой дороге. Дорога, рыская меж рощ, пересекла бетонный мост через ручей. Затем была равнина с утвердившимися коеИгде многоэтажными коттеджами.

— Это уже Ватрушка? — спросил Тщетнов.

— Да, — сказал Дима. — Что ищемИто?

— КоеИчто, похожее на видеокамеру.

— Вижу такое!

— В самом деле?! — остро рассмеялся Тщетнов.

Дима кивнул на огромный дуб у поворота дороги:

— Вон, в ветвях.

— О! Там чтоИто поблескивает... — Тщетнов взобрался на дуб по толстым ветвям. Через минуту спрыгнул назад. Принялся разглядывать, вертя в ладонях, чтоИто...

Приблизившись к нему, Дима и Трофимыч увидели вещицу размером со спичечный коробок.

— Не оченьИто она напоминает видеокамеру, — сказал Трофимыч. — Больше смахивает на гроздочку кристаллов.

Тщетнов спрятал вещицу в блокнот:

— Видеокамера и есть. Точнее, одна довольно загадочная ее разноИвидность. Изготовлена в начале XX века. Так называемая Бельгийская Следяка. В те годы, накануне Первой мировой войны, гдеИто в этих окрестностях будто бы упал опытный образец наиновейшего по тем вреИменам датского аэроплана секретной модели, совершающего испытаИтельный полет. Тогда многие разведки мира подсуетились, засылая своих агентов для его обнаружения. В результате аэроплан так и не нашли. Зато насытили всю округу всевозможным шпионским оборудованием. Которое, кстати, тоже представляет собой опытные образцы секретных конструкций. Причем все их изобретатели, по странному стечению обстоятельств, кудаИто исчезли, так и не успев довести их до ума. Так что сосредоточенные в деревне Ватрушка шпионские устройства представИляют собой совершенно неведомые разделы науки и техники. Надо их взять. И почему бы заодно не попытаться сделать то, что не удалось ведущим разведкам мира начала XX века? Взять, да и найти секретный датский аэроплан!

— Но объясните: каким образом это приведет нас к жизни без проблем?

— Вскоре вы это узнаете... — уклончиво произнес Тщетнов.

— Гм, — сказал Трофимыч. — Кажется, проблемы у нас все ж пока приИсутствуют.

Тщетнов остро вскинул голову. Тоже увидел приближающегося здоровяИка:

— Скорее всего, это местный житель.

— Наверное, сейчас начнет выяснять: зачем мы в Ватрушке? — выдвиИ нул гипотезу Дима.

У здоровяка, помимо гигантских габаритов, присутствовали пронзительноИ насмешливое поглядывание и чрезвычайно короткая стрижИ ка. На нем были мутные резиновые полусапожки, потертые брюки, бесИ форменные серый свитер с потускневшим узором...

Здоровяк остановился в нескольких шагах и задорно провозгласил:

— ВыИто как раз срочно мне необходимы!

— Вот как? — откликнулся Дима.

— Ну, да! Ведь я — Брюквин! Местный миллионер.

— И что?

— Несколько минут назад все и произошло. Я усиленнно занимался досугом. На сей раз — перелистывал подборку газетных вырезок, посвяИ щенных необычным случаям... перелистывал, перелистывал, как вдруг нагрянул ветер и утащил ее со стола...А ведь она была таких внушительных размеров. Наклеенная в толстенном альбомище крупного формата... Упорхнула. Но я огорчаться не стал. Отправился проверить: может, ветер ее обронил, может, она валяется гдеИ нибудь неподалеку... Но нет. Не валяется. Зато на вас наткнулся. Как же прекрасно, что вы здесь! Уж выИто поможете найдти мою газетную подборочку! Ведь так?!..

— ...ВообщеИ то мы — большие специалисты по разным таинственным загадкам! — счел за необходимое поведать Трофимыч.

— Поищем, — сказал Тщетнов.

Обшарпанный миллионер Брюквин выжидательно уставился на него. Тот повертел в руках блокнот и, вытащив из него миниатюрные наушники, надел их:

— Похоже, у вас серьезные проблемы, господин Брюквин.

— И не говорите!.. — отозвался Брюквин. — А что за проблемыИто?!

— Вы попали под действие так называемого Энигмохапа — устройства для сбора информации из разряда раритетного шпионского оборудования. К счастью, мы неплохо оснащены.

— Наушниками! — сообразил Трофимыч.

— Они настроены на улавливание зондирующих волн, которыми Энигмохап сканирует пространство вокруг себя для обнаружения объектов, содержащих в себе какуюИ либо загадку.

— Ох, я обожаю непостижимые загадки! — признался Брюквин.

— Как говорится, это что же получается? — сказал Трофимыч. — Получается, что у нас имеется своеобразный пеленгатор, с помощью котоИ рого мы сможем выйти на Энигмохап...

— Вроде того, — Тщетнов повернул голову на север: — Надо искать там.

— Так давайте же приступим! — воодушевился Брюквин.

Трофимыч, видно, посчитав, что без него добраться до неведомого Энигмохапа вряд ли получится, сделал несколько решительных шагов со словами «Сейчас настигнем!» и... плюхнулся на траву!

— Это на вас подействовал Энигмохап, — выразил свою точку зрения Тщетнов.

— Так вот он какой, сбор информации поИзнигмохапски! — возмутился Трофимыч. — Уволакивание заинтересовавших его предметов к себе при помощи непонятной силы!

— Наверное, у вас с собой есть какаяИто вещь, заинтересовавшая Энигмохап. Поэтому наша задача его нахождения значительно упрощается.

— Не нравятся мне такие упрощения! Не хочу, когда меня какаяИто необычная необычность тащит в какуюИтоневедомую неведомость!.. — Трофимыч вдруг заскользил по траве — на спине, головой вперед: — Ой! Меня утаскивают за зипун!

Дима схватил Трофимыча за рукав зипуна. Однако это не оченьИто помогло. Не помогло и то, что здоровяк Брюквин тоже вцепился в зипун. Зипун легко транспортировал за собой и Трофимыча, и Диму, и Брюквина...

— Не отдам зипун! — завопил Трофимыч.

Брюквин, напрягая свои могучие мускулы, крикнул Тщетнову:

— А вы что не помогаете?

Тщетнов, поспевая за ними, повествовал:

— Я очень даже помогаю. Я придумываю всякие способы, как вам спаИ стись...

— Как говорится, это долго будет продолжаться? — занедоумевал Трофимыч.

— Будем надеяться, что нет, — проявил оптимизм Дима.

Зипун дернулся мощным рывком и помчался с еще более внушительной скоростью.

— У меня нерадужное известие, — сказал Дима.

— Какое? — всполошился Трофимыч.

— Домик, к которому мы несемся.

Домик, вроде бы деревянный, шустро надвигался. Трофимыч, Дима и Брюквин, влекомые зипуном, врезались в него...

От удара домик рассыпался фонтаном обломков.

Трофимыч, Дима и Брюквин понеслись дальше.

— Странный какойИтодомик, — поразился Дима. — Как же так мы лихо разметали его, сами ничуть не повредившись?

— Это декорации. Из бутафорского материала, — пролил свет на непоИ нятное Брюквин. — Для моей будущей киностудии.

Затем на их курсе возник с десяток кафешных столиков.

— Тоже декорации? — догадался Дима.

— Да, — подтвердил Брюквин.

Когда вломились со всего разгону в столики, оказалось, что они довольИ но непринужденно могут переворачиваться, крушиться и даже возноситься в воздух.

Разделавшись со столиками, помчались ко дну оврага, где было невзрачИ ное строеньице наподобие недовозведенного амбара из кривых темных досок.

Проехавшись по косогору, Дима, Трофимыч и Брюквин, уже почти достигнув амбара, внезапно остановились — буквально в нескольких санИ тиметрах от него. Амбар, как ни в чем не бывало, причудливо таращился своими приоткрытыми воротами.

— В общем, — сказал Тщетнов, — вот мы и прибыли.

— Стало быть, — Брюквин потопал полусапожками, наверное, сам не зная, зачем, — тот самый Энигмохап, который похитил мою бесценную газетную подборку, где-то неподалеку?

— Да... — Тщетнов упругим шагом обогнул амбар и что-то поднял с травы:

— Находочка!

— Что там? Что там? — оживленно произнес Брюквин. — Уж не моя ли газетная подборочка?

— Пока что нет. Но, судя по верным признакам, вам недолго осталось ждать, когда мы настигнем ее. Как впрочем, и Диме с Трофимычем — получения того, что называется «без проблем».

— Как бы не так! — со стороны густых кустов донесся грубый голос.

— Что такое?! — остро вскинул лоб Тщетнов. — Неужели этот дилетантик Возюкин опять мешается на моей поисковой стезе?!

— Да, это я, — самодовольно подтвердил голос. — И, похоже, на сей раз я тебя опередил!..

— Ну, в общем, это мы еще посмотрим, — Тщетнов торжествующе возделал руку, в которой была зажата какая-то загогулистая тусклая деталька: — Ведь я заобладал вот чем!..

— Вижу-и-вижу. У тебя — Норвежская Тоталка. Ну так что ж?! А у меня зато — угадай что?

— Тут и гадать нечего. Судя по твоему развеселенькому тону, ты натакнулся на датский аэроплан?!..

— С чем себя и поздравляю. И сейчас, похоже, я на нем отбуду из данного региона, а вы тут можете оставаться. Можете даже полазить по округе в надежде отыскать какие-нибудь остатки раритетной шпионской техники. Но вряд ли что-нибудь найдете. Потому что я вас опередил: вся она погружена на датский аэроплан. Жаль, конечно, что Тоталку я не успел взять. Но ничего: уловец и так неплохой.

— А Тоталка у меня!

— Ну и что?

— С ее помощью я определю, где ты!

— А чего определять? — удивился Трофимыч. — В кустах он.

— Ну нет! Меня так просто не проведешь! Уж я-то уловки Возюкина прекрасно знаю. В кустах — лишь подложенный им громкоговоритель. А сам этот дилетантик — где-то совсем в другом месте... Итак! Что мне показывает Тоталка? Тоталка показывает: Возюкин — в амбаре.

— Не успеешь! Не успеешь! — злорадно захихикал Возюкин.

Из глубин амбара раздалось тарахтенье. Затем из его ворот вылетело что-то, отдаленно подобное своими очертаниями самолету: эдакая зеленовато-серебристая приплюснуто-обтекаемая грушевидная штуковина с массой то ли крыльев, то ли стабилизаторов разной длины и формы. На одном из крыльев сидел, преисполненный радости, тощий сухонький человек, сжимающий в охапку большущую прямоугольную сумку.

— Так вот он какой, аэропланчик датский! — сказал Дима.

— Еще то созданьице! — поддержал разговор Трофимыч.

Однако далеко датскому аэроплану улететь не довелось. В нескольки метрах от амбара он вдруг опустился на землю.

— Ну что, Возюкин? — спросил у него Тщетнов. — Не получилось у тебя заграбастать старинные приборчики?!

— Не понимаю... — пригорюнился Возюкин. — Почему аэроплан остаИ новился?

— Все очень просто, — неожиданно подошел Альберт Йодов. — Энигмохап удерживает его.

— Но Энигмохап разве не у меня в сумке?

— Значит, нет.

— Но я же все шпионские раритетики в округе подсобрал.

— Кроме Тоталки и Следяки, — напомнил Тщетнов.

— Ну, они не в счет...

— Значит, не все, — сделал вывод Альберт.

— Ну и где же Энигмохап?

— Ох, и не нравятся мне такие излишне заковыристые загадки... — сообИ щил Тщетнов.

— Мне тоже.

— Давайте уточним, — напомнил о своем присутствии Брюквин. — Мы уже добрались до того, что похитило мою газетную подборочку?

— Да, — сказал Тщетнов. — Мы — гдеИтоококо...

— Ну и где же, спрашивается, подборочка?!.. Ах, да! Вот же она! — Брюквин сноровисто выдернул из травы у амбара объемистую подшивку.

— Пока что невозможно унести ее отсюда, — сказал Альберт.

— Почему?

— Энигмохап не даст.

Тщетнов остро обратился к Возюкину:

— Так что вытряхивай из своей сумочки то, что ты тут насобирал.

— Придется, — угрюмо согласился тот. — Иначе я ее отсюда не унесу. Ведь Энигмохап будет притягивать раритетики... Ты, кстати, тоже освобожИ дай свой блокнот. По той же причине.

— Ну и ладно. КакИнибудь без найденных Бельгийской Следяки и Норвежской Тоталки обойдусь... А что делатьИто?Да ничего! Поскольку отыскание Энигмохапа, похоже, существенно затягивается...

Разгрузив сумку и блокнот, от чего на траве появилась масса невиданИ ных устройств из металла и кристаллов, Тщетнов и Возюкин пристально посмотрели за пределы оврага.

— У меня наготове еще много разных неразгаданных тайн, — сказал Возюкин.

— ЗнаюИзнаю, что у тебя на уме! Тайна Степного Корсара! — сказал Тщетнов.

— Естественно. Ведь до нее отсюда не так уж далеко...

— Но вот какой нюанс! Тайна Степного Корсара не может обойтись без моего участия!

— Так давай посмотрим: кто раньше успеет с ней разобраться?!

— Еще как посмотрим!..

— Вы нам обещали, что мы найдем «без проблем», — напомнил Дима.

Тщетнов кивнул. Поднял из кучки шпионского оборудования, что была выгружена из сумки Возюкина, небольшой радужный булыжник:

— Вот это устройство устранит любые ваши проблемы. Это так называеИ мый Фиксатор Успеха. Достаточно держать его при себе, и тогда все проИ блемы исчезают.

Тщетнов положил булыжник обратно и побежал в одну сторону, Возюкин — в другую. Вскоре они скрылись за обрамляющими овраг кустами.

— Экие настойчивые, — произнес Брюквин.

— Самое примечательное во всей этой истории то, что наконец найдеИ но коеИчто очень и очень важное с точки зрения развития технической мысли, — сказал Альберт. — Вначале разведки искали секретный датский аэроплан. Затем — шпионские приспособления — все эти Следяки, Тоталки и прочие невиданные вещицы. Но во внимание искателей какИто не попало наиболее ценное. То приспособление, благодаря которому все и началось, когда притянутый им датский аэроплан приземлился здесь.

— Что за приспособление? — спросил Дима.

— Энигмохап.

— Как же определить, который из всех этих необычных приборов — Энигмохап?

— Поскольку газетная подборка осталась лежать у амбара, то...

— Амбар — Энигмохап и есть! — воскликнул Дима.

— Правильно.

— Что же он к моему зипуну привязался? — спросил Трофимыч.

— Наверное, у тебя загадочный зипун.

— Зипун я не отдам. Никакому Энигмохапу.

— Тогда нам остается выяснить, как Энигмохап обездействуется...

— Только побыстрей. А то, очевидно, этот Энигмохап вовсю продолжает притягивать всевозможные тайны. В частности, похоже, Тайну Степного Корсара.

Действительно. Вздымая облака пыли, по склону оврага на них надИ вигался кувыркающийся катамаран, от которого удирали Тщетнов и Возюкин.

— Ну, вот... — сказал Дима. — Опять очередные приключения.

— А это теперь — настоящая ерунда, — сказал Трофимыч. — Потому как у нас теперь есть устроитель «без проблем».

— А, может, не надо выключать Энигмохап? — предложил Дима.

— Это почему?

— Тогда не надо будет охотиться за тайнами.

— То есть, они сами будут доставляться сюда?..

— И у нас будут гарантированные гонорары в газетах и на телевидении за репортажи о них!

— Звучит отлично! — согласился Трофимыч. — Но как же быть с моим зипуном? Не согласен я, чтобы какойИтогам Энигмохап забрал его.

— Тогде нам остается вот что!..

— Что?!..

— Взять, да и разгадать тайну твоего зипуна.

— Верно! Тогда, поскольку тайна перестанет быть тайной, Энигмохап отпустит его.

— Да!.. Так в чем же она, тайна твоего зипуна?.. — призадумался Дима.

Об авторе

Родился в 1960 году на Дальнем Востоке в городе Шилка Читинской области. Окончил физический факультет Воронежского государственного университета. В настоящее время работает художникомГдизайнером в типографии. Пишет юмористическую фанГтастику. Первая значимая его публикация — в московском журнале «Сокол» (№ 1, 1995 г.): рассказ «Увидеть мир по иному». Публиковался в журналах «Юный техник» (Москва), «Губернский стиль» (Воронеж), «Порог» (Кировоград), во многих газетах. Рассказы вышли в первом сборнике воронежских фантастов «Ликвидация последствий» (1999 год) и двухтомнике «Страницы Воронежской прозы» (2004 год), в который вошли произведения писателей, жизнью и творчеством связанных с Воронежским краем. В этом издании был помещен рассказ «Волшебный кошель». Автор книги фантастических приключенческих повестей для детей «Шпионы крадутся хитро» (г. Воронеж, 2010 г.). Филипский — лауреат воронежской премии имени журналиста А. А. Пятунина.

На сегодня им написано несколько десятков фантастических произведений, в том числе и пока еще не опубликованный цикл рассказов «ГдеГто по соседству» — об охотниках за аномальными явлениями в провинциальном городе.

Юлия Аметова

Наследство Кокорюкиных

— Баб, дай денег, я к Лешке Рахманову на день рождения иду! — заявил Витька, появляясь в дверях кухни. — Пить будем!

— Рано вам еще пить в пятнадцать лет!

— И ничего не рано! Мы уже взрослые! Лешку отец даже в дворянское собрание с собой водил, и меня обещал сводить! У меня тоже предки двоИ ряне, Кокорюкины с шестнадцатого века в Козловске живут! ТыИто,конечИ но, не Кокорюкина, тебе все равно, а я дворянин!

Бабушка вытащила из шкафа хозяйственную сумку.

— Предки у тебя, дворянин Кокорюкин, может и хороши, да что толку?

— Как что толку? А наследственность? Генетика? Конечно, в твое время генетику запрещали, вот ты ее и не признаешь! А на самом деле предки — это... это...

Бабушка положила в сумку деньги.

— ВоИпервых, я генетику пятнадцать лет в школе десятиклассникам преподавала, а воИвторых, если ты так уважаешь предков, послушайИка одного из них, то есть меня. Сейчас я схожу на рынок, а ты тем временем разбери чулан в подвале.

— Что? Чулан? Почему я? Не буду!!! — возопил Витька, но бабушка уже закрыла за собой дверь. Ну вот, пожалуйста! И денег не дала! А он должен разбирать чулан, как будто нет ничего интереснее в доме Кокорюкиных! Говоря строго, двухэтажный особняк, в котором жил Витька, перестал быть домом Кокорюкиных еще до революции — за приличные деньги большую его часть продали купцу Самохвалову. А уж после революции прежним хозяевам остались только две комнаты да тот самый чулан в подвале.

Вздыхая, Витька побрел в подвал. Чулан был размером с хорошую комИ нату, и в нем размещалось все то, что семье Кокорюкиных жаль было выбросить в продолжение последних ста лет. По стенам гроздьями висели пахнущие пылью старые пальто, в углу кучей громоздились ведра и корыта, на полу — стопки журналов и газет сорокалетней давности. Прямо перед дверью стояла дореволюционная чернолаковая этажерка с книгами, а сверху на ней — кожаный футляр с прадедовским биноклем. Витька открыл его — внутри на крышке еще виднелась чернильная надпись: поручик Кокорюкин. В бинокль надо на чтоИнибудь посмотреть! Витька торопливо повернулся к двери, зацепился ногой за стопку журналов, падая, схватился за этажерку и вместе с ней обрушился на пол.

Ну вот, теперь, хочешь, не хочешь — надо разбирать эту кучу! Витька тоскливо посмотрел на жесткие переплеты, кожаные уголки и желтые от времени страницы. А это что? Из одной книги выпало чтоИтоплоское,

завернутое в газету с непривычно мелким шрифтом. Витька развернул газеИ ту, в ней оказался конверт, а в нем... Что такое? На коричневой, с протертыИ ми сгибами бумаге красовались крупные черные буквы — не то печатные, не то рисованные.

«Доношу святому отцу протопопу Иллариону, что июля 17Гго дни, года от Рождества Христова 1737Гго, в городе Козловске на реке Иловой видана была многими диковина великая. На берегу, супротив дома дворянина Александра Иванова сына Кокорюкина сошел с неба шар огненный, а из него к земле – огненный же столп. Из столпа вышли три персоны некие, по виду люди, но ростом невеликие, головами лысые, и вместо платья белым светом убраны. Народ к ним побежал, но они только руками махали да кричали невразумиГ тельное. Недоросль Кокорюкин Михаил вперед всех выскочив, начал в шар каменьями кидать, но до лысых не добежав двух сажен, был закинут в кусты силой невидимой и неведомой. Понеже явилось пламя великое, в коем шар проГ пал вместе со столпом, а лысые пошли по реке яко посуху, и по воде от них молнии побежали. А после того вошли они в лес, и боле их не видели.

Дьяк Костка Вонифатьев».

Ничего себе – НЛО! А Кокорюкин тогдашний — молодец, не испугался! А еще что тут? Начало другой бумаги было оторвано, Витька начал читать с середины.

«Генваря 12Гго, года 1743Гго, лейбГкомпании сержант Кокорюкин Михаил, вместо того, чтобы стоять перед столовой Ее императорского величества Елизаветы Петровны и смотреть, чтобы соловью Ее императорского величеГ ства, который на стене в столовой, вреда бы от кошек не было, с караулу самовольно отлучился. В трактире у Федотки Гнилого напился он безобразно пьян, так что едва ходить и говорить мог, почему и требовал, стоя на улице, себе карету. Кареты не получив, сержант Кокорюкин взошел на постоялый двор Семена Демидова за Сенным Рынком, где саблей изрубил в щепы стираль Г ную лохань и на прачке изодрал рубаху. После того вошел в камору, где помещаГ лись три лысые купца из Козловска, кричал, что они есть исчадия диавольские, вылил на них ведро воды и кинулся драться, а за неимением у них волосов драл козловцев за уши нещадно. Меня же, сержанта Чернова, который остановить его хотел и за воротник схватил, начал зубом есть за руку. В то время сделаГ лось в каморе светло, как днем, и молнии по полу побежали, а сержант Кокорюкин, пробыв в молниях малое время, с лестницы свалился и был мною к полковому лекарю препровожден. Повреждений телесных, а тако же ожогов у него не обнаружено было, однако пониже спины у сержанта Кокорюкина нашелся хвост величиною с ладонь, каковой хвост за две недели с того времени еще на ладонь вырос. Ввиду такового обстоятельства и по особой протекции Ее императорского величества с марта первого дни сего года сержант Кокорюкин Михаил сын Александров определен на службу в Кунсткамеру уроГ дом.

Составил сию записку сержант Чернов Алексей.»

Что за глупости! Хвост какойИто...Оставалась надежда, что последняя бумажка будет понятнее.

«Приветствую тебя, брат Арсений, из родительского дома в Козловске. Ты пишешь, что ехать ко мне из Петербурга не хочешь и что жизнь в провинции скучна беспримерно, однако вот твоим словам опровержение. Опишу тебе все подробно, тем более что до сих пор тебя по молодости лет оберегали от той правды, которую надобно тебе знать.

Дед наш, известный Михаил Александрович, служил в Кунсткамере уродом, поскольку имел длинный чешуйчатый хвост. Хвост этот составлял несчастье всей его жизни, однако вместе с тем доставлял пропитание и ему, и его семье. По смерти своей дед оставил завещание, в котором среди всего прочего остеГ регал нас, его потомков, от употребления вина, буйства гнева и встреч с лысыми людьми. Отец наш никогда не придавал значения этим словам, считая, что они писаны не в твердом разуме, а потому заветом пренебрегал и кончил свою жизнь с хвостом длиною в два вершка, выраставшим на полпальца при каждом приступе гнева. Я же, от природы не обладая ни пылкостью нрава, ни склонностью к горячительным напиткам, также жил, не задумываясь о завеГ те деда, до сего дня.

Однако нынче, в седьмом часу утра, случилось то самое происшествие, которое и побудило меня написать тебе. Неизвестно откуда перед моим окном в саду появились три небольшого роста лысых человека, по виду купцы или мещане. Я спросил того из них, кто показался мне старшим, кого им надобно, на что он отвечал, что хотел бы видеть потомков Михаила Кокорюкина. Я назвался, он приблизился ко мне, и я увидел, что ни волос, ни бровей, ни ресниц на нем не было, а в глазах у него нет ни радужек, ни белков, одни лишь черные зрачки. Рассказ его был еще более необычен, нежели его вид. По его словам, он и его товарищи — жители далекой звезды, с которой они добрались до нас на особенном «летательном корабле». «Корабль» этот взорвался в нашем помеГ стье во времена юности нашего деда, причем дед сыграл не последнюю роль в этом несчастье. При второй случайной встрече, защищаясь от нападения нашего предка, путешественники невольно причинили ему какоеГто повреждеГ ние организма, которое теперь передается из поколения в поколение всем его потомкам. Исправить это повреждение можно, только если на помощь путеГ шественникам прилетят их друзья на другом «корабле», а потому лысые путеГ шественники сочли своим долгом предупредить меня о том же, о чем предупреГ ждал в завещании дед. В доказательство истинности своих слов старший путешественник отдал мне два документа, которые я тебе в письме и посыГ лаю. После этого путешественники исчезли.

Хотя происшествие сие выглядит невероятным, я склонен верить лысому путешественнику, а потому прошу тебя, Арсений: не пей вина и не предавайся гневу, ибо украшение чешуйчатое может постигнуть тебя во всякое время, как и любого из потомков Михаила Кокорюкина, одним из которых остаюсь.

Любящий тебя брат Андрей»

Витька вскочил с поваленной этажерки, руки у него дрожали. Вот тебе и генетика! А онИтовсе утро «предавался гневу»! Кажется, пониже спины уже

чтоИточешется! Или нет? Но у Лешки он не выпьет ни капли! Или вообще не пойдет на день рождения!

В дверь чулана заглянула бабушка.

— Ну как, Витюша, разобрал?

Витька дрожащей рукой протянул ей бумаги. Она внимательно прочла, нахмурилась, потом улыбнулась.

— Ну что ж, даже если все это чистая правда, человек, уважающий генеИ тику, не должен пугаться. Ты отстоишь от сержанта Кокорюкина на восемь поколений, а значит, по законам генетики, вероятность заработать хвост у тебя не больше, чем одна двести пятьдесят шестая часть.

Витька облегченно вздохнул. Одна двести пятьдесят шестая – это еще ничего. Но все же... Он потянулся к футляру с биноклем. А сам подумал: «Пусть все же лысые путешественники скорее прилетят».

Об авторе

Родилась в 1956 году в Москве. По профессии инженер, в 1978 году окончила МИСИ, живет в Москве, работает главным специалистом в проектной организации. Пишет давно, с ранней юности — стихи, пьесы, повести и рассказы, но все это не опубликоваГ но. Сейчас пишет только фантастику — написаны три романа, три «космические оперы» и около тридцати рассказов, в основном мистика и космические приключения. Пятнадцать рассказов уже напечатаны: в «Космическом веке» (с 1996 по 2000 годы), «Чудесах и приключениях» (1994 год), «Тайной силе» и «Ступенях оракула» (с 1999 по 2001 годы).

Владимир Молотилов

Хроника пикирующего бомбардировщика

Золотистую монету солнца неумолимо пожирало грозное чудовище – надвигающаяся туча. Последние лучи веером рассыпались по ее краям, не желая сдаваться. Деревья с волнением зашептались и начали покачиваться. Никола почувствовал, как жарит виски. К нему возвращался глас Эфира.

Никола упал на колени, запустил руки в волосы и закрыл глаза. И полился голос, манящий и ровный, как журчание весеннего ручья. Не было, конечно, ни формул, ни научных терминов, только идеи, чистые и простые, но понятные лишь одному ему. Никола почувствовал легкую эйфорию, кончики пальцев задрожали. Идеи складывались в необычайно правильную мозаику, оригинальную, как само мироздание. Никола похоИ дил в эти минуты на медитирующего восточного мудреца.

«Благодарю тебя, Голос, за то, что ты не оставляешь меня, за то, что избираешь меня, как и прежде. Поверь, я не подведу тебя...»

Командир дрейфующего крейсера, маслянистый и зеленый гуманоид Ыусмл, облизываясь длинным шершавым языком, разглядывал в монитор приближающуюся планету. Заветный шар чуть поблескивал одной полоИ винкой, тронутый разбавленными космосом лучами единственной звезды. Красота, да и только! А главное — там должно быть бесконечное множество болотного мха. Все признаки указывали на это обстоятельство.

«Мха хватит на несколько поколений. Пора прекратить скитания по бесконечным просторам Вселенной! И эта планета подвернулась как нельИ зя кстати. Захватить ее, обосноваться и начать, наконец, оседлую жизнь»

Ыусмл задумчиво постучал когтями по панели.

«Правда, планета явно населена гуманоидами, иначе откуда эти странИ ные строения, замеченные зондом? Но вот вопрос: на какой стадии развиИ тия их цивилизация? На орбитах не болтается ни одного спутника. Значит, еще даже не освоили космос?! Это обнадеживает. Стало быть...»

«Завоюем в два счета», — прошептал Ыусмл. «Хотя лишняя осторожИ ность в данном деле не помешает»

И Ыусмл принял решение. На всякий случай он распорядился выслать бомбардировщик с пилотомИрботом.

«Сбросить бомбу, и если... Если не будет никакой реакции, тогда пусть вся эскадра зеленоидов стартует с крейсера и вторгается на планету...»

Голос перестал вещать с последним ударом молнии. Туча затянула все небо густыми перинами. Бесконечные дождевые нити прошивали трепеИ щущие листья деревьев. Никола поднялся с земли и, словно пьяный, побрел к башне. Его рубашка промокла до нитки, волосы прилипли ко лбу, но ему было нипочем.

«ДаИда, сейчас самое подходящее время. Надо приступать. Небо над башней разряжено. Точку я уже давно посчитал. Там безлюдно, только тайга на сотни километров. Никому не будет вреда. Но зато весь мир узнает о моем оружии... Остолопы! Болваны, закостенелые болваны! Я покажу вам, неучи, чего стоят ваши насмешки...»

Ыусмл напряженно следил в монитор за оторвавшимся от крейсера бомИ бардировщиком. От волнения в уголках рта начала выделяться желтая слизь.

«НИда, квадрат посадки выбран подходящий, – облизнулся Ыусмл. – Ближе к холодному полюсу полушария – там наверняка огромные запасы болотного мха. Бомбардировщик, подлетая, выпустит ракету с боеголовкой в сторону экватора, где, несомненно, должно быть скопление теплолюбиИ вых гуманоидов, а сам сядет в данном квадрате и соберет для пробы образИ цы мха».

Ыусмл почесал когтями живот и похвалил себя: «План просто гениальИ ный!»

Стремглав Никола забрался по лестнице на самый верх башни. Установка в гордом молчании ждала своего часа. Глаза Николы засверкали. Захотелось погладить холодный металл руками, но он сдержал глупый порыв.

«Хм, странно и смешно. Хоть бы раз почувствовать, что такое сомнеИ ние... Ладно, приготовимся... Одна лишь тонкая нить, незримая нить, выпущенная из этой башни Ворденклифф, пронзит ионосферу – как проИ сто. Никаких проводов... Как же называется та область в темной России? Сибирия? Нет, кажется, Сибирь. На глобусе она не подписана... Разряд должен попасть в небо над Сибирией, и разжечь свечение... И его заметят, его увидят все. Завтра об этом напишут в газетах»

Никола склонился над пультом, произвел какиеИтоколдовские манипуИ ляции с кнопками и рычагами.

«Вот и все! Осталась самая малость – запустить генератор... Кто бы сомневался? Я знаю об электрическом токе все, что знает о нем Бог. И даже больше того...»

Ыусмл неотрывно наблюдал за полетом бомбардировщика. Небольшой кораблик стремительно приближался к заветной планете. «Еще немного времени, и он достигнет ионосферы этой заманчивой планеты. А потом отделится ракета. И тогда все станет ясно».

Ыусмл почесал когтями за ухом замысловатой формы и тихонько чихИ нул.

«Да пребудет с нами сила!»

Никола испытывал особое, напряженное состояние, какое бывает тольИ ко перед важным свершением. Перед его глазами уже блестело небо над Сибирией, переливающееся цветами радуги. Он всегда знал заранее, чем все кончится.

«Все готово. Пора запускать»

И Никола сдвинул большой рычаг до упора. И над башней, точнее, из башни, ударила молния, как будто гроза снова вернулась, и разразился гром, и сотряслись окрестности.

«Пусть теперь засверкает небо над Сибирией. А я прочитаю завтрашние газеты».

У Ыусмла затряслись конечности, в уголках рта появилась желтая слизь. Такого вероломного удара он никак не ожидал. Как только бомбардировИ щик достиг ионосферы, невидимая нить мощного скрытого оружия пронИ зила его, он взорвался, как праздничный фейерверк, и огненной кометой упал на тот самый квадрат, куда должен был сесть.

«Это невозможно! Они обладают величайшим во Вселенной оружием аргкхов! Только аргкхи, единственные на всех просторах Вселенной, сумеИ ли приручить электрическое поле собственной планеты и создать оружие, не сравнимое с атомной бомбой. Аргкхи унесли его секрет с собой в могилу.

А спутники? А космические станции? Ну конечно, защитное поле! Эти чертовы гуманоиды знают, как делать объекты невидимыми для других! Они владеют самыми совершенными технологиями!»

Ыусмл грубо выругался вслух на языке зеленоидов и крякнул.

«Все! Уходим отсюда! Срочно уходим! Еще несколько мгновений, и подИ лые гуманоиды таинственной планеты ударят по крейсеру. И тогда зеленоИ идам конец!»

И Ыусмл отдал приказ немедленно покинуть эту галактику. Очень тяжеИ ло ему было на душе, но, увы, чудная планета уже сияла зловещим блеском.

А в туманной России, в далекой тайге, земля содрогнулась, и оглушаюИ щий гром пронзил окрестности, и вспышка света поглотила видимое проИ странство.

Но после того, как светящийся объект с длинным огненным хвостом упал на Подкаменную Тунгуску, небо над Сибирью потускнело, и воцариИ лась гробовая тишина. И на сотни километров не стало слышно птичьего щебета, и замолчали сожженные деревья. А потом над рекой поднялась сплошная серебристая стена. Словно высшие силы решили сделать людям предупреждение.

В это время Никола Тэсла забылся глубоким сном, не подозревая, что только что спас мир. Ему ничего не снилось, он просто спал. Чтобы восИ

становить силы. ТриИчетыре часа было вполне достаточно. Как будто его совсем не беспокоило, что творится на Земле.

ЫусмЛ постукивал когтями по панели и глядел в монитор на удаляюИ щуюся планету, быстро превращающуюся в маленькую точку на экране. В глазах ЫусмЛа проблеснула слеза.

«Все. Никогда нам больше не видать такого рая! Прощайте, безбрежные залежи болотного мха!.. Снова, снова бесконечные скитания впереди...»

Мощный крейсер зеленоидов включил гиперскорость и покинул Солнечную Систему.

апрель, 2008 г.

Об авторе

Родился в 1973 году в г. Тюмени. Учился в Красноярском институте, закончил Тюменский Нефтегазовый Университет. Служил в армии в Североморском гарнизоне. Работал инженером на заводе, менеджером по рекламе, киномехаником, журналистом. Попытки чтоГто написать делал с детства, но серьезно увлекся литературой с 2006 года. Публиковался в журналах «Порог», «Техника Молодежи», «Очевидное и невероятГное», «Уральский следопыт», в 2010 г. в сборнике «Аэлита» (г. Екатеринбург) вышел рассказ «Спички». В настоящее время живет в Тюмени и работает специалистом по торговому оборудованию.

Владимир Дёминский

Оружие победы

— Так. Вставьте заготовку А28 в разъем 2/32, — Сэм перевел взгляд от экрана ноутбука на своего соседа по палатке. — Иван, ты опять дрыхнешь?

— И чему вас только в Массачусетском Технологическом учат? — Иван, почесав грудь волосатой рукой, лениво поднялся с койки и подошел к столу. — Ну, что тут у тебя?

— Вот, — выпускник МТИ продемонстрировал обрезок трубы и пластИ массовую пластину с четырьмя просверленными отверстиями разной формы. — Не влезает.

— Хм, действительно, — сделав пару безуспешных попыток, произнес Иван. — А ты не пробовал трубку другим концом вставлять?

— А? — Сэм недоуменно посмотрел на коллегу.

— Учись, студент! — инженерИмеханик повернул заготовку А28, и та с легким щелчком вошла в нужный паз. — Ладно, дальше сам разбирайся, — он сунул получившуюся конструкцию Сэму в руки. — Я на улицу, пройдусь. Надоело торчать тут.

Иван одел рубашку с нашивками Инженерного Корпуса, нахлобучил панаму и отодвинул полог палатки. На него тут же нахлынула волна жара. Инженер скривился, но переступил порог и выбрался наружу.

Оба солнца планеты Сарда припекали вовсю. Благодаря им днем в пустыне температура редко когда опускалась ниже 65 градусов по Цельсию. В дикой жаре выживали лишь гигантские, с полметра длиной, шестиногие ящерицы да тукумзы — высокие, зеленовато–коричневые растения, чемИто напоминающие мексиканские кактусы.

Впрочем, в пустыне могли жить не только тукумзы.

— Я научу вас, мать вашу, родину любить, мать нашу! — до Ивана донесИ ся зычный рык сержантИмайора Вайта. — А нуИка, быстро подняли свои жопы и побежали вокруг периметра! РазИдва, разИдва, разИдва, левойИ правой, разИдва. Блэк, подбери пузо, Рич, утри сопли, ты же космодесантИ ник!

Инженер обошел палатку и направился к центру лагеря. Вайт, разваливИ шись в шезлонге под тентом, попивал ледяное пиво, только что вытащенИ ное из сумкиИхолодильника и периодически покрикивал на взмыленных десантников.

Увидев проходящего мимо гражданского, сержантИмайор оскалился в приветственной улыбке, отчего его испещренное шрамами лицо приобрело непривычное выражение.

— Опять гоняешь своих парней, не надоело? — поинтересовался Иван.

— Ну, дык, иначе эти обезьяны совсем жиром обрастут, — сержантИ майор смачно рыгнул. — Рико, ты что это там встал и яйца чешешь? А нуИка,вперед!

Не желая вмешиваться в процесс тренировки, Иван кивнул Вайту и направился к ближайшей палатке. Здесь, аккурат возле казармы, под неуИ сыпной охраной двух космодесантников, хранилась самая ценная вещь на базе — трансфинитная пушка.

Пройдя мимо вояк и стараясь не обращать внимания на царившую внуИ три духоту, инженер подошел к орудию. Пушка стояла на трех подвижных опорах, сделанных из меледена. Легкий и в тоже время чрезвычайно прочИ ный металл загадочно поблескивал в полумраке.

Иван провел рукой по чуть шероховатому стволу и подергал за рукоятку зарядного механизма. — Уже скоро... — прошептал инженер.

Следующим местом, куда он зашел, стал водосборник. Вода на Сарде встречалась редко, три четверти территории планеты покрывали пустыни. Поэтому колонизировать столь уютное место пока никто не спешил, да и вообще, корабли редко посещали мультиИолнечную систему. Зато Сарда, ввиду своей непопулярности и отдаленности от основных звездных трасс, являлась лучшим полигоном для секретных испытаний нового оружия.

Водосборник представлял собой пару насосов, день и ночь качавшие воду из пробуренной две недели назад полукилометровой скважины. Живительная влага вначале попадала в трехсотлитровый бак, откуда по пластиковым трубам поступала в палатки. Впрочем, способ добычи воды сейчас Ивана интересовал меньше всего.

Рядом с баком стоял небольшой деревянный ящик, выкрашенный в белый цвет. Из цистерны к нему тянулся змеевик, который исчезал в дыре, просверленной в крышке. От чересчур любопытных ящик надежно запиИ рался на висячий замок. Это было настоящее произведение искусства, подИ линная копия вещи из двадцатого века. Замок и ключ к нему Иван вырезал из цельного бруска титана, еще когда учился на четвертом курсе Академии и сдавал зачет по истории технологий.

Оглядевшись по сторонам и убедившись в отсутствии посторонних, инженер уселся на корточки и отворил крышку. Устройство, находившееся внутри, одновременно выполняло функции кондиционера, многослойноИ го фильтра и самогонного аппарата.

— Надо будет потом еще тукумзов нарезать, — инженерИмеханик потыИ кал пальцем в наполовину пустой контейнер, в котором бродили кактусы. С некоторым усилием Иван извлек из ящика запотевшую полуторалитроИ вую бутылку, на две трети наполненную светлоИзелтной жидкостью.

— Дрогнем! — он сделал приличный глоток.— Ыхх! — глотку словно обожгло огнем, который тут же сменился холодом. Язык занемел, а на глаза навернулись слезы.

— Хороффо, — выдохнул естествоиспытатель. По вкусу полученное пойло чемИтонапоминало текилу, но только послаще. Да и покрепче, граИ дусов под семьдесят, не меньше.

Инженер просидел еще с минуту, блаженно прикрыв глаза и прислушиИ ваясь к своим внутренним ощущениям. Затем поставил бутылку на место,

закрыл крышку и навесил замок. Бросив прощальный взгляд на ящик, скрывающий результат многочасовой работы технического гения, Иван поднялся. Пора было возвращаться.

— Ну, что там? — поинтересовался Сэм, стоило только инженеру войти в палатку.

— Жарко, — Иван присосался к пластиковой канистре и выпустил ее лишь после того, как выпил не меньше полулитра воды. Текила, как оказалось, оставляла после себя довольно такие мерзкое послевкусие.

— Я закончил с блоком наведения. Осталось только установить.

— Ну так, вперед, — инженер взгромоздился на койку и открыл свой ноутбук.

— Слушай, а почему так получается, что основная часть работы всегда достается мне? —обиженно спросил Сэм.

— Потому, что ты молодой и умный.

— Эээ...

— А я, — Иван перебил коллегу, не давая ему закончить фразу, — старый и опытный. Давай, иди уже. Там тепло и солнце светит, даже два. Большое и маленькое.

Сэм молча вышел, а Иван тут же запустил «Реконструкцию». На эту программу он натолкнулся пару лет назад в сети GlobalNet и с тех пор тратил на нее значительную часть свободного времени.

С помощью «Реконструкции» можно было голографически воссоздать и увидеть в действии оружие любой эпохи, от первобытнообщинного строя и до первой половины двадцать первого века. Перед пользователем стояла задача пройти по всем ступеням технологической цепочки, начиная от примитивного копья с обожженным на костре наконечником и заканчивая ракетой «ТопольМ». Вчера Иван почти закончил собирать мортиру и сегодня хотел начать ее испытания. Однако, любимым делом инженер наслаждался недолго. С улицы раздался пронзительный свист, судя по звуку, это приземлялся грузовой звездолет. Выругавшись сквозь зубы, Иван отложил ноутбук.

Он подошел к воротам базы как раз в тот момент, когда корабль, напоследок взревев двигателями, тяжело осел за периметром. Занявшие позиции десантники нацелили на входной шлюз гравибластеры.

Люк с шипением отворился, и из него вышли два человека. В руках звездолетчики несли длинный громоздкий ящик, выкрашенный в защитный цвет. Не обращая никакого внимания на взявших их на прицел космодесантников, они поставили его возле главных ворот.

— Мне нужен Сэм Фишер или Иван Серцофф, — отдуваясь и вытирая пот со лба, обратился к Вайту один из носильщиков, безошибочно угадав в нем главного.

— Я Серцофф, — Иван выглянул из-за плеча сержанта-майора.

— Служба военной курьерской доставки. Приказано передать лично в руки. Распишитесь, — курьер протянул инженеру снежно-белый лист пластика с небольшим черным квадратом в правом верхнем углу.

Иван приложил к нему большой палец. Через секунду раздался едва слышный писк. Личность была подтверждена.

— Благодарим за сотрудничество, — курьеры синхронно развернулись через левое плечо и, не прощаясь, быстроИбыстро заспешили к своему кораблю. Похоже, пребывание на Сарде не доставило им большого удоИвольствия.

— Мать их..., — сержантИмайор выругался, но так тихо, что инженер не смог разобрать всех слов.

Стоило только люку захлопнуться за спинами курьеров, как грузовоз стартовал. Через мгновение на месте его стоянки остался лишь обугленный дюзами круг из расплавленного песка. А в голубом без единого облачка небе, постепенно уменьшаясь, таяла черная точка.

— МИмать, — уже громче произнес Вайт.

— Полностью с вами согласен, сержантИмайор. А теперь, если не затрудИнит, хорошо бы этот ящичек отнести ко мне в палатку.

— Рико, Танго, че рты пораззевали? Слышали, что сказали? Быстро отнесли эту хреновину, одна нога здесь, другая там! Остальные, в упор лежа, отжаться сорок раз!

Десантники подскочили к доставленному грузу, подняли, закряхтели и понесли в лагерь.

— Что это за хрень? — сержантИмайор, прищурившись, посмотрел на Ивана.

— Трансфинитные батареи. Дарвы сделали.

— Олухи вислоухие. Нелюди хреновы, — Вайт сплюнул на песок, видиИмо, таким образом пытаясь показать свое отношение к инопланетным союзникам. — Еще десять отжиманий! Вы что, уроды, думаете, если я говоИрю, то не вижу, как вы ничего не делаете?!

Оставив сержантИмайора заниматься укреплением боевого духа, Серцофф пнул в бок ползущую мимо шестиногую ящерицу и неторопливо пошел обратно. В палатке уже сидел Сэм. Разобравшись с запорными клаИпанами и отвинтив крышку от ящика, лучший студент инженерного факультета выпуска 2132 года внимательно изучал содержимое. Его лицо при этом покраснело и приняло довольноИтаки странное выражение.

— Иван,— прошептал он, — что ЭТО?

— Батареи. А ты... — инженер оборвал свою тираду на полуслове, так как подошел поближе и увидел, что именно лежало внутри. Там располагался кусок серебристого металла, намертво приваренный к стенкам. На нем, в специально сделанных углублениях, лежали одиннадцать небольших, велиИчиной с кулак, пирамидок рубинового цвета.

— Батареи, — еще более трагическим шепотом произнес Фишер и выта И щил одну. — А почему, они такие... треугольные? Ведь пушка рассчитана на квадратные, куда их теперь совать?!

— Эээ... — на этот вполне логичный вопрос, Иван не смог дать вразумиИтельного ответа,–нуу... эээ... может в Службе доставки перепутали что?

— Комиссия приезжает завтра на рассвете! Как мы будем стрелять из этой ублюдочной пушки, если у нас вместо энергобатарей, непонятно что?!

— Ничего. Разберемся... какИнибудь... наверное, — Иван выхватил из рук коллеги батарею и внимательно ее осмотрел. Пирамидка была сделана из материала, который на ощупь напоминал мрамор и приятно холодил

ладони. Перевернув ее, инженер увидел, что в основании, примерно на пять миллиметров вглубь, выдавлено изображение круга.

Пожав плечами, Иван произнес несколько резких слов на непонятном Сэму русском языке, после чего перешел на космолингво и обратился к напарнику:

— Я сообщу обо всем адмиралу Токугаве.

Успокоив таким образом коллегу, Серцофф положил пирамидку на стол, уселся на койку и потянулся к ноутбуку.

— И это все?! — лицо Фишера пошло белыми пятнами.

— Ага. А что мне еще делать, напильником края обточить? Если тебе неймется, то у военных где-то на складе должен быть анализатор, попроси, может, дадут. Попробуй разберись, что это за штуку нам прислали.

Сэм поиграл на лице желваками, но ничего не ответил. Отвернувшись к своему ноутбуку, он принялся ожесточенно стучать по сенсорным клавишам.

В палатке наступила тишина. До сеанса связи с командованием оставалось еще полтора часа, так что Иван наконец-таки смог отдаться любимому делу. Запустив «Реконструкцию», он пострелял из мортиры и перешел к разделу «Минометы».

«Во время русско-японской войны 1904-1905 годов оборона Порт-Артура перешла в «окопную» стадию. Ружейный и пушечный огонь оказался малоэффективным против засевших в траншеях японцев. В сложившейся ситуации русский офицер Л. Н. Гобято изобрел миномет — орудие, стрелявшее оперенным снарядом по навесной траектории. В качестве первых снарядов использовались морские мины, что и дало оружию его название». — Прочел Серцофф в сопроводительном файле.

— Иван! Смотри скорее! — во весь голос заорал Фишер.

Глухо застонав, инженер-механик повернул голову.

— Я открыл ее! — триумфально объявил Сэм.

Действительно, из основания пирамидки на пластиковую папку, лежащую на столе, сыпалась тонкая струйка белого порошка.

— Я надавил на круг, он щелкнул и появилось отверстие! — Фишер улыбался такой счастливой улыбкой, как будто только что выиграл в лотерею миллион кредитов и турпоездку на Землю.

— Молодец, уважаю. А если порошок токсичен?

Улыбка на лице Сэма немного померкла.

— Значит, так. Сейчас забираешь эту дрянь и дуешь к военному аналитику. Там делаешь все тесты, какие только возможны. Химический состав, атомарная структура, примеси, реакции с водой, огнем и кислородом. В общем, не мне тебя учить. Так что вперед, до сеанса связи осталось тридцать минут.

Фишер, отодвинув как можно дальше от себя папку с порошком, на негнущихся ногах вылез наружу.

— Мальчишка, — пробурчал Иван, искоса поглядывая на ящик с пирамидками. Серцофф был немного уязвлен открытием Сэма. Казалось, до такой элементарной вещи можно было додуматься и самому, а вот, поди ж ты, не догадался!

Через двадцать минут Фишер вернулся и протянул инженеру распечатку с результатами тестов.

— Так, количественный анализ... молекулярный состав... атомно–эмиссионная спектроскопия... хроматография... ммм, непонятно, но впечатляет, — Иван пробежался глазами по тексту. — Качественный анализ... примеры качественных реакций на катионы... о, а это что?

— Экзотермическая реакция. При нагревании выше восьмидесяти семи по Цельсию порошок начинает выделять тепло.

— И много он его выделил? — Иван вопросительно изогнул бровь.

— Датчик вышел из строя на показателе полторы тысячи градусов по Цельсию.

— Мда,— Серцофф задумчиво почесал переносицу и бросил распечатку на стол.— Чувствую, без адмирала мы тут не разберемся.

На орбите планеты Сарда вот уже вторую неделю кружил линейный крейсер «Худ», принадлежащий вооруженным силам Объединенных Коалиций. Каждый день ровно в семь вечера по местному времени между ним и базой осуществлялся закрытый сеанс связи.

Вот и сегодня, стоило только экранам мониторов показать цифры 19.00 вместо 18.59, как тут же DMИприемник замигал разноцветными огоньками, загудел дешифратор, и в центре палатки возникла голографическая проекция.

— Докладывайте, — не желая тратить времени на такие ненужные вещи, как взаимные приветствия, отрывисто бросил командующий.

— Господин адмирал! — опередив Ивана, начал говорить Фишер. — Сегодня мы получили батареи, но это вообще не батареи, а неизвестно что! — он потряс перед лицом адмирала распечаткой.— Наверное, ошиблась служба доставки, сэр. С тем, что у нас сейчас есть, пушка стрелять не будет, сэр. Нужно перенести испытание... сэр.

Услышав эти слова, Серцофф едва заметно поморщился, что же касается Токугавы, то адмирал проявил истинно олимпийское спокойствие. Он лишь сузил глаза и, глядя в лицо Сэму, чеканя каждое слово, произнес:

— Меня не волнуют ваши проблемы. Трансфинитная пушка стала первой совместной военной разработкой ученых из Объединенных Коалиций и расы дарвов. Удачной разработкой. И поэтому испытание пройдет успешно. Этого требует Верховный Координатор и Министерство Обороны. Мы должны наращивать военное сотрудничество. Или ты сомневаешься в мудрости нашего вождя, сынок?

— Нет, нет... — Фишер начал заикаться.

— Комиссия из ГКУ прибывает завтра утром в 7.00. Я не потерплю саботажа! Выполнить и доложить.

Огоньки на DMИприемнике погасли, гудение дешифратора смолкло и изображение адмирала исчезло.

— Как это сделать? — на Сэма невозможно было смотреть без жалости. Его подбородок задрожал, казалось еще немного, и он заплачет.

Иван поднял с пола распечатку, которую от волнения выронил Фишер, и еще раз пробежался по ней взглядом.

— Не боись, прорвемся, — он похлопал Сэма по плечу. — Жди меня тут

и никуда не выходи. В ящик с пирамидами больше не лезь. А чтобы ты не скучал... — инженер потыкал клавиши своего ноутбука, — прочитай пока вот это сообщение. Сейчас оно лежит у тебя в почтовом ящике. Файл называется «bred».

Не дожидаясь ответа Фишера, Иван покинул их жилище. Выпускник МТИ ошарашенно посмотрел ему вслед, затем повернулся к компьютеру.

Солнца уже начали клониться к закату, но жара еще не отступила. К этому времени Вайт обычно уже прекращал муштровать солдат, расставлял часовых и отправлялся к себе в палатку. Космодесантники, которые были свободны от несения боевого дежурства, развлекались в казарме просмотром порнухи, благо современные средства виртуальной реальности предлагали своим пользователям весьма широкий спектр возможностей.

Пройдя мимо палатки, откуда раздавался восторженный рев трех десятков здоровых глоток, Серцофф свернул к водосборнику. Отперев ящик, он достал бутылку и с грустью посмотрел на плещущуюся внутри зеленую жидкость.

— Обидно, досадно, но ладно, — сказал Иван по-русски. Он выдернул змеевик из бака и заткнул отверстие резиновой пробкой, после чего небрежно прикрыл крышку, положил замок в карман и решительным шагом направился к жилищу сержанта.

Вайт сидел за столом и держал в руках фоторинию. На грубом, словно вытесанном из камня лице военного, застыло пугающе-нежное выражение. С плазменного экрана улыбалась высокая белокурая женщина, а маленькая девочка, держащая ее за руку, приветливо махала сержант-майору.

— Че надо?! — рявкнул он, увидев Ивана.

— Поговорить... о жизни, — инженер тряхнул бутылкой. Раздалось отчетливое бульканье.

— Заходи.

Минут через сорок они уже сидели обнявшись и пели марш Второй Космодесантной Бригады.

— Слушай, я вот тут хотел спросить у тебя, — дождавшись, пока сержант-майор вольет в себя очередную порцию местной текилы, сказал Иван. — Мне тут кое-какие детали нужны с вашего склада. Из оружейного отдела.

— Говно вопрос Ваня, какие пра-блемы?! — сержант-майор икнул и порылся в карманах.— На, держи! — он шлепнул на ладонь инженера магнитную карточку. — Полный допуск во все помещения!

— А код?

— Alpha344958032Gamma235, — без запинки произнес Вайт и хлебнул пива, чтобы перебить мерзкое послевкусие.

— Alpha344958032Gamma235, ага, — повторил инженер. — За десант! — он поднял кружку и, фальшивя на каждой ноте, запел гимн Третьей Космодесантной.

Примерно через полчаса, уложив спать пришедшего в совсем уж непотребный вид сержант-майора, Серцофф, не очень твердо держась на ногах, вернулся к Сэму.

— Иван?! — лучший выпускник МТИ посмотрел на коллегу круглыми от изумления глазами.

— Тщщщ, — инженер поднес к губам указательный палец. — Все проИ читал?

— Да, но я не...

— Потом. Все потом, — Иван схватил Сэма за руку и потащил к выходу. — Идем, у нас много работы.

Ровно в семь часов утра над базой, полностью накрыв ее своей тенью, завис белоснежный спейсИшаттл, на боках которого были выгравированы эмблемы Объединенных Коалиций. Затем он медленно и важно отлетел в сторону и приземлился километрах в трех от периметра.

В честь торжественной встречи комиссии из Главного Контрольного Управления, сержантИмайор выстроил перед главным входом весь личный состав. Десантникам, одетым в полный комплект парадной брони, состояИ щий из блестящего шлема, нательного панциря, налокотников и наколенИ ников, был дан строжайший приказ стоять молча и внимать каждому слову высокого начальства.

Даже Иван и Сэм, проникшись важностью момента, надели серые мунИ диры Инженерного Корпуса, кстати говоря, совершенно не предназначенИ ные для ношения в пустыне. Хорошо хоть с утра, пока еще солнца не проИ грели воздух, датчик температуры показывал терпимые 42 градуса!

Инженеры и четыре десятка солдат с изумлением проводили спейсИ шаттл взглядами.

— А ближе сесть они никак не могли? — пробурчал Сэм.

— Молчи, — едва шевельнув губами, чуть слышно произнес Серцофф.

— ОтряИяд! — рявкнул сержантИмайор, покосившись на инженеров налитыми кровью глазами, — к шаттлу, шагом ааарш!

Минут через пятнадцать они добрались до корабля. К тому времени возле него уже натянули несколько тентов, под которыми поставили трибуИ ну, пластиковые кресла и столы с прохладительными напитками. Впрочем, к трибуне подойти никому не дали. СпейсИшаттл оцепили черные береты — бойцы из личной гвардии директора ГКУ.

Десантники, оказавшиеся в полной выкладке на все усиливающемся солнцепеке, глухо заворчали.

— В нарядах сгною, — пообещал сержантИмайор.

Ропот прекратился.

В этот момент из спейсИшаттла вышло несколько человек. Возглавлял процессию тучный мужчина в парадном генеральском мундире, за ним следовало четверо полковников ГКУ. Замыкал шествие черный берет, котоИ рый вел на поводке серого пуделя.

Полковники расселись за столами, собака подняла ногу и помочилась на стойку шаттла, а толстяк начал взбираться на трибуну.

Сэм посмотрел на Серцоффа квадратными глазами, однако ничего не спросил.

— В первый раз на комиссии я тоже удивлялся, потом привык. Этот жирный — генерал Жмахо, зять министра обороны и второй заместитель директора ГКУ. Не понимает в системах вооружения абсолютно ничего. В

прошлом году Великий Координатор пожаловал ему титул графа, — проИ шептал Иван.

— А собака?

— Что собака? Ну, любит человек своего пуделька, вот и таскает его с собой. Везде. Ладно, все. Сейчас генерал, как обычно, речь толкнет. Слушай.

Действительно, взобравшись на трибуну, граф Жмахо обтер кружевным платком вспотевший лоб и сказал:

— Соратники! В это трудное для нас время, когда прогрессивное человеИ чество напрягает все свои силы для борьбы с инопланетными агрессорами, мы собрались здесь, чтобы испытать могучее оружие, созданное нашими учеными! Под руководством Великого Координатора Вильгельма Третьего, доблестные войска Объединенных Коалиций уже нанесли врагу поражение и захватили систему Тамерун. Победа близка, но война еще не закончена, нет! Враг хитер и коварен, его агенты действуют на фабриках и заводах, в штабах и военных округах, в больницах и библиотеках! Будьте бдительны!

— Опять та же песня, — тоскливо подумал Серцофф. — Тоже самое он говорил год назад, на испытаниях гравилета...

Иван покосился на истекающие потом лица космодесантников. Бойцы искренне пытались принять заинтересованный вид, но получалось у них не очень.

— ... дабы сохранить режим секретности, любая запись информации на мультимедийные носители запрещена. Все данные будут зафиксированы только на бумаге, — генеральский голос, усиленный динамиками, разноИ сился по пустыне на несколько километров вокруг. — Согласно протоколу №2987 от 2 ноября 2134 года утвержденного директором ГКУ, испытание считается успешным по совершении трех выстрелов из пушки.

— Ну, это мы и без тебя знали, — Серцофф посмотрел на уже высоко поднявшиеся солнца и поправил висевший на шее лазерный дальномер.

— Начинайте! — генерал лихо отхлебнул коньяка из поднесенной офиИ циантом рюмки.

Десантники расступились, и глазам высокой комиссии предстала трансИ финитная пушка. На песке лежали задняя стенка от боевой машины пехоИ ты, полуметровой длины труба из стекловолокна, несколько деталей от гравибластеров и два меледеновых стержня. Все это было выкрашено в жизнерадостный сероИзеленый цвет. Чуть поодаль стоял черный пластикоИ вый мешок.

— Собираем! — скомандовал Серцофф.

Через пару минут трансфинитная пушка была готова.

КогдаИтодавно студента Жмахо за неуспеваемость выгнали со второго курса Московского Института проекционной голографии. А друзьяИ полковники, из которых он теперь формировал свою свиту, были такими же недоучками, как и сам новоявленный граф.

В высокой проверяющей комиссии никто не заканчивал Военную или Инженерную Академию. Уловить сходство между получившимся чудом инженерной мысли и минометом, состоявшем на вооружении Красной Армии во время Второй Мировой Войны, было некому, поскольку знаюИ щих людей ГКУ не прислало.

— Давай! — внезапно осипшим голосом сказал Иван.

Фишер кинулся к мешку и достал из него два снаряда. Пирамидка дарИ вов, банка изИподармейской тушенки, синтактик и быстротвердеющий пластик — все это, соединенное вместе и выкрашенное в серый цвет, предИ ставляло собой минометную мину образца 2134 года.

— Огонь! — взвизгнул Серцоф.

Мина с воем унеслась в пустыню.

Мелькнула вспышка. Такая яркая, что на мгновение перед глазами поплыли разноцветные круги. Лица инженеров опалила волна жара. С головы Жмахо упала фуражка.

— Уменьшить угол наклона! Огонь!

На этот раз мина упала дальше, так что жара они почти не ощутили.

— Третий!

Над головой с ревом пронеслось звено истребителей Объединенных Коалиций. Оставив в небе инверсионный след, они исчезли гдеИтова гориИ зонтом. Проводив взглядом боевое охранение спейсИшаттла, Сэм достал третий снаряд и зарядил трансфинитную пушку.

Последняя мина разорвалась примерно там же, где и вторая. В лазерный дальномер было видно, как расплавился и, вздуваясь огромными пузыряИ ми, закипел песок, растекаясь причудливыми лужами. Испытание заверИ шилось.

Сэма не держали ноги, и он повалился на землю рядом с сидевшем на опорной плите Иваном.

— Что теперь будет? — тихо спросил Фишер.

— Увидим.

— Блестяще! — объявил генерал. — Герои, подойдите ко мне!

Черные береты расступились. Когда Иван, поддерживая Сэма под руку, приблизился к трибуне, граф Жмахо, глядя на них сверху вниз, торжественИ но объявил:

— От имени трудового народа всех планет Объединенных Коалиций выношу вам благодарность!

— Служим Объединенным Коалициям! — вразнобой, зато по уставу, ответили инженеры.

— Властью, данной мне Великим Координатором, объявляю испытание пройденным! Приказываю в течении двух дней демонтировать базу и верИ нуться к постоянному месту несения службы.

Спустившись с трибуны, генерал погладил любимого пуделя и пожал инженерам руки. Затем опрокинул еще одну рюмку и подписал протокол испытания. После чего, не попрощавшись, направился к спейс–шаттлу.

Спустя две минуты корабль стартовал. Инженеры остались предоставИ ленными сами себе. ОткудаИто издалека донесся рык сержантИмайора Вайта. Кажется, он решил устроить своим парням легкую пробежку до самого лагеря.

— Вот так у нас дела делаются...— Серцофф пристально посмотрел на Фишера. Тот ничего не ответил.

Разобрав пушку, инженеры молча поплелись к базе. Пора было готоИ виться к отлету.

Эпилог

Сидящая на бархане ящерица проводила улетающие корабли внимаИ тельным взглядом. Двуногие, которые недавно появились в пустыне, наконецИтопокинули планету. Ящерица дернула головой. С легким щелчИ ком сдвинулась верхняя часть черепной коробки. Внутри глубокой выемки, в окружении крошечных экранов и проводов, сидело амебоподобное сущеИ ство зеленого цвета.

— Оружие двуногих безнадежно устарело. На что они только надеются, напав на нас? — думал Т'гастр, — быстро набивая шупальцем отчет для Совета Старейших. — Нам, избранным, они не ровня.

Об авторе

Родился в 1982 году в семье учителей. Закончил механикоГматематический факультет Ростовского Государственного Университета. В данный момент работает преподаваГ телем высшей математики. Писать фантастику начал в 2008 году.
Автор нескольких рассказов, написанных в жанрах «социальная фантастика» и «городГ ское фентези». Рассказ «Демоны Сталинграда» опубликован в сборнике «Настоящая Фантастика 2010» издательства «ЭКСМО».